

ЛУКЬЯНЕНКО

Александр
Федорченко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга о выдающемся советском ученом-селекционере академике Павле Пантелеймоновиче Лукьяненко, создателе многих новых сортов пшеницы, в том числе знаменитой Безостой-1. Автор широко использует малоизвестные материалы, а также личный архив ученого и воспоминания о нем ближайших соратников и учеников.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Александр Федорченко](#)
 -
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)

- [illegible]

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 15

(653)

Александр Федорченко

ЛУКЬЯНЕНКО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Рецензенты:
доктор сельскохозяйственных наук, профессор *Я. В. ГУБАНОВ*,
член Союза писателей СССР *В. Н. ПОТАНИН*

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

В. Лыкович

ПРЕДИСЛОВИЕ

С особым волнением я решился представить читателю книгу об академике П. П. Лукьяненко. И не только потому, что мне посчастливилось хорошо знать Павла Пантелеймоновича, но и потому, что теперь, с ее выходом, как бы начинается вторая жизнь нашего замечательного земляка.

Со страниц этой книги встает живой образ человека поистине необыкновенного. Всю свою жизнь он посвятил хлебу. А ведь к хлебу у нашего народа отношение особое — уважительное, бережное, трепетное. Хлеб всегда воспринимался как святыня и ценнейшее народное достояние. Так было, так есть и всегда будет. Глубокой признательностью народа овевя труд тех, кто хлеб выращивает и выпекает. И тех, кто создает его новые сорта. С именем же П. П. Лукьяненко связана целая эпоха в истории селекции главного хлеба — пшеницы.

В деле создания новых сортов пшеницы и внедрения их в практику наша сельскохозяйственная наука за последние четверть века достигла больших высот. И это далеко не случайно. Ведь такие достижения были подготовлены всей нашей жизнью, ее укладом, требованием времени. Наша партия с первых дней Советской власти ставила и ставит перед сельским хозяйством и сельскохозяйственной наукой важнейшие задачи. На разрешение их требовались усилия не только тружеников села и ученых, но и многих других специалистов. Для существенного подъема сельскохозяйственного производства необходимо было перевооружение целого ряда промышленных предприятий по выпуску новой техники, организация выпуска удобрений. Потребовалось также создать учреждения по разработке новой технологии возделывания важнейших сельскохозяйственных культур и еще многое другое.

Партия всегда уделяла огромное внимание обеспечению страны продовольствием, ибо одной из главнейших целей КПСС было, есть и будет повышение жизненного уровня советских людей.

П. П. Лукьяненко рос вместе со временем, его достижения как селекционера, ученого с мировым именем неотделимы от свершений нашего народа.

Биография П. П. Лукьяненко примечательна. Только Советская власть дала возможность простому крестьянскому парню из кубанской станицы Ивановской получить высшее образование, заняться любимым делом и посвятить ему всю свою долгую жизнь.

Проходит время, и все четче вырисовывается перед нами фигура удивительного человека, патриота и гражданина — Павла Пантелеймоновича Лукьяненко. Его жизнь и подвиг являют пример бескорыстия, подвижничества и творческого горения. Это был не только выдающийся селекционер, не только маститый ученый, но и вечный неутомимый труженик. Он был полон замыслов, когда нежданная смерть настигла его посреди пути, на опытном поле. Но это была та смерть, о которой мудро сказал однажды знаменитый французский мыслитель Монтень: «Я хотел бы, чтобы смерть застала меня за работой в поле». Лукьяненко имел полное право давно уйти на заслуженный отдых. Но кто из знавших его мог бы представить Павла Пантелеймоновича — «мага и волшебника», «чародея и кудесника», как величали его коллеги, — в роли стороннего наблюдателя?

П. П. Лукьяненко и сегодня с нами. Он один из тех, кого смело можно назвать кормильцем человечества: ведь на полях по-прежнему колосятся его хлеба. И к его опыту и советам мы ж сейчас продолжаем вновь и вновь обращаться.

Создаются и будут выходить на поля новые высокоурожайные сорта, выдвинутся — в том нет никакого сомнения — новые имена их создателей-селекционеров. Но благодарная память наша навсегда сохранит как обаяние личности Павла Пантелеймоновича, так и величие его подвига. Подвига человека, чье имя прочно вошло в историю отечественной науки как самое яркое в той плеяде ученых, которые совершили коренной переворот в возделывании важнейшей продовольственной культуры — пшеницы.

До выхода в свет этой книги на примере жизни академика Лукьяненко воспитывалось не одно поколение студентов нашего института. И все же, хотя о нем немало писали при жизни, не столь уж широкий круг людей был знаком с подробностями биографии знаменитого земледельца. Теперь же самая широкая аудитория сможет приобщиться к увлекательным страницам жизнеописания академика П. П. Лукьяненко. Думается, что автор этой книги, молодой краснодарский писатель Александр Федорченко, сделал большое и важное дело, воссоздав в научно-художественном жанре жизнь замечательного ученого.

Ректор Кубанского сельскохозяйственного института

профессор И. ТРУБИЛИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ПРОЛОГ

В нескольких верстах от Кубани по соседству с лиманами, посреди непролазного царства камышей чутко спит станица Ивановская. Ангелинский ерик выпутался из чащи Красного леса и движет по степи медленную, словно неживую воду. Круглыми ежовыми шарами свернулись кусты тернов, что нечасто сбегаются с кволым на низких падинах дубнячком, с ватажками диких лесных яблонек-кислиц да груш.

Тонкий месяц провис над куренем как кривая турецкая сабля. Светит он на всю округу, на беленые, крытые камышом хатки, на убогие землянки и защитный земляной вал. Торчат журавли до неба, где золотистый порошок звездной пыли уходит в крошечные дали и курит там Млечным Шляхом. Немалые тайны хранит темень ночная. Напригожила она уйму всякой всячины — от золотистых звездных сотов до черно-синего бархата поднебесья. Пьянит свежий дух травяного покрова — чего не учуешь тут: и сладкий чебрец, и горькая полынь, и прохладная мята. Сонмы трав разносят аромат свой по вольной степи. Печки, протопленные с вечера соломой или киззяками, источают сладковато-горький, терпкий запах, который витает вокруг жилья, конюшен, скотных базков. Тут много есть и того, чего не передать словами. Все в такой чарующей ночной прохладной тишине чудно, благоухает первозданной свежестью.

Заперты возами все выходы из станицы. На случай набега упрятали молодых девок на ночь за надежными стенами деревянной церкви. Пойди потом, поищи ветра в поле — скользнут непрошеные гости из-за Кубани — и сыщешь едва ли русских невольниц в десятых женах у отчаянного закубанца, а то и в самой Туретчине на ее горластых базарах очутится кубанский товар. И мало ли равной работки переделают рученьки белы да спинушка, попривыкши в годы неволи ко всякому?..

Разве что ручей, ледяной и быстрый, по вымытым корням чинар прожурчит матушке своей Кубани, как видел он не раз в своих водах светлолицую женщину — лила она слезы, роняла сиротские слова. Да сколько таких ручейков и целых речек сбегает в Кубань и что они успели поведать ей?

Смешалось в ней все, и мчит она, неугомонная, мутная оттого, что

слились с ней судьбы и тяжкая доля не одного народа и не десятка — теперь уж и не разобрать вовсе.

Горюют много повидавшие на своем веку запорожцы, спрашивают как будто сами себя про милую Украину. Где ж она? Где привычная Сечь, где вольные обжитые места; села где с вишневыми садочками под горою, со жнецами мирными, тополем, что подобен темной свечке при белом месяце, со студеными криницами и степями — степями немеренными и вольными, как вся их казацкая жизнь?..

И зори где алые, как дорогое турецкое сукно на тех шароварах вольницы?.. Все это теперь ушло, все это было. Было и не будет больше никогда.

А этот край — что ждет их тут, бедолаг? Кажется им порой, что все народы, какие перебывали на этих местах до них, поспешили обойти все это стороной, чтоб не ободраться жестоким терном, не побить чтоб колеса возам своим, не запутаться в липких зарослях ежевики — ожины, не сидеть на гнилых лиманах, где тьмущая тьма чирков и вертких лысок, легких, как чуткие поплавки, красивых и стройных водяных курочек. Здесь у нечистичомги все лето, считай, со спины не слезают и взрослые птенцы, тараща направо-налево свои пугала-глаза. Комар здешний плодится такими уймами и так прожорлив, что, не упившись ночью, остается насытиться кровью на день — допивать и дожаливать. Места эти испокон веку облюбованы лихорадкой, коренной жительницей этих краев.

Здесь всякое падшее семя и всякая былка за лето прорастут так, что к осени плуг, запряженный парой быков, с большим трудом отворачивает пласт — так обильно переплестись успевают раздобревшие плети корневищ камыша, терна, ожины, шиповника — всего того, что заставляет земледельца в минуты отчаяния опустить уки.

ТРИНАДЦАТАЯ ДУША

В первый год нового, двадцатого века числа двадцать седьмого в зеленом мае родился у станичного атамана урядника Пантелеймона Тимофеева Лукьяненко сын. Нарекли его по имени умершего несколько лет назад братика. Тринадцатая душа в семье на свет белый народилась... Поговаривали при этой вести ивановские старики: «В мае родиться — век маяться». Другие — те просто сочувственно покачивали головой, с пониманием и обреченностью утверждали: «Тринадцать — число несчастливое, тут и гадать нечего. Хотя казак народился, не баба...»

Когда в Скорбященской деревянной церкви станицы Ивановской священник Алексей Лавров окунал Павлуню в купель, то родичи и кумовья затревожились: не зябко ли младенцу будет? Батюшка чутким ухом своим уловил невольное беспокойство их и загадочно молвил: «Вода — не беда, во благо! Вырастет — жарко будет!»

Слова отца Алексея, передаваясь из уст в уста, легким шепотком облетели церковь, дошелестели до озадаченного батьки. «Какую такую думку таит поп в словах своих?»

Орущего хлопчика бережно приняли из лона купели, стали укутывать в белую холстинку. И все, кто был там, благостно разулыбались, всматриваясь в красноватое личико новорожденного.

— Ох и добрый казак будет! — заметила свояченица, крепче сжимая руку сестре, лицо которой тихо светилось от счастья.

— Ишь ты! С голосом, с песней! Не горюй ты, Евгеньюшка! Подумаешь, в мае родился! Май — коню сена дай! — храбрился счастливый батька. — Имечко зато отхватил какое — Павлуня!

И пока несли это крохотное тельце из церкви до дому, вспоминал Пантелеймон Лукьяненко, как давали прозвище внуку свояка. Отсутствовал старый казак на то время, когда крестили внука. Вернулся и спрашивает невестку:

— Ну, как же назвали без меня?

— Та Трихван назвали. Шо за Трихван?! — и в слезы. — Папаня, подить до батюшки, може, переменит имя? Ну как я звать его буду — Трихван? — говорит, а саму слезы душат.

— Ничо́го, ластонька, ничо́го. Схóдю я, — сказал сердобольный свекор.

Нацедил трехлитровый черепяный горшок меда, чистое все надел, бешмет и черкеску из сундука достал. Новую нарядную кубанку-«попик» из курчавого барашка-курпея нахлобучил: не зря заказывал в городе братьям Чернецким, сгодились. Вышел на улицу. По дороге свернул к магазину колониальных товаров. Голову сахара взял, фунт чая в жестяной размалеванной коробке. Чтоб не с пустыми руками идти.

Постучал. Вышла прислуга поповская.

— Доложите, — просит и протянул то, что в руках принес.

Через минуту-другую явился и сам отец Алексей.

— Ну, здравствуй! Что пришел?

Казак в объяснение, мол, так и так, имя неподходящее внуку дали. А тот в ответ:

— Имя, говоришь, некрасивое? Менять не буду — грех это! Да ты послушай только — Трифон. Благости сколько в нем! А значит оно — живущий в роскоши, в холе, в почете. Трифон-садовод. Был такой святой. Знатный садовод, скажу тебе. Да ты сам не садовод разве? Нет, не стану менять имя ни за что! А невестке своей так и скажи: грех великий на душу взять могла — имя менять.

Поблагодарил казак за толковое объяснение, откланялся и, пятясь, пошел с подворья ни с чем. Приходит домой и говорит:

— Не плачь ты, Федора. Мы его Терекон звать будем!

Посветлела невестка лицом. А тут кум в хату ввалился. Веселый, и крикнул громко:

— Хо-хх! Як звать, як звать? Охота вам башку ломать? Тришкó! А-уу! Ты где, Тришкó?!

Пантелеймон Лукьяненко, улыбаясь приятному такому воспоминанию, трогал жесткий ус, поглаживал мягкую бороду, пока шла родня по станичным улицам. Дома уже по-праздничному накрыли стол, чтоб достойно, как это у всех добрых людей испокон веку и заведено, в кругу братьев и сестер, родичей всех своих, кумовьев завершить крестины. На сердце отцовском стало высоко и торжественно. Было отчего! Казак родился! Еще один помощник в хозяйстве, работник на ниве кубанской хлебородной, воин и защитник отечества российского.

ВЕСНА

В тысяча девятьсот первом году вопреки всем ожиданиям март пришел на Кубань непролазной грязью. Ходить в эту пору по Ивановской мало кто осмеливался. Землю уже к началу месяца так развезло от дождей, что, едва ступив шага два-три, пеший тут же обнаруживал на своих сапогах чуть ли не по пуду грязи, вязкой и неподъемной. Мощеных улиц тогда и в помине не было. Одну лишь Екатерининскую общими силами окопали для отвода воды. Земля насквозь напилалась. Воду обнаруживали, копнув всего на два-три штыка. Говорили со страхом: поднялась она до самого среза срубов в колодцах. Все предвещало неминуемый разлив Кубани к началу лета...

Учеников в тот год с великими мученьями, кто мог, конечно, подвозили верхом на лошадях и забирали из школы, усадив впереди себя и поминутно заставляя крепче вцепляться в гриву. С большой осторожностью правил такой ездок, выбирая наугад тропку побезопасней, боясь, как бы не скатился в грязь ребенок и чтобы лошадь, не выдержав

такой нагрузки, не упала бы на брюхо, придавив его вместе со школяром, плюхнувшись в липкую мартовскую грязь.

В тот год зима была на редкость теплой. Старики в один голос предсказывали необычно холодную весну. И все же вопреки всему с первых чисел марта зачастили дожди, посыпал мокрый снег, который день ото дня и час за часом делал беду все неотвратимей. Станичные и без того грязные улицы превратились в непролазное топкое болото. Уже кончились по многим дворам копны сена и даже соломы для скотины. Надо было подвезти с кошей оставшиеся припасы. Но полное бездорожье, беспутьца лишили ивановцев и этой надежды.

Оставалось сидеть и ждать, ждать, как говорится, у моря погоды. Когда теперь проянет, к какому дню удастся пробраться на хутора к более удачливым, как многим казалось, и запасливым, бережливым хозяевам, чтобы разжиться по крайней мере прошлогодней соломой до первой травы?..

К концу мая ждали наводнения. Но на этот раз обошлось. А бывали годы, и довольно часто, когда мутной грязной водой подкатывала Кубань к Красному лесу горские снега, и тогда серебряный трезвон колоколов деревянной церкви натужно, призывно бил тревогу, разливался по станице, долетал до дальних кошей, сзывая на сборную площадь. Стар и млад подымались тогда, запрягали подводы, бросали на них топоры, вилы, лопаты, все имевшиеся под рукой мешки и чучалы. Всем миром отправлялись к Красному лесу и дальше, за него. Добирались уже по воде, и вот там начиналась борьба, отчаянная, лихорадочная битва с наводнением. Рубили в ближнем лесу хмыз^[1], подвозили его к прорвам, вбивали, стоя по пояс в воде, колья, делали плетни, набивали мешки песком и землей, бросали в эти прорвы, пока те не успокаивались. Вода поступала через низкий берег все напористей, затопляла стоявшие стеной хлебные поля. Тут и там плыли копны сена, потом вдруг переворачивались, на глазах превращались в большие разорванные клочья на плоской водной поверхности.

Вдоль невидимого теперь берега Кубани копошились люди в холодной до боли в костях воде. Крики детей, плач и гомон баб дополняли картину сутолоки и неразберихи. Больше всех страдали, конечно, те, чьи нивы оказались на низких местах в роковом соседстве с покатым берегом. Где тонко, там и рвется! В такое время хутора и сады и без того обделенных при нарезке земли казаков можно было узнать разве что только по верхушкам деревьев да беленым трубам и гребешкам крытых камышом хаток.

В такие тревожные дни нередко можно было услышать причитания и плач. Оплакивали утопших. Тонули и в другие дни после наводнения, особенно дети. Случалось это горе уже тогда, когда большая вода спадала, оставляя огромные лужицы в балках и падинах. Тут же плескались гуси, перемежаясь с детворой, брошенной без присмотра. И редко случалось, чтоб кому-то из особо удачливых выпадало счастье подстеречь отставшую от ушедшей воды рыбину...

НА ЗАРЕ

Помимо молвы и всего, что сохранилось в памяти редких теперь старожил о самой станице Ивановской того времени, когда родился Павлуша Лукьяненко, есть сведения и о более ранней поре, той самой, когда еще первые запорожцы заселяли кубанскую землю.

Чтобы такие богатые рыбой, солью и дичью места, к тому же еще никем и никогда не обжитые, да были незнакомы запорожцам ранее того часа, когда в Петербурге им наконец подписали в конце июня документ на право владения кубанскими землями, — в то трудно поверить.

Кошевой атаман Захарий Чепега спешил, посылая ранней весной премьер-майора Мокия Гулика для рекогносцировки на Тамань. Заполучена желанная грамота, и через месяц, в августе того же года, запорожский полковник Савва Леонтьевич Белый усаживает более трех тысяч казаков на полсотни байд, и вся команда отправляется в нелегкий путь. Капитан бригадирского ранга Павел Васильевич Пустошкин должен был способствовать благополучному приплытию к таманскому берегу, что и совершилось 25 августа 1792 года.

Затем из-за Буга, где укрылись запорожцы от царских немилостей, в самом начале сентября отправляется другая партия казаков. Предводительствуемые самим Захарием Чепегой, они направляются через Дон к Ейскому городку. Прибывших к концу октября пеших и конных, обоз и войсковое правительство застигла скверная погода. Потому и сообщил Чепега таврическому губернатору С. С. Жегулину, что они решили «на зимовлю расположиться по левую сторону реки Ей».

Как только весна окончательно утвердилась в округе и можно стало ночевать в пути под открытым небом, 10 мая 1792 года часть конной команды во главе с атаманом Чепегой снимается с зимней стоянки и продвигается вверх по течению Кубани к Усть-Лабинскому редуту. Отсюда казаки будут просить соизволения высшего начальства указать то место, где

следует основать первый кордон Кубанской пограничной стражи. Так возникли в десяти верстах один от другого казачьи кордоны, в каждом из которых разместился гарнизон в пятьдесят человек под началом одного старшины. Уже к июню того же года были заложены десять кордонов и главный из них — Ореховатый, где поселились сто пятьдесят три казака. А в скором времени неподалеку от кордона заложили крепость и град Екатеринодар.

Через три дня по возведении кордонов Чепега отправляет рапорт таврическому губернатору, где отмечает, что казаки, не теряя «к домостроительству нынешнего удобного времени, заводят свои воинские селения по-над рекою Кубаном... между коими повыше Казачьего ерка верст за пятьдесят и главный войсковой град...».

Непуганая дичь, тараща глаза на воздвигаемые сооружения, сторонилась звона топора и визга пилы. Таились под кустами тернов фазаны и зайцы, дрофы, припадая к земле и замирая, прерывали свой бег, натываясь на следы человеческих ног. И только седобородые ковыли султанами развевались как ни в чем не бывало посреди нетронутых девственных трав, горделиво не замечая перемен.

Так начиналось утро кубанской казачьей истории, ее хлопотная, полная надежд и опасностей пора...

Дошли до наших дней и сохранились и другие источники, обращаясь к которым без труда убеждаешься, откуда и как «пошла-есть» та сила, что берется в нашем народе и, подобно родниковой воде, пробивается к свету сквозь толщу земную и являет-таки миру чистоту и целебную силу свою, оставаясь сама незамутненной вопреки всякому, казалось бы, здравому смыслу.

Источником таковым служит и записка, составленная есаулом Глинским по требованию областного начальства. Она содержит интересные фактические данные об истории станицы Ивановской, начиная с ее возникновения и кончая временем написания (апрель 1902 года). Приведем текст этой записки в некотором сокращении как документ своего, теперь уже такого далекого от нас времени:

«Станица Ивановская начала населяться с 1793 года и первое время имела название не станицы, а просто куреня Ивановского и только в 1850 году была переименована в станицу Ивановскую. Первые поселенцы были исключительно запорожские казаки, которых пришло сюда до 800 душ различного возраста, но немного после население Ивановского куреня быстро стало увеличиваться, так как сюда начали приходить и селиться

казаки Черниговской и Полтавской губерний, а в 1830 году сюда же переселилась большая часть жителей селения Ольгинского. Причиной переселения ольгинцев были разливы реки Кубани, возле которой стояло селение Ольгинское, а главным образом — частые набеги черкес, живших по ту сторону реки Кубани, которые, несмотря на то, что почти повсюду по берегу реки Кубани стояли сторожевые посты, все-таки переправлялись через реку Кубань, нападали на ближайшие станицы, грабили и уводили скот и людей к себе. Станица Ивановская чуть ли не больше других терпела от набегов черкес, особенно в зимнее время. Желая хоть немного защитить себя от этих набегов, ивановцы вынуждены были окопать свой курень рвом и обнести плетнем, а по углам этой изгороди поставить по одной пушке, но все это не помогало, и черкесы продолжали набеги.

Нередко черкесы нападали и на самые сторожевые посты и вырезывали там сторожевых казаков...

К 1870 году население станицы значительно увеличилось, и чувствовался существенный недостаток в земельном наделе, а потому в 1875 году жителям станицы Ивановской был нарезан дополнительный надел, но переселяться туда сначала не решались, а сдавали сперва эту землю за деньги кому придется и только в 1891 году начали переходить туда и устраиваться; переселение это продолжалось и в 1892 году, и в 1893 году. Переселившиеся на дополнительный надел жители станицы Ивановской таким образом основали хутор Ново-Ивановский, находящийся в нескольких верстах от станицы Тихорецкой».

Далее в записке упоминаются церковь Сретенья Господня, построенная в 1796 году переселенцами, и другая — на месте бывшей полковой церкви Тенгинского полка, отстроенная окончательно к 1887 году. И еще говорится в записке о самых значительных постройках в станице, в числе которых «магазин, построенный в 1896 году по проекту академика Львова, стоит обществу 10 600 рублей, и новая двухклассная школа, построена в 1899 году хозяйственным способом, стоит 26000 рублей».

Вот и все, что смог примечательного поведать нам безвестный ныне есаул о станице, где родился будущий ученый.

СТАНИЧНЫЙ АТАМАН

Сладки младенческие сны, и нет заботы ни Павлуне, ни Васильку — самым малым под отцовским кровом. Отцу же не до сна. Еще с полночи стал ворочаться он с боку на бок, боясь проспать предутренний час. Не

ближний свет — выбираться с края станицы до центра, а там в отдел^[2] ехать, чтоб к обеду добраться.

Тронулся до света. Утренняя зорька еще висела яркой лампадкой по краю станицы. Дохнуло от лимана ветерком, и месяц-молодик под той зорькой стал похож на вогнутый от сквозняка язычок пламени. Набирая силу, робко озеленив сперва краешек неба, а потом охватив его ширь, менялась, незримо и тонко алела над степью, растекалась заря. Так незаметно в пути, посреди свежей, молодой еще нивы, оглянешься вдруг, а кругом давно маков цвет алеет. Конские копыта мягко и тупо, будто обернутые тряпками, погружались в прохладную, еще неразличимую во мраке бархатную пыль. Кони попеременно отфыркивались, тревожа сыроватую и чуткую тишину предутреннего раннего часа. Звякала на выбоинах сбруя, линейка пружинила на стальных рессорах и мягко катила, слегка покачиваясь, как седло.

Уже далеко крыльцо правления, где ржавчина еще не успела покрыть кованые цифры кузнечной работы Митрофана Седина «1896» на козырьке. Позади подворье Савченко и чуткие белолистики, светло-серебристые на исподе, за оградой станичной церковки.

Ехал тогда Пантелеймон Лукьяненко в отдел по важному для себя делу. Все мысли его были заняты этим, и знал он, что нужнее для него сейчас ничего нет.

Вот проехали деревянный мост, и станица осталась за Ангелинским ериком. Чуток слева курился над невидимой отсюда Кубанью в легком низовом наземном тумане войсковой Красный лес, станичные сады над ним и ериком. Виноградники заметно выделялись ближними курчавыми шапками и темнели волнистыми шнурами вдалеке. Сюда ближе — рядок невысоких курганчиков — «рясны могилки» — и хутор Строкача островками высоких деревьев посреди ровной почти степи.

Слева и справа узнавал Лукьяненко коши дальних и ближних к нему по станице соседей-казаков. То тут, то там виднелись курени, сложенные из прутьев-хмеречи и кое-как обмазанные глиной. А иные, побеленные известкой, совсем копия станичных хат, не хватает только садочков да панычей с мальвами в палисадниках.

Далеко вокруг, насколько охватил глаз, раскинулось хлебородное поле. Хлеб налился и потяжелел, заметно склонился колосом долу. Невольно, неожиданно для себя самого Лукьяненко от переполнившей грудь светлой радости хлебной нивы, столь горячо и преданно любимой, от далеко окрест открывшейся жизни с невидимыми глазу перепелками и лопухими зайчатами в житах, с колючими безобидными ежиками и писклявыми

мышками, запел — куда и делись думки — сначала негромко, а затем всю силу своего голоса. Старая, еще дедовских времен, песня вконец изводила душу печальной радостью и невозвратностью молодечества. «Ой, на гори тай жинцы жнуть...» — лилось над дорогой.

Вот смолкла песня, и на смену ей пришло треньканье пересохших колесных спиц. Затарахтели стальные шины по крупным сухим комьям на тракте. Да еще изредка мерно, с присвистом всхлестывают хвосты по крупам, сгоняя докучливых мух.

Песня песней, а на душу Пантелеймона Тимофеева забота нелегкая легла. Как еще обойдутся с ним в Славянской?..

Не раз и не два придется еще отбиваться от наветов, немало дать объяснений начальству в отделе, прежде чем отстоит он свое доброе имя. Слава богу, на станичном сборе выбрали атаманом его соседа Васильченко, а с него хватит. Пока на жалованье сидел, свое хозяйство распадаться на глазах стало. Дети — восемь душ, мал мала меньше, вся работа лежит на нем с Евгеньюшкой. Скорей бы Николай с Петром подрастали, все легче будет. Кончался июнь 1901 года. Пантелеймон Лукьяненко сидел в своей комнате в правлении и не спеша дочитывал приказ за подписью генерал-майора Бабыча, в коем предписывалось следующее:

«Утвердив в должности атамана в станице Ивановской урядника Алексея Васильченко, избранного станичным сбором на основании статей 123, 136 и 137... предписываю заведывающему 1-м участком Полтавского Округа настоящую копию приказа № 118 объявить станичному сбору, уряднику Васильченко, последнего приведя к присяге, приказать ему принять, а исправляющему должность станичного атамана Лукьяненко сдать все общественное имущество, хозяйство, деньги, дела и бумаги на законном основании с расписками по описям, допустить Васильченко к отправлению возложенной на него обязанности».

Тут же лежал акт, подписанный сегодня им и Васильченко. Согласно этому документу он передавал, а новоизбранный атаман принимал все станичное хозяйство. Его преемник на счету общества нашел 130 546 рублей «экономических сумм», из коих наличными в кассе было только 6017 рублей 26 копеек. Остальные же находились либо в Государственном банке либо в долгах по векселям. Приняты по акту четыре общественных жеребца-производителя и две лошади пожарного обоза, которые «оказались здоровыми и в теле», две «пожарных машины-насоса», три бочонка с тачками и другие принадлежности пожарного обоза. Значились там также и два здания хлебных магазинов и находящийся в них запасной хлеб в количестве 1580 четвертей озимого и 818 четвертей ярового. Две гребли и

дощатая кладка через лиман требовали основательного ремонта. Мосты через Ангелинский ерик оказались неисправными, да и школьное здание с квартирами для учителей также требовало ремонта. Зато предмет его постоянной заботы и внимания — три общественные рощи с двумя караулками при них были в порядке. Троечные лошади и тарантасы со сбруями оказались также в неплохом состоянии, а вот тротуары и мостики по улицам нуждались в капитальном ремонте. Канцелярия станичного правления с делами была передана в полном порядке. Подписанная июля 24 дня 1901 года, бумага эта как будто освобождала его от всех предыдущих треволнений. Но впереди были новые испытания, и довольно серьезные.

После того как Пантелеймон Лукьяненко сдал свои полномочия, не раз пришлось ему съездить в том же месяце для объяснений в Славянскую. Жалобы станичников, незаконные действия которых он неуклонно пресекал еще не так давно, посыпались на его голову одна за другой. И только к началу ноября после долгих разбирательств и тяжб в Екатеринодар был послан рапорт с перепиской по жалобам урядника станицы Ивановской на бывшего станичного атамана Лукьяненко, которому и был объявлен выговор в качестве самой мягкой меры наказания. В рапорте было указание на то, что мягкость наказания обусловлена тем, что жалобщик урядник Яцько держал себя во время инцидента «дерзко перед станичным атаманом, что и подтверждено произведенным дознанием сотником Жуковым, почему и удар, нанесенный атаманом жалобщику, был вынужденный». Далее обосновывается мягкость меры наказания: «Как надо полагать, при составлении упомянутого постановления взяты были во внимание выдающиеся заботы названного урядника о благоустройстве станицы Ивановской, увеличение, благодаря тому же Лукьяненко, доходных статей в той же станице, отличное снаряжение казаков и поимка грабителей». Также отмечена была его активная роль в деле «розыска виновных в убийстве трех крестьян Бабенковых в марте месяце сего года, и вообще по управлению станицей».

Но беда не приходит одна. Стоило ему отойти от дел, как его снова призвали к ответу. На этот раз ему дали в руки прошение ивановского казака Льва Бережного, человека склочного и известного своим самоуправством. За небольшую мзду составил под его диктовку кое-как умеющий грамоте сосед эту бумажку, составил в выражениях крайне просительных и с явной целью разжалобить начальство. Подрагивает в непослушных от переживаний руках белый листок, и бегут, бегут корявые строки: «Наше Ивановское станичное общество несколько раз меня

обижает так что я невили более терпеть!

1-ое. За небольшой кусок толоки, мной съоранной меня общество ссадило с старого пая и сломали мой хутор. Дали мне у другом мести, а мою старую пай определили козаку Цыганку Емильяну даже что было мною посеянного то и посев мой прыказали Цыганку убрать сколько я ни просил общество на мою прозьбу необращает внимания, а именно бывший Атаман Лукьяненко на меня более сердится и поэтому мне общество позволило т. к. у меня 3 пая. то общество позволило одну иметь на мести, ну Лукьяненко и это устроил и даже что общество постановило приговор владеть одним паем, то Лукьяненко, бывши Атаманом по просьбе Цыганка выехал помощника урядника Павла Волошку и урядника Авраама Бескровного козака Сергея Зарубу козака Максима Бабия... ну как видно было, что этих лиц кто-то хорошо угостил, а потому когда они приехали то не могли старантаса слезть а падали строчь, кто куда попал и спали с утра до полудня, кроме козака Зарубы, который был не хмельной, той робил по порядку, ну когда помощник Волошка, Бескровный и Бабий проспались устали и безо всякой проверки отрезали моей пай шесть десятин Цыганку а мне осталось четыре, я обратился с просьбой к Атаману Лукьяненко за что у меня отняли шесть десятин земли, ну Лукьяненко Атаман с меня только смеётся (а у него, говорит, нет, вот ему и дали)...»

Прошло долгих полгода, прежде чем в декабре 1901 года ему было объявлено о том, что и в этом случае нет его вины, так как «в 1898 году Бережной, будучи соседом по паевому наделу с казаком Цыганком, самоправно распахал и засеял 1 и 1/4 десятины земли, принадлежащей Цыганку...». Многого стоило Пантелеймону Лукьяненко справедливое решение спорного вопроса, да и не только этого. Но помочь малоимущему или пострадавшему он считал всегда своим долгом, такая уж была его натура.

Несмотря на все передряги, он ни на кого зла не таил, а помнил другое. Он знал, что три года его радения в станичном правлении хотя бы малую память, да оставят о нем среди людей. Потому что все дела он старался вести на совесть, всегда слушал, что скажут те, кто имеет больший жизненный опыт, старался постоять за правду. То, что он сдал все полномочия и теперь может долгими зимними вечерами перебирать в памяти летние жаркие дни, когда они с Васильченко сверяли по описям и по буквам инвентарь, приносило ему успокоение и надежду, что теперь-то он сможет наконец заняться своим пошатнувшимся хозяйством вплотную. И отходили прочь при этой мысли те нелегкие заботы, когда в глазах его стоял изо дня в день список, где значились и «чернильный прибор со

звонком, дощатый диван, куски сукна для настилки пола, чугунная печка с трубами, 4 фонаря на столбах с лампами». В конюшнях и сараях при правлении значились «крашеные бочки для возки воды, ушат для воды, хомуты, дуги, чересседельники, ординарные вожжи», а также предмет общей заботы и внимания — общественные и казенные жеребцы, общественные весы с железными стрелами, разные гири, конь деревянный для обучения молодых казаков. Далее следовали два сундука, где лежали — в одном дела по запасу, в другом — по военно-конской переписи. Там же, в правлении, стоял ящик, где хранились казачьи учебники, черные сукна для столов, красные сукна, медали для станичных судей. Железные вилы, касса, сундук для хранения вещей, палатка, брезенты для просушки хлеба, межевые цепи, разной величины куски бичевы, пара чугунных котлов, дюжина деревянных чашек, сигнальная труба, лошадь-чучело, подковы, стремяна, бешметы, подсумки, бурки, сумы паласовые, подпруги, шашки — все, что нужно казаку для полного снаряжения и в мирные дни труда. И наконец, иконы в сборной и писарской комнатах с лампадками — все, что сдано было преемнику в полной сохранности. Скольких сил стоило сбережение и умножение казенного имущества. А вот помнят ли то добро, что сделал он людям, пробыв три года в должности атамана?

Ну, что дало ему атаманство? Шестьсот рублей серебром в год? Так это на всю ораву, восемь детишек да сам с жинкой. Сиди с утра до вечера в правлении, а чуть что — езжай в отдел, в Славянскую, отписывай и разбирай всякого рода жалобы и доносы, сумей поладить как с добрым, так и с поганым человеком. А у него самого что — дети не растут и не надо их поднимать?! Недаром всякий уважающий себя казак сторонится общественной жизни. Некогда ему за вседневными заботами, одна только и есть мысль — обработать свой пай, чтоб прокормить семью.

Конечно, хорошее не забудется. Нет-нет да и вспомнят его старики добрым словом за заботу о вымощенной улице, о сохранности крохотного станичного леска — его уже давно бы вырубili под корень, если б не пристрастие атамана. Но он знал главное, и это придавало ему силы — ему нечего прятать глаза теперь при встрече со станичниками, будь то казак или иногородний. Кому, может, и не нравилось, когда он шел навстречу, допустим, ковалю Митрофану Седину, если тот нуждался в куске арендованной земли под люцерну. Пантелеймон Лукьяненко ценил и уважал всех, кто приносил пользу в станице, а Седина, как человека не только трудового, но и весьма культурного, о котором говорили не иначе как об авторе пьесы о народной жизни, так похожей на их станичную, что многие долго потом допытывались, о ком это так живо написал наш коваль,

не о том-то или, может быть, о ком другом, — его он хорошо знал и ценил.

Или, допустим, в духане подвыпивший после обучения казачат рубке лозы урядник задел сапожника, обозвав его дармоедом, нахально усевшимся на казачий хлеб с салом, ерепенясь, стучал шашкой по столу? Что же, теперь этому самому уряднику в зубы заглядывать? Нет, кузнец и сапожник — люди мастеровые, у них такие же, как и у казака, трудовые мозолистые руки, и едят они свой заработанный хлеб. Ни на чей хребет не уселись, не пьют чужой крови. И без них казаку — ни шагу...

САМОЕ РАННЕЕ

Некогда отцу с матерью. Лето пришло — забот полон рот. День и ночь на степу, да и по дому хлопот не оберешься. Что ж, что семья большая? Каждому только подрасти, а дело найдется. Старшие сестры домашние работы помогают матери переделать, все ей легче: поздней осенью солить на зиму капусту, коноплю трепать и прясть холстину, за малыми да за старыми присматривать — первое их дело. Или печка где облупилась — побелить, раз в неделю полы подвести. Развести для этого в стареньком ведерке коровий навоз с глиной пожиже — вот и готов пол, как новая копеечка, такой желтенький, как яичко, — про то и говорить не надо!

Хлопцы тоже к работе еще с пеленок приучены. Чуть подрос, на ноги только-только стал, а уже ему в руки хворостину — иди гусят паси по толоке, да не нашкодили чтоб, смотри, за чужой забор бы не влезли. Одна радость Павлуше — гусята с гуской впереди с боку на бок перенавливаются, семянят — от хворостины подальше держатся, — а у него за пазухой пригрелся самый слабый, маленький. Животу тепло и мягко, но надо не споткнуться, не упасть на гусенка, не раздавить его. Заботится: уже работник! За ним теперь досмотр не нужен — он сам помощник в семье!

Как будто и не сидела с ним на руках сердобольная мать, не было тихой песенки колыбельной в тихий вечер под стройным тополем да на керченском белом камне, не кормила будто она его грудью, разглядывая подолгу то носик, то глазочки, отыскивая то свою, то батькову черточку, загадывая сыночкину долю...

И уже по двору по всему ищи — не найдешь его люлечки-колыски — деревянного ящичка, подбитого снизу холстиной, подвешивали который на толстой веревке к сволоку, качали, убаюкивали малютку то Миля, то Васса. Не найти теперь и той деревянной ложки, единственной во всю пору его детства игрушки, висела которая над его люлькой.

Другие пошли игры, другие забавы. Пришла пора, и готовится Павлуша к первой в своей жизни елке. С помощью любимой сестренки Мили разучивает стишки, чтоб, взявшись за руки, ходить в хороводе и нараспев — не отстать бы от старших — выводить суриковские да некрасовские строчки, так полюбившиеся всем крестьянским детям во всех уголках России. Миловидный малыш, скорее похожий на девочку, только нос чуть-чуть выдает, стараясь скрыть волнение, держит экзамен перед отцом и матерью. Руки по швам — так приятна стираемая чистая длинная рубашонка — он чувствует это крепко прижатыми к телу ладошками, вот он сам наконец, и никто не подсказывает, боясь запнуться, стоя под большим разно-ряженным комнатным цветком в самодельных бумажных украшениях, читает: «Летя, Петя, Петушок, золотой гребешок...» Прочитал до конца, и жаром обдало. С середины стишка чуть не сбился! Стал перед глазами дворовый петух-забияка. Гребешок красный-красный, сережки мягкие, шелковистые, а перья на шее и на груди как живое золото сверкают и блестят на солнышке! И шпоры растопырил! Как только успел дочитать?!

Далеко еще до школы, и пока доверяют Павлуше с Васильком, кроме гусят, за скотиной смотреть, разрешит иногда старший брат Николай голубей погонять, да когда подходит пора и вылетают из ульев молодые рои, оставляют дежурить, чтоб в случае чего звать взрослых: ловить пчел и отсаживать в новый улей. Сиди и смотри на деток, не прозевай только!

А отец строг. Накажет неукоснительно за любую провинность. Когда старшие недосмотрели малых, когда нашкодили — никуда не денешься, — перед отцом ответ держать все равно придется. При обидах, ушибах, легких поранениях старались не плакать, терпели. Знали потому что одно: дойдет до отца — еще всыплет.

Было так и когда Павлуша с Васильком помогали отцу подрезать сливы и вишни в саду. Младший, сидя на дереве, оборвался и надрезал об сучок ногу. Увидев кровь, братья не испугались, а первое, о чем сразу подумали, — нужно терпеть, так как узнай батька про случившееся, тут же добавит — одному за то, что недосмотрел меньшего, другому — что не уберегся сам.

О матери Павлуши известно очень мало. Знаем лишь, что род ее происходит из крестьян Курской губернии. На сохранившейся единственной фотографии, где среди родственников находится и ее изображение, можно лишь с большим трудом различить черты лица женщины, прожившей нелегкую жизнь. Так что и о внешнем облике ее мало что можно сказать теперь. Василий Пантелеймонович Лукьяненко, старший брат, так пишет в своих воспоминаниях:

«Мать Евгения Авдеевна, урожденная Савенко, совсем не знала грамоты. Тихая, ласковая, с добрым и щедрым сердцем, она много трудилась и постоянно болела душой за каждого. Заботы о семье были смыслом и содержанием всей ее жизни».

Да, доброта, отзывчивость являлись отличительной чертой характера Евгеньюшки, как величал ее ласково Пантелеймон Тимофеевич. Соседки нередко забежали к ней отвести душу или поделиться радостью, и она выслушивала их с горячим участием, а если случалась беда, помогала, делилась с ними всем, чем могла.

Пантелеймону Тимофеевичу передалась от отца его увлеченность пчелами, так что к осени ежегодно десятиведерная деревянная бочка в кладовке наполнялась пахучим цветочным медом. Соседки знали об этом, но не всякий раз, нуждаясь в целительном лекарстве для прихворнувшего, осмеливались они попросить меда. Тут Авдеевна, понимая и чувствуя стеснительность пришедшей, часто сама предлагала то, за чем, собственно, и приходили к ней, как правило, в таких случаях. Вот как пишет об этом Василий Пантелеймонович:

«А то бывало и так — зайвится соседка и говорит, говорит о вещах, явно не имеющих никакого отношения к цели ее прихода. Наконец, наговорившись вволю, собирается уходить. Тогда мать идет на выручку стесняющейся соседке и спрашивает: «Так вы, Ивановна, за чем приходили или так?» А та признается: «Да вот, Авдеевна, Гришуня наш заболел и забажалось ему медку. Решила у вас попросить, да смелости, видно, не хватило». Мать охотно брала у женщины посудинку, наполняла ее медом. Ни малейшего разговора о плате за него не допускала. И так поступала всегда».

Так как авторитет отца в семье был непререкаем, то его побаивались и не всегда могли доверить ему свои мысли и переживания. С этим шли к матери. Да только недолго она прожила. Потерял Павлуша свою мать в восьмилетнем возрасте. Семья тяжело пережила эту утрату, и долго еще в их доме ощущалось присутствие какой-то невыразимой пустоты и сиротства. На всю жизнь запомнилась мальчику мать, лежащая в гробу, и свечка в ее руках с оплывающим воском, и первый гвоздь, заколоченный в крышку, на которую вскоре посыпались с гулом первые комья сырой земли.

С приходом в семью мачехи все стало по-другому. «Женился отец на красивой по крестьянским понятиям о красоте и богатенькой Параскеве Емельяновне Кольве. Никому она в семье не понравилась, а у Павлуши и Васи с первых дней с мачехой установились отношения напряженности и отчужденности. Через недельку или две отец, поняв ошибку, позвал нас с

Павлушей в свою спальню и при закрытых дверях сказал: «Хотел, детки, я взять вам мать, а взял себе жену. Но вы не беспокойтесь, духом не падайте, в обиду я вас никому не дам». Это нас хотя и приободрило, но мачехи мы все же не признали, а она тоже холодком ответила нам. Так и прошло Павлушино детство не согретым материнской любовью и лаской, что, видимо, и оставило следы некоторой замкнутости и сдержанности в его характере», — вспоминает Василий Пантелеймонович Лукьяненко.

Осталась сестра Миля. Она согревала его детские годы теплотой своего сердца. Вечерком, перед сном, уложив обоих братиков по правую и левую стороны от себя, рассказывала она им сказки и разные небылицы. Особенно страшными были рассказы про ведьм. Лежат братики, слушают, дыханье затаили, звука долго еще после рассказа не проронят, не переспрашивают — страшно!..

Весельчак и балагур, старший из всех братьев, Николай неистощим на выдумки и шутки. Он любил детей, и они платили ему за это своей привязанностью. Он всегда что-то для них затевал, веселил, играя на гармошке. Сам постоянно возившийся со всякой живностью, приохотил к ней и младших братьев. Голуби, собаки, кони — все это было предметом семейных увлечений с легкой руки Николая. Во многом восторженное отношение к жизни, к тому, что есть в ней радостного, трепетного, было заложено старшим братом. Человек удивительной душевной щедрости, он и потом, уже во взрослой жизни Павла, был своего рода примером и образцом.

Самое раннее, самое первое в жизни каждого человека — это такое далекое и порою кажется, что навсегда утерянное. Но бывает, что какой-то миг необъяснимо каким чудом запоминается окружающим и потом при всяком случае припоминается родными. Так и с Павлушей было. Когда еще совсем малым его взяли с собой однажды в степь, то, пока взрослые работали не разгибаясь, он так накувыркался в душистом степном коврике, что не захотел садиться со всеми на гарбу и уезжать. Он спрятался в бурьяне и долго не откликался, хотя слышал прекрасно, как его ищут. Когда его наконец нашли, он разревелся и наотрез отказался уезжать. А когда в другой раз его не взяли с собой в степь, то уж на следующий день он с раннего утра уселся на гарбу и просидел там до вечера, ожидая терпеливо выезда и все еще не веря, что сегодня ему все-таки придется слезть на землю, так и не выехав со двора. И напрасно прождали своего любимца Рудько с Шамилем, улегшись под гарбой. Павлуше было явно не до своих четвероногих друзей.

На всю жизнь запомнились мальчику картинки тогдашней станичной

жизни. По воскресным дням или на праздник с утра совершается обязательный для каждой семьи ход к церкви и обратно к дому своему. Все в семье принаряжались по такому случаю, выходили чинно со двора и следовали за отцом, непременно шествовавшим впереди. По дороге встречали соседей и видели такую же картину. Отец впереди степенно и важно выступает, рядом с ним, но все равно чуть позади него жинка семенит. Затем уже старший сын с невесткой, и дальше по старшинству следуют за ними сестры с братьями. Замыкают вереницу самые маленькие, босоногие. Похожа такая процессия со стороны на стайку гусей со степенным и важным вожаком в голове. У ворот там и тут стоят немощные вовсе старики, всматриваются, напрягая взор своих выцветших глаз, и нет-нет доносится до слуха прохожих: «Э-э! Славный человек, православный! Богатый казак, степенный, начитанный». Про другого скажут: «И водку не пьет, и табак не курит. Разве казак он?» А потом, как отойдет обедня, кто к родичам заглянет проведать, а есть и такие, кто мимо духана пройти никак не может, зама-нит-таки к себе сладкая чарка...

По-разному жили, конечно, в станице. Одни — лучше, другие — похуже, кое-кто и вовсе концы с концами еле сводил. Про иного и не говорили иначе как: «В долгу как в шелку». Хотя какой шелк в станице — разве что на богатых казачках увидишь по праздникам. А так на каждый день одежда из самодельного холста, а ситцевая, из сделанной на фабриках ткани, считалась баловством, не каждому по карману.

Не отличалась особым разнообразием и пища. Павлуша хорошо знает, что даже в самую горячую пору уборки, кроме больших хлебин, испеченных на неделю вперед, да сала с луком мать с сестрами и не наготавливали ничего. И лишь разве что на великий праздник или по случаю редкого дорогого гостя могли позволить себе, чтоб плавали вареники в сметане или на черной сковородке шипела и брызгала во все стороны горячим салом жареная колбаса, а рядом — блюдо малороссийских блинов, которые так и плавают в душистом коровьем масле. Подойдет время, и, к великой радости всей детворы, испекут пирожков с калиной, подадут на стол дымящиеся от пара вареники с терном или диким виноградом. В остальные дни — множество блюд из хлебной муки, первое место среди которых занимают галушки...

Глава вторая

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

1905 год. Хорошо майским вечером сидеть на завалинке и слушать, как зажужжит тяжелый хрущ, пролетая по своим делам. Еще недавно рушилась на тучные нивы дождем и градом грозная стихия. Вот и сегодня небо приспустилось, цепляясь тучами за верхушки Красного леса. Кажется, что наползают на станицу вместе с ними поздние сумраки. Влажный воздух наполнился запахом грозы, и, словно чувствуя его, звонче запевают сверчки, сливаясь в немолчный хор. Да назойливо звенит и липнет незримый комарик.

Уже в сумерках в Ивановское станичное правление прибежал до смерти перепуганный казак Белый. Зажав в каждой руке по листку искомканной бумаги, он шепотом, озираясь по сторонам и задыхаясь, доложил дежурному:

— Иду я по Красной, значит. Вижу — проехали двое на велосипедах. А кто — разберешь впотьмах разве? Смотрю, по дороге валяется вот это. — И он протянул прокламации дежурному. Тот на миг оторопел, затем, словно очнувшись, выбежал из правления как ошпаренный. Во дворе стояли несколько человек.

— Никто тут не проходил? Или проехал, может, кто? Вы ж тут стояли?

— Никого не было.

— А на велосипедах двое проехали — не видел, что ли? — перебил безусого парня урядник.

Дежурный продолжал допытываться:

— А кто такие, не заметили? Станичные?

— Да один — учитель, кажись, наш, Дудка Василий Давыдович. Другой — хлопец. Не знаю только, чей он.

— Карпова, урядника, сын, вот чей. В гимназии, слышал, учится, — вступил в разговор третий казак, до этого молчавший.

— Павлушка, что ли? — радостно-зло спросил наконец дежурный. — Мало ему отец чертей давал, видно. Я б его выучил — шкура б лопалась!..

Тут все повернулись на шаги, раздавшиеся со стороны церкви. Это спешил казак Кобицкий. Он также доставил в правление подобранную им прокламацию. И тоже после проезда на велосипеде Дудки.

Не успели озадаченные казаки прийти в себя, как к правлению подъехал сам Дудка. Он не спеша слез с велосипеда, приблизился к дежурному и начал так:

— Вы тут сидите, а по Красной листки какие-то разбросаны вот сейчас. Думаю, что некому их у нас подбросить, кроме девок. Они только что к дому Гладкого пошли гурьбой. Не теряйте ни минуты, а мигом схватите их всех.

— Какие девки? — все еще не веря ни в появление самого Дудки, ни вообще в то, что все это случилось в какие-то считанные минуты, чуть ли не простонал дежурный. Он уже успел сообразить, что дело это очень поганое. Наедут теперь из отдела, да жандармы нагрянут — и пошел кавардак. Затаскают по судам. Мороки не оберешься!

На всякий случай он послал обход к дому Гладкого. Направились туда четыре казака. Однако ни единой души ни на улице, ни у дома названного казака они не встретили; Разве что вот учитель Дудка проехал с гимназистом, так они не в счет. Но, осмотревшись, возле дома Гладкого обнаружили множество белых листков. А когда, озадаченные таким поворотом событий, возвращались к правлению, то по дороге во многих местах наткнулись на разбросанные чьей-то рукой такие же листки. Кое-где они обнаружили целые пачки...

Около трех месяцев тянулось разбирательство. Наконец дело было закрыто, и рука чиновника вывела последние буквы документа, который начинался словами:

«Кубанское областное жандармское управление. 10 сентября 1905 г., № 599, г. Екатеринодар. Секретно.

Сего числа за № 598 направлено Прокурору Екатеринодарского окружного Суда. Закончено дознание по делу о разброске прокламаций 23 мая 1905 года в станице Ивановской».

Далее изложен ход событий, а заканчивался текст так:

«На допросе в качестве обвиняемых по 129 ст. Дудка и Карпов виновными себя не признали и заявили, что никаких прокламаций они не видели и не разбрасывали. Оба обвиняемых отданы под особый надзор полиции — Дудка — в станице Ивановской, а Карпов — в г. Екатеринодаре».

Загадочная эта история в тихой станице Ивановской, случай с гимназистом и местным школьным учителем, не менее таинственные белые листки на улицах — все это породило в среде станичного населения различные толки. Долго еще среди народа ходили слухи о неких злоумышленниках.

Пантелеймон Тимофеевич узнал обо всем этом на другой же день после происшествия, но домашним своим и вида не подал. «Время не такое настало, — думал он. — Не болтать же теперь на всех перекрестках по такому случаю». В станице и без того в последнее время только и разговоров было, что о большом митинге в городе на Сенном базаре, что все это потом окончилось политической демонстрацией с выступлением ораторов. Затем было шествие с венками, красными лентами и флагами. Власти бросили казаков, и те разогнали демонстрантов. Война с японцами довела народ до крайности. Еще в прошлом, четвертом, году в Екатеринодаре начались забастовки рабочих. Ходят слухи, что все это организуют социал-демократы. Они же за Кубанью стали устраивать маевки, в тайных типографиях печатать листовки. Одну такую подобрал и он сам однажды, когда ездил в город. Ему запомнилось, что начиналась она словами: «Довольно гнуть свои спины!» Расскажи он все это жинке или старшим дочкам, а те — к соседям, ну и пойдет куда следует. Что тогда? Время сейчас беспокойное очень. Говорят, казаки в Новороссийске отказались стрелять в рабочих. На Черном море матросы подняли восстание, и броненосец «Потемкин» ушел в Румынию под красным флагом... Вот они и рыщут, жандармы, ишь как навадились в станицу — ни свет ни заря, а они тут как тут, не сидится им в Славянской...

ПАМЯТНИК В СТЕПИ

Возвращаясь как-то с Петром и Николаем с дальнего пая после укуса, Павлуша отлучился на минутку, чтоб подбежать к знакомому теперь и по рассказам дедушки памятнику. Здесь, за Красным лесом, среди запаханых полей, стоит этот простой крест, высокий, каменный, с текстом, выведенным славянской вязью. Он знал от взрослых, что такие кресты ставят на братских могилах русских воинов. Оглядывая сооружение, заметил над текстом крестик со скрещенным над ним оружием. Неспешно читается эпитафия, и слова ее мало-помалу приоткрывают завесу над тайной давным-давно разыгравшейся в этих местах трагедии:

«Командиру 4-го конного Черноморского казачьего полка, Полковнику Льву Тихоновичу, Есаулу Гаджанову, Хорунжему Кривкову, Зауряд-хорунжему Жировому, 4-м сотенным Есаулам и 140 козакам, геройски павшим на сем месте в бою с горцами, 18-го января 1810 года и здесь погребенным.

От Черноморских Козаков усердием Василия Вареника 1869 года».

Мальчик смотрел на металлическую ограду, словно охранявшую покой погибших, и перед его глазами проходили скорбные толпы народа из ближних станиц, которые стекались сюда в дни поминовений. И виделось ему, как проживавшая неподалеку отсюда бабка Караська зажигает дрожащей рукой лампадку в нише, с другой стороны креста. И рассказ деда вспоминался...

«Давно это было, не при мне. На том месте, где стоит сейчас памятник-крест, за Красным лесом, стоял кордон. Ольгинский назывался. Внутри — двор с казармами, складами и сторожевой вышкой-пикетом. Ворота запирались наглухо. В случае чего зажигали пучок соломки на длинном шесте. Этот сигнал тревоги замечали на другом сторожевом посту, и оттуда посылали подмогу. Ну так вот... На именины жинки того Тиховского-полковника собрались, говорят, почти все офицеры и казаков много с других кордонов. Человек с двести. За Кубанью-то пронюхали о таком деле от своих же, от кунаков, от кого ж еще? Ждут. Когда казаки развеселились путем, переправились через Кубань и набросились на крепость. Да взять ее не так-то просто было. Наши стали отбиваться. Пушка им здорово помогла.

И тут горцы, говорят, пошли на хитрость. Сделали вид, что отступают, а Тиховский, как сильно пьяный, приказал открыть ворота и выкатить пушку. Стали палить вдогонку. А горцы возьми да и поверни внезапно назад... Отрезали пушку от ворот. Вот тогда и порубали всех казаков как капусту. Тиховский обхватил руками ствол, лег на него, так его прямо на ней и зарубали. Только и успел крикнуть своим: «Не давай Магометам пушку!..»

Вот и все. А жену Тиховского взяли тогда в плен. Но сразу же с помощью тех же самых кунаков удалось ее выкупить у какого-то князя за Кубанью.

А так оно было чи не так — про то трудно судить. Другие так говорят: тогда из-за Кубани нагрянуло сразу до трех тысяч черкесов и бросились на Ольгинский кордон. Смяли его и пошли прямо на станицу нашу. Может, и так оно было, не знаю».

С возрастом Павлуша узнавал все больше и больше о многолетней кавказской войне. Но когда в городе он видел молодцеватых и стройных черкесских офицеров или невозмутимо возлежащих в ожидании покупателя дров на своих высоких возах бедно одетых горцев, ему было непонятно, кому и зачем понадобилось сраживать целые народы, воодушевляя их на кровавую распря.

СТЕПЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Всякий раз, когда Павлуша с отцом проходил мимо правления, он видел рядом с ним большое подворье. Бросался в глаза прежде всего, конечно, дом, сложенный из красного кирпича, длинный сарай, конюшня, возле которой с весны до самой осени росли и исчезали пирамидки заготавливаемого на всякую дурную погоду топлива — кизяков.

Кто станет спорить — Павел Леонтьев Савченко еще не самый крепкий по станице хозяин. Семья у него немалая, все есть хотят, это так. Но как это он сумел у всех на глазах за последние несколько лет «подлататься», как говорил отец, этого не каждый мог уразуметь. В последнее время Савченко и вправду никому не стал кланяться, это почувствовали многие, и кое-кто даже стал относиться к нему с некоторым уважением. Он и сам замечал это, когда шел по улице, нацепив оба «георгин» по случаю праздника. Знал он и о том, что судачили за его спиной, но мало интересовался подобного рода слухами, так как теперь считал, что на ногах стоит твердо.

Рассказывал Павлуше однажды отец, как довелось-таки ему выпытать у урядника Савченко про то, каким же таким образом тот богатство свое наживал.

— Земля у нас, сынок, по всему степу одинаковая. Но ты и сам видишь, что везде — горба не погнешь — будешь зимой локти кусать. Коши наши считай что рядом лежат, и наделы по числу душ мужского пола тоже как будто не слишком разнятся. А вот сколько ни бьемся мы, Лукьяненко, до Савченко нам далеко, как куцему до зайца. Где ж нам?! — начал отец.

Несколько лет назад судили в Екатеринодаре наших ивановских тыжнёвых^[3] за допущенный по их вине самосуд над задержанными. Дело было, значит, так.

Под осень шло время. Уже со степа поубирали, посвозили хлебушек. На то время где-то на хуторах поймали каких-то двоих конокрадов. Не наши оказались, не станичные. Посадили их, конечно, в карцер. Приставили до них дневальных. Вот, значит, и стоят эти тыжнёвые, никого не допускают.

Да в нашей станице удержится разве новость долго? Как дождевая вода в сухую землю, так и она просачивается по хаткам. Через каких-либо полчаса сбежались к правлению сначала ближние, а там и те, что подальше живут, казаки. Стали упрашивать малолетков. Ну хоть глазком, говорят,

дайте взглянуть, ничего ж им не сделается от того. Кричит один из них тыжнёвому:

— Та ты ж Василия Степанова сын?! А? Эх ты, батька твой такой славный, а ты чи не в него? Да отчини, не бойся. Не тронем мы их и пальцем, только в щелку глянем, кто такие и чьи будут.

Минут несколько всего продержались еще было казачата, а там подумали, видно, подумали, что плохого и правда конокрадам тем ничего не будет. И открыли на свою голову.

Дальше Пантелеймон Тимофеевич рассказывал о том, как считанные секунды понадобились тем, у кого сегодня увели коней и кому уже достаточно, казалось бы, отпущено было времени, смог чтоб свыкнуться с утратой быков или пары коней. Взбешенные хозяева так успели изуродовать задержанных, что, когда на крики и шум прибежал из своей комнаты атаман, было слишком поздно. На полу в полутемной прохладе карцера лежало два недвижных тела.

Пошли судебные тяжбы, волокита бумажная потянулась. Но вот и суд назначили. Кое-кто из ивановских, бывши на то время в городе по своим делам, оказался в зале окружного суда и слушал процесс.

Савченко сидел в переднем ряду. Пантелеймон Тимофеевич присел чуть сзади, огляделся. Увидев друг друга, они поздоровались и стали слушать. Через некоторое время Лукьяненко спросил соседа:

— А как вы считаете, Павел Леонтьевич, что будет этим хлопцам, тем, что на часах тогда стояли?

— Вы про них? — И урядник показал движением головы в сторону подсудимых. — Тут дело поганое. Сибирью дело пахнет, вот как. Думаю, что тут очень сурьезное обстоятельство. Года по четыре придется на каторге побыть каждому. Убийство! Не знаю, правда, может, малолетство их примут во внимание, да вряд ли.

И потом посреди этого с самого начала ставшего для него скучным разбирательства Пантелеймон Тимофеевич спросил у Савченко:

— Я извиняюсь, конечно. Вот вы, Павел Леонтьевич, говорят, богатство нажили, деньги за душой имеете какие-никакие. Неплохо я вас знаю как будто. Но что-то никак не возьму в голову — как все это вам удалось? Поделитесь, если не секрет, конечно.

И тот поведал, пока шел суд, где и как ему счастье подвалило:

— Лет с пятнадцать назад к юрту нашей станицы была прирезана земля, дополнительный надел, как вы знаете. Народу народилось к тому времени по станице порядком, да переселенцы с Украйны понаехали. Отставных солдат тоже записывали в казаки, особенно после кавказской

войны. Что офицерам с полковниками отхватывали жирные куски от нашего общего юрта — про то и говорить не буду, вы это лучше меня знаете. А юртовой земли сколько было, столько и есть. Нисколько ее не прибавилось с тех самых пор, как деды наши из-за Буга сюда перебрались служить государям нашим из-за земли и воды. Душевой надел и без того был неважный, а тут еще такие дела. Выход, конечно, нашли, как и по всем старым станицам нашим черноморским. В юрте станицы Тихорецкой нарезали нам дополнительную землю. Назвали Ново-Ивановский отселок. Поначалу, кроме воров и ненужных обществу элементов, никто туда селиться не пожелал.

— Мой кум не так давно в гости туда ездил к своим, так, говорит, другой раз собака будет в ту сторону бежать — и ту заверну, хай ей грэць, той Ново-Ивановке, — вставил Пантелеймон Тимофеевич.

— Да, было такое. Первые годы мало кто соглашался в те края ехать — ближний свет, что ли? Место далекое, необжитое, дорога одна какая на переезд — быками ж ехать надо было. Не шутка!..

Прознал я тем часом потихоньку, что земли отдавало наше общество в аренду. Сначала какому-то крестьянину, как значилось по документам, Мазаеву, а потом нашелся купец темрюкский, Добровольский по фамилии, кажется. Да что тут за черт, думаю? Крутишься, крутишься, а все на месте — как встал, так и сел. Оно бывает так — только ноги укрыв — голове холодно, и так без конца и краю. Надумал я вот что. Попросил для начала общество наше станичное дать мне в аренду хоть какой пай на том отселке. Уважили, правда, пошли навстречу. Деньжата у меня к тому времени уже подсобрались, не скрою. Ну я в дело их и пустил. Семян надо было подкупить — достал, батракам за все лето выплатил. Вот тебе и деньги. Как вода, — сокрушенно вздохнул он. — Так вот, поехал я туда, значит, — продолжал Савченко, — чтоб не сбрехать вам, перед самым воздвиженьем. Ну да, в это время. Стал на токах хлеб просматривать. А он лежит — зерно к зерну, глаз не нарадуется. Батраки, дай бог им здоровья, не подкачали, на честность потрудились. Платили им хорошо, кормил, денег не пожалел. Чего ж им еще?

Вижу, тут самому не управиться, надо оценщика по хлебу вызывать е ближней станицы. Когда тот приехал, покопошился в ворохах и тут же выдал мне квитанции о сделке, слова не сказал.

Так вот в кассу правления в тот год я внес положенную сумму по векселям, о чем и оповестил станичный сбор. Чтоб знал народ — Савченко никого не обобрал, со всеми в расчете.

Оно, оказывается, присмотреться только надо — и на всем копейку

можно иметь. А на своем кошу много не наработаешь, всех дырок не закроешь.

Вот в этом, к примеру сказать, году я посеял еще с осени люцерну — там, под Красным лесом. Неплохая пошла, грех жаловаться. Сдал я ее городовикам^[4] на укос. Нм, как известно, земли по нашим законам не положено иметь, а тут сами видите — и людям польза, и себя в обиде не оставил.

Остановив свой рассказ и на миг вслушавшись в ход разбирательства, Савченко закончил так:

— Думаю, неплохо мельницу теперь паровую поставить, а может статья, и дело какое заведу. Не знаю пока, ни на чем еще не остановился.

А хлопцам Сибирь пахнет. Я спрашивал сегодня знающих людей, поверьте мне. Да, Сибирь...

СТРАННАЯ ДЕПУТАЦИЯ

Делу — время, потехе — час. Сколько ни запускай бумажного змея, как ни гоняй голубей, а время подходит и спрашивает свое. Приходит пора, и родителям надо решать извечную задачу. Надо ведь подумать о том, что скоро возьмешь свое чадо за ручку и поведешь в школу. И кончится, считай, с этого мига детская пора, и пойдут новые хлопоты.

Дивно Павлуше после степи, после станичной окраины с ветряками на толоке да белой от пыли дороги увидеть вдруг огромное, из красного кирпича сложенное здание. Стоит оно двухэтажное, с высоченными окнами и потолками такими, что, кажется, по классам на коне можно свободно ездить. А сколько детей, таких же, как и они с Васильком? Почему он их никогда не видел раньше?

Трудно сказать теперь, как учился Павлуша первые два года. А вот что касается его первого учителя, то с ним детям не повезло. Таковым оказался Сергей Тихонович Майоров, по замечанию В. П. Лукьяненко, старшего брата, бывший «свирепым человеком». В каждом ученике он видел чуть ли не преступника, жестоко наказывал за малейшую шалость, неприготовленный урок, за малейшее нарушение школьного распорядка. К счастью, этот наставник пробыл у Павлуши всего один год, и заканчивал он двухклассное училище уже без него.

Чем ближе подходил конец учения, тем тревожнее становилось на сердце у Пантелеймона Тимофеевича. Он все еще никак не мог решиться, что же ему делать с младшими сынами. Пусть старшим, Николаю и Петру,

не пришлось учиться. Оба младшие завершают учение. Есть у него одна потаенная мысль, но пока что о ней оп и слова никому не говорит. Одному десять, другому двенадцатый год пошел. Васю пора в казаки готовить. Отец уже заказал, шьют малолетку сапоги, черкеску, шапку. Кинжал купил. Пусть готовится — скоро будет участвовать в парадах потешных и других церемониях.

О Павлуше отец тоже как будто подумал. Скорее всего он останется дома, на «батьковщине», призыву он подлежать не должен по закону. К тому времени отец с матерью станут старенькими, кто ж их досмотрит, как не младший в семье?

И потом еще — где им учиться дальше? Разве что ехать в Екатеринодар? Только денег откуда взять? Карпову хорошо — в гимназию сына отдал. Конечно, магазин у него, доход... Вот коли было бы где дальше учиться здесь же, в станице! Известно ведь, что хорошо ли, плохо ли, а дома лучше, в родных стенах. «Дома и солома едома», — не зря говорит народ. А учить их в городе — из последних сил тянуться надо, все для них отрывать...

Не раз вспоминать будет Пантелеймон Тимофеев, как ездили они от станичного общества в Славянскую к атаману отдела. Сколько времени ни пройдет с той поры, но все не забудется «его превосходительство» генерал Мищенко и то, как он обошелся с ними.

Помнил он хорошо, что вначале старался атаман говорить с ними нарочито простыми словами, понятными, как это ему казалось, для простых казаков. Всем своим видом старался Василий Иванович показать свою близость к ним, и старание это его депутация тут же про себя отметила. Учужали они сразу ненужность его неискренних, не от души идущих слов. И напрасно генерал, шепелявя и слегка шамкая, заверял просителей в своем к ним расположении, подбрасывая историйки из своей бывшей когда-то и теперь такой далекой для него самой казачьей простой здоровой жизни. Завел он речь про давнюю турецкую кампанию и про совсем недавние события на Дальнем Востоке...

Но стоило только взявшему слово от депутации станичников заикнуться о реальном училище, как Мищенко тут же принялся высматривать что-то будто именно в эту минуту понадобившееся ему под столом. Казаки невольно переглянулись, и само собой пришло им на ум, что «его превосходительство» не слушает их, а только ожидает, как прервать просителя.

Если речь атамана казалась им вначале мягкой и даже приятной, то теперь он начал говорить иначе. Слова будто тонут в надушенных холеных

усах, ухоженные тонкие с желтизной пальцы сами по себе уже независимо от него постукивают по столу, покрытому ярким лодзинским сукном.

Не успели и глазом моргнуть, а Мищенко их к тому подводит, что не нужна и даже вредна их затея. Стояли они навтыжку, все как один верой и правдой отслужившие положенный срок государственной службы — кто в Варшавском дивизионе, кто в лейб-гвардии конное, кто в иных полках. Помоложе — те недавно с японской войны воротились, а старики и турецкую помнили, и долгую кавказскую. Стояли и слушали генерала.

— Не дело вы, как я вижу, задумали, не дело! — начал, поправляя усы, атаман. — Станица ваша хорошая, можно сказать, что богатая. По всему округу вы на лучшем счету. Хозяйствуете неплохо, что тут скажешь. Вот и казаков на службу справляете по всей чести — спасибо вам за это мое! — Отечески посмотрев на ивановцев, промокнул «его превосходительство» испарину со лба и спрятал белоснежный платочек. Снова заговорил: — Не одобряю и понять не могу никак. Зачем оно вам, если у вас есть уже и школа церковноприходская, и училища — двух-и пятиклассные. Так, что ли?

Нет, не дело это все, не дело. Хотите, я вам прямо скажу сейчас, что из вашей фантазии выйдет? Разврат будет, вот что. Вы вдумайтесь только — деды ваши были казаки, да еще какие — запорожцы! — Тут Мищенко от умиления прикрыл глаза, и правая ладонь его потянулась к сердцу. Манжеты накрахмаленной рубашки тихонько хрустнули. — Отцы ваши, вы сами и раньше, и теперь, и потом, на всю свою жизнь казаки, а детей вздумали с верной дороги свернуть. Не знаю, кто это подбил вас на это, но запомнили вы, что первое наше дело — службу нести, потом на земле сидеть, кормиться с нее. Или вы матушки нашей Екатерины наказ забывать стали?! — Тут генерал всерьез и, судя по всему, не на шутку возвысил голос. Будто и не было вкрадчивых первых слов и недолгих минут того «товарищества», которое не совсем еще умерло в среде кубанских казаков-черноморцев со времен самой Сечи.

— Помним, ваше превосходительство, — нестройно и не сразу проронило, тут же смолкнув, несколько голосов.

— Пусть так. Но как это вы, — продолжал Мищенко, склонившись к столу плечами, и золото погон, стало ярче лучей солнца, тускло падавших на малиновый атаманский стол, — как же вы до седых волос дожили, а ума, как вижу, и не набрались?! Да начитаются ваши сыны книжек разных, грамотными станут, допустим, так что же, вы думаете, они землю пахать после этого станут? Да они и от службы носы свои отвернут, дай им только волю!

Нет, вам о господе нашем и вспомнить некогда. А напрасно! Не нами так заведено, не нам и переиначивать на свой лад.

Вам бы лучше церковь поставить — вот мой совет. Новую, большую. Ваша такая малая, что грешно вам перед господом должно быть. Деды ваши не такие были — первое время сами в землянках жили, а на третий год после переселения смогли храм поставить. Так что пожелание мое вам — поезжайте да хорошенько обмозгуйте все...

— Та мы и церкву поставимо, господин атаман, — начал было кто-то робко из середины приунывших станичников.

— Ну, с богом, казаки. — И, как бы не замечая этой несмелой попытки продолжить затянувшийся и ставший давно уже неприятным для него разговор, Мищенко выбрался, прихрамывая, из-за стола, мягко ступая по узорному, похожему на яркие паласовые переметные сумы ковро. Блестящие голенища и носочки сапог соперничали с золотом погон. Он надвигался, покинув свой широченный стол, театрально и эффектно, с ненастоящей, деланной улыбкой, выставив вперед холеные, ухоженные руки. Прежде чем он приблизился, на казаков дохнула дурманная волна духов и дорогих папирос. Генерал стал любезно прощаться, незаметно разворачивая к выходу все еще переминавшихся с ноги на ногу станичных делегатов.

Но упрямая кровь запорожцев заставляла ивановцев подниматься все выше и выше по лестнице полагающихся инстанций. И когда сам наказный атаман Михаил Павлович Бабыч тоже по-отечески, от всей души отказал им в непонятной для него просьбе, когда, казалось бы, все навсегда потеряно и должно быть неминуемо и напрочь забыто, добрались они до самого наместника на Кавказе. И тот «снизошел».

Снизошел, видимо, по случаю празднования тезоименитства наследника престола, «августейшего», как тогда писали, атамана всех казачьих войск. Царский наместник на Кавказе генерал-адъютант, граф Воронцов-Дашков посетил на ту пору Екатеринодар. Не воспользоваться этой последней возможностью уладить свое дело ивановцы не могли. И получили долгожданное разрешение об учреждении в их станице реального училища.

Эти и подобные им истории передавались из уст в уста, и Павлуша, внимательно слушая их, никак не мог понять, почему это генералам да офицерам не по душе была даже сама мысль о том заведении, в котором они с Васильком стали учиться.

Глава третья

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

В ту зиму к новому, 1911 году отец приобрел в городе настольный календарь. Толщиной и величиной он был с большой журнал, стоил пятьдесят копеек. Дорогой Павлуша с Васильком с жадностью набросились на нею. Чего только не было в этом календаре! Напротив страниц с днями недели располагались листы с описанием главных работ, рекомендуемых к выполнению на ту пору. Предсказывалась погода и важнейшие события по Брюсову календарю. Но из всего этого особенный интерес для них представляли народные приметы и предсказания, как узнавать погоду на ближайшие дни, а может быть, и часы. Носит, например, свинья солому в хлев — к холоду, собака без видимой на то причины катается спиной по земле — будет ветер, гуси и утки плещутся в воде — жди дождя, а если кошка жметя к теплой печке — быть холоду. Там было немало и других примет. Часто всей семьей они обсуждали по вечерам все это, многие наблюдения находили верными, но все же с некоторыми утверждениями не соглашались, так как у них не было подтверждений из собственного опыта.

Кончалась одна часть календаря и начиналась следующая, где на каждый месяц вкратце указывались главные работы по садоводству, пчеловодству, советы по охоте и рыбной ловле. В конце помещался отдел объявлений. Там фирмы наперебой предлагали свои товары: ружья, сукна, часы, машинки швейные и многое другое. В этом же календаре Павлуша увидел запомнившуюся ему на всю жизнь картину — похороны графа Льва Толстого в Ясной Поляне. Правда, вся соль для него заключалась не в картине, где нескончаемым потоком двигались люди по поляне к лесу. Его занимали хитросплетения виньетки, окаймлявшей картину. Среди замысловатых завитушек он отыскал и разглядел нечто напоминавшее две головы. Одна — не то старая беззубая ведьма, не то Баба Яга, другая напоминала дремучего черта, раздирающего себе рот когтями.

Из журнала «Кормчий» Павлуша уже знал, что Лев Толстой за что-то был отлучен от церкви. Желая дознаться, за что же, он отбросил календарь и взялся за «Кормчего». Ему недолго пришлось отыскивать то, что его интересовало. Но сколько ни вчитывался мальчик, так и не мог он понять, за что же Льва Николаевича отлучили от церкви. Только все равно Павлуша

твердо знал одно — граф не был убийцей, вором или грабителем. Долго еще терялся десятилетний мальчик в догадках и недоумении, что же такого плохого мог сделать граф Толстой...

Подходил сентябрь. Работе не видно конца. Самое хлопотное — с хлебом, да и за скотиной смотреть кому-то надо, а тут и с огорода время подошло убирать. Вся семья от мала до велика днюет и ночует в поле. И вдруг событие, так круто изменившее всю последующую жизнь Василька и Павлуши. Вот что пишет об этом В. П. Лукьяненко в своих воспоминаниях: «В первых числах августа 1912 года отец пешком приходит в степь в радостно-приподнятом настроении и объясняет Павлуше и мне: «В нашей станице открыли реальное училище, я вас обоих записал. Сдавать экзамены в училище 1 сентября». Освободили нас от всех работ на току, сохранив лишь обязанности пастухов. Отец знал, что можно пасти коров и готовиться к экзаменам».

Отец узнал, что для поступления в реальное училище необходимо, как того требовала комиссия, помнить главнейшие молитвы и важнейшие события из Ветхого и Нового заветов. Кроме того, испытуемый обязан был показать на экзаменах свое умение бегло читать и пересказывать прочитанное, грамотно писать под диктовку по-русски, наконец, прочитать наизусть одно из выученных стихотворений. Что же касается знаний по математике, то здесь от поступающего требовалось производить основные арифметические действия над целыми числами и, конечно, оценивалось умение решать как письменно, так и устно (чему придавалось большее значение) небольшие задачи.

Оставалось совсем мало времени, а готовиться надо было серьезно. Труднее всего Павлуше наверстывать по той причине, что он окончил три отделения, а в училище принимают только со знаниями по четырехлетней программе. Впереди меньше месяца, надо напрячь все силы. Одна арифметика чего стоит! Старшему, безусловно, легче, он все это проходил. Поэтому теперь по совету отца он помогает Павлуше. Стали вместе решать задачи, учить стишки и молитвы.

Так после первых радостей пришла пора серьезной заботы. Еще бы! Голова идет кругом от мысли, что он» станут реалистами, а там, как обещает отец, может, и в город поедут продолжать учиться. Он уже приобрел для обоих форму, фуражки с лакированными черными козырьками и пояса — широкие ремни с сияющей бляхой, а на ней три большие буквы «ИРУ» — Ивановское реальное училище.

Наконец-то все это позади. Началось ученье. И снова у Павлуши

трудности — сказывается годичный пробел. Ему, конечно, приходится подольше засиживаться над уроками, чаще обращаться за помощью к окружающим. Но постепенно он преодолел свои затруднения. Застенчивый с виду, он отличался завидным упорством и мало-помалу сравнялся в знаниях с теми, кто не прерывал учения.

Однако на третьем году обучения в реальном училище, когда только-только Павлуша вошел в колею, случилось непредвиденное. Дело в том, что за обучение младших сынов своих Пантелеймон Тимофеевич должен был ежегодно вносить плату по 60 рублей за душу, то есть сразу 120 рублей. Сумма по тем временам немалая. Подошел срок, и тут оказалось, что он в состоянии пока рассчитаться только за одного. Нет у него сейчас денег. Значит, кто-то из двоих должен оставить учебу. Но кто? И выбор пал на Павлика. Он младший, может и дома посидеть годик. А Вася должен учиться — у него право старшего.

Долго переживал отец, не знал, как сказать сыну — мол, временно все это, ну, год-другой, а там, глядишь, появятся деньги, и учишься на здоровье. Думал он, что жизнь станет покрепче с молодой вдовой, но та оказалась прижимистой. Забрала в свои руки все хозяйство, как истая казачка, да что-то чересчур. Ведет счет всему до мелочей: и сколько яиц накопилось в кладовке, и сколько масла коровьего стоит в погребе, и когда сало в городе подороже станет — все знает, всему учет ведет. Копит, бережет, не дает детям лишнего куска. Только и знает, что на продажу, на копейку все переводит. Не по душе все это Пантелеймону Тимофеевичу, не привык он так жить, да делать нечего — снявши голову, по волосам не плачут. Надо терпеть.

Мачехе не очень нравилась увлеченность отца своими младшими сынами. Настал час, и она сказала, когда однажды Пантелеймон Тимофеевич вошел в хату поздно вечером после игры в «дурачка» с соседями, что нравится это ему или нет, но осталось на учебу у нее только 60 рублей и ни копейки больше. К тому ж, заметила она, двоих сразу никто по всей станице и не учит. Слыханное ли дело? Да и к чему? Казаку грамота — чтоб читать-писать кое-как мог, а остальному вахмистр научит. Деды наши, говорит, кое-как крестик поставить могли на бумаге, а прожили не хуже нашего. Не забывай, что Петра скоро снаряжать надо, а деньги откуда возьмутся? Один конь обойдется во столько, что целый год можно и Васю и Павлика в реальном проучить.

Выслушал Павлуша отцовы слова молча. Горько ему стало в первую минуту. Но виду не подал. Может, и правда все наладится. Как знать — уродит хлеб на то лето, и будут у них деньги. И снова пойдет он учиться.

Жаль только будет отстать от своих друзей — привыкли за три года друг к другу.

В первые дни он не знал, куда деться от скуки и невыразимой обиды. Часами ждал, когда Вася с занятий придет, расспрашивал его, смотрел тетрадки, даже готовил с его помощью домашние задания. Все надеялся на чудо.

И оно случилось. Через несколько дней законоучитель Василий Акимович Бигдаев при проверке отсутствующих спросил Васю Лукьяненко, где брат, почему он пропустил вот уже несколько занятий. Вася не утаил правды.

На следующий день по приглашению Бигдаева в школу явился отец. Они остались одни и долго о чем-то беседовали. Домой Пантелеймон Тимофеевич возвращался необыкновенно веселым, даже насвистывать что-то озорное пытался, подходя к хате, чего за ним давно уже никто не замечал.

С вечера Павлуша собрал свои книжки, тетради, а наутро его увидели соседи, как он вместе с Васей шагал в училище.

Ушел из училища директор, статский советник Егоров. Николая Давидовича вспоминали добрым словом: немало он сделал для училища с первых дней его существования. Его сменил перебравшийся в станицу из Екатеринодара Михаил Захарович Штепенко, бывший в таком же чине. Этот отличался крайней нетерпимостью к малейшим нарушениям и отклонениям от уставных параграфов. За это реалисты невзлюбили его с первых дней, но своих чувств, конечно, открыто не высказывали. Зато как только представлялась возможность хотя бы в малейшей степени насолить новому директору, они использовали ее непременно.

Входя в класс, Штепенко не спеша оглядывал стоящих перед ним навытяжку учащихся и спрашивал:

— Вот ты, мальчик, — и указывал на кого-либо из детей неподалеку от него. — Скажи на милость, какие цари царствовали на святой Руси после Александра Первого?

Не дожидаясь, как правило, ответа, тут же обращался к другому реалисту:

— Можешь ли ты назвать состав и титулы императорской фамилии?

— ...Ее величество императрица... его высочество цесаревич... — сбиваясь и путаясь, прислушиваясь к подсказкам, перечислял испытуемый. Ничего более не спросив, директор качал головой и удалялся.

Преподаватель истории, тоже статский советник, Иосиф Иванович Попов, напротив, слыл среди учащихся человеком добродушным, и его

уважали за знание своего предмета и неизменную справедливость. Он оставил по себе добрую память у своих воспитанников на долгие годы. Ко многим недостаткам реалистов Иосиф Иванович умел относиться снисходительно. Он делал скидку не только на возраст, но и на то, что хорошо понимал — большинство ребят росло далеко не в тепличных условиях. «Как говорить, так и пишуть», — любил подшутить Иосиф Иванович. Он имел в виду прежде всего «малороссийское наречие», которое было причиной бесчисленных ошибок в русской орфографии и стиле у его питомцев.

Были и другие наставники. К сожалению, они почти не оставили сколько-нибудь заметного следа в памяти своих воспитанников. Это и обучавшая их французскому языку Ксения Васильевна Зарецкая, и «немка» Валерия Ивановна Кунц. Незадолго перед ними преподавала в реальном новые языки Лариса Ясоновна Яхвледiani. Гимнастикой занимались с Сергеем Семеновичем Протасовым. Он же исполнял обязанности письмоводителя.

Но все же оказался в реальном училище человек, о котором и впоследствии будут с благоговением вспоминать. Преподавателя естественной истории и географии Платона Николаевича Зедгинидзе все, кто учился у него, любили беззаветно.

— Платон Николаевич — статский советник, а все равно он какой-то наш, что ли. Видел я в Питере статских — так к тем и на коне не подъедешь. А этот совсем другой человек! С ним говорить можно, — сказал как-то Павлу отец.

Да, преподаватель естественной истории и географии хорошо знал жизнь казачьей станицы, ее беды и нужды. Понимал, что не с лишней копейки вздумали отдать сынов своих в реальное, а из тех соображений, чтоб хоть детям их жилось полегче, чем им самим. «Как-никак выучатся — людьми станут». Зедгинидзе, как никто другой из наставников, усвоил, что не нуждаются его питомцы в излишних нравоучениях и тем более нежностях — не так они были воспитаны с малых лет. Он знал, что почти все учащиеся, за редким исключением, вырастали в семьях, испокон веку занятых хлебопашеством, делом трудным и хлопотным. И потому для него неудивительным было то, что, как правило, вопросы, интересовавшие воспитанников, касались практической стороны жизни. Здоровые крестьянские дети во время занятий часто наводили его на мысль о том, что все преподавание, которым он занимается, слишком далеко ушло от жизни, от ее запросов и требований. Кто станет спорить, молодому человеку, вступающему в жизнь, полезно знать, скажем, этапы эволюций

биологической науки, знать, быть может, какой вклад в развитие биологии внес тот или иной ученый.

Но что он может поделать, когда белобрысый крутолобый казачонок спрашивает его, возможно ли вывести такую пшеницу, пудов чтоб до ста с десятины давала в любой год, а другому хочется такие груши завести в батьковом саду, чтоб величиной с дыню каждая уродила?

Как путники, впервые в своей жизни увидавшие снежные вершины гор, так и Павлуша со своими однокашниками слушал, изумляясь, и немел от восторга на занятиях у Платона Николаевича, когда тот рассказывал им о Дарвине, Бербанке, Болотове, Тимирязеве. Зедгинидзе был страстным поклонником Климента Аркадьевича, и потому он часами мог разъяснять ребятам, что такое фотосинтез, уверял, что до Тимирязева никто так не знал жизни растений, мог с упоением во время урока читать страницу за страницей из работ великого ученого. Затаив дыхание слушали они своего учителя и забывали обо всем на свете. Внимая услышанному, только диву давались вчерашние сорванцы — оказывается, о растениях можно так захватывающе интересно писать!

Пришел такой день, когда Платон Николаевич предупредил всех, что на следующий завтрашний урок не надо являться в училище — с утра они отправятся в Красный лес, где и проведут день до вечера. Разговорам по этому поводу не было конца.

— Завтра экскурсия в Красный лес! — с нескрываемой радостью сказал Павел Миле.

— А ты как будто сроду не видел его?!

— Ну, видел. Ты хлеб тоже видела — растет и растет... А много ты знаешь о нем? Так и с лесом. Вот недавно Платон Николаевич читал нам одну книжку про хлеб. Название у нее какое-то интересное, сразу и не вспомнишь. Что-то про похождения хлебного куля. Нет, я обязательно пойду завтра в лес, — закончил Павлик.

Что-что, а землю, на которой он рос, мальчик уж знал хорошо. Казалось, не было во всей округе места, куда не совершали бы они с Васей время от времени своих вылазок. Кроме воли, свободы от взрослого глаза, манила и притягивала их к себе тайная и скрытая от человеческого ока жизнь всякой твари. Кумпанов лиман, Великий, растянувшиеся цепочкой между Красным лесом и крайними станичными хатами оглаженные временем курганчики, неизвестно кем и в какие времена насыпанные, прозванные в народе Рясными могилками. Как только сходит вода в кубанские берега, опасно ходить по тропкам, сразу же облюбованным клубками змеиных выводков.

И еще был лесок. В отличие от Красного войскового он принадлежал станичному юрту и не так давно еще охранялся по распоряжению их отца в пору его атаманства. Эти уголья страдали от безжалостных порубок и потравы и теперь представляли собой неприглядное зрелище. По углам торчали полуразвалившиеся сторожки, жалкие и заброшенные. Да царство пеньков, больших, маленьких, трухлявых и совсем недавно появившихся. Павлуше надолго запал в сердце этот мирок, обреченный, но все еще цепляющийся за жизнь кустами дикого хмеля и ожины, шиповника. Сухие былинки под ногой, и на каждой кузнечик, готовый прыгнуть подальше от опасности. И множество гнезд, искусно свитых из мягких травинки и конского волоса прямо на земле. Притихшие и незаметные сразу, некрасивые желторотые птенчики еще без пера. Другие, чуть подросшие, научились тянуть кверху головки, держа их еще неуверенно. А как завидят протянутый к ним палец — думают, верно, что это родительский клюв. И принимаются пицать что есть мочи, разинув красные зевы до самой глотки...

Издаലെка видна среди зеленого поля белая тужурка преподавателя. Фуражка с кокардой в левой руке, правой подбирает рассыпающиеся время от времени черные как смоль волосы. Когда говорит, сквозь усы и смуглую бородку проглядывают ослепительно молодые зубы. Пока идут к лесу, позволена реалистам некоторая вольность — расстегнуты тугие воротнички форменок, идут кто с кем пожелал рядом — и по двое, и по три. И близится лес, и нивы отступают, и угадывается подкова Кубани...

Великолепным рассказчиком был Зедгинидзе. Знал он свой предмет досконально и пылкой увлеченностью заражал воспитанников. Сегодня, предваряя беседу, он спросил их:

— Известно ли вам, почему это посреди нашей степи да вдруг лес стоит? И именно на этом, на правом, берегу Кубани? Я думаю, потому, что на левом, на более высоком, он никак не мог быть. Представьте себе, что река устремляется с вершин и ледников Кавказа и вместе с водой приносит на наш берег и семена растений. Так продолжалось сотни, если не тысячи лет. Вот после паводка оседают семена принесенных растений, с теплом они прорастают. Так мне и представляется образование Красного леса.

Светило солнце и пели птицы. Весело щебетали щеглята, в высоких ветвях скрывалась иволга, напоминая изредка о себе резким вскриком, да на сухих верхушках старых деревьев сидели горлинки, оглашая своими трелями местность.

Насупившись, стояли дубы-великаны, такие старые и дебелие, что не смогли их охватить даже впятером. Толстые плети лиан и буйного хмеля

оббивали кусты и деревья. В зарослях темень бересклета с чернокленом. В зеленых листках держи-дерева таились прочные колючки, а под ногами тут и там попадались на глаза грибные шляпки — то розово-красные, то зеленоватые, а вот и вовсе фиолетового цвета, будто подсиненные чернилами из бузины. От этой погани добра не ждали, искоса поглядывая на них, сторонились.

Но самое интересное оказалось впереди. Платон Николаевич подготовил своим любимцам сюрприз. Он привел их к тому месту, где расположен был садовый питомник. К солнцу тянулись приятные глазу, ровными рядками посаженные деревца слив, яблонь, груш, алычи. Нетрудно было заметить, что хозяин этого садового заведения подходил к своему делу серьезно. Немногочисленные работники едва успевали управляться с хозяйством, растущим год от года. По словам агронома, саженцы из Красного леса были нарасхват, и всем сотрудникам в теплые; дни весны и осени дела хватает от зари до зари. Жители окрестных станиц буквально осаждают контору, желая заполучить хоть что-нибудь из питомника. Так что хлопот хватает, и надо подумать, в каком месте леса произвести расчистку под новые плантации.

Павлуша никогда, разумеется, не видел ничего подобного. На обычный дичок, выросший из яблочного семечка, груши или алычи, прививают глазок культурного дерева — и вот растет не простая яблонька, а Ренет Гамбургский, не мелкая слива-терновка или метелка, а Ренклюд, Венгерка, не лесная груша, а сорт, называемый Любимица Клаппа или Вильямс!

Ходил он по саду со станичными хлопчиками и вместе с ними диву давался — завораживали и кружили голову имена, заморские названья. И чудились дальние страны, аккуратные немецкие садики, английские и французские парки. Оживала мерцающая позолота томов Брокгауза, и ярче высвечивались в памяти страницы с описанием парков и садов, видами растений, именами ученых.

Чудом показался ему этот маленький питомничек рядом, совсем близко находящийся от нивы его отца. И так захотелось Павлуше, чтоб на отцовском поле год от года росли не те хлеба, которые, как ни крути, а были и есть совсем никудышные. Вот здесь, в этом питомнике, — другое дело. Крутом дикий лесной мир, с дерева ничего, кроме маленьких невкусных плодов, и не взять, но, оказывается, можно-таки сотворить диво дивное. Достаточно пересадить на тело дичка почку — и вот уже вкусные, сочные плоды зреют на солнце, дразнят взор и цветом и размерами.

— Платон Николаевич, а можно сделать такие прививки и на пшенице? — спросил вдруг неожиданно для самого себя Павел и смутился.

Никогда он не задавал вопросов, и сам часто терялся, если его вдруг спрашивали о чем-либо при людях...

КРЕСТЬЯНСКАЯ НАУКА

Знает Павлуша, что, как только установится прочно теплая погода, выезжают они на свои коши в степь, всей семьей снимаются. В станице останутся разве что дряхлые старики да больные. Иди в такое время по станице — нигде ни души, как говорят на Кубани, хоть волк траву ешь.

Вокруг куреня в открытой всем ветрам и солнцу степи насажено разной всячины. Набираются силы горох, цибуля, чеснок, огурцы. Подспорье такое кстати в семье их немалой на каждый день, не отрываться чтоб от нивы ни на минуту, не упустить ни часа.

К петрову дню отец с Николаем готовят косы, мачеха припасает харчей. Любо ему, когда к самому сроку укосной поры разрядятся сестры в обновки ситцевые, яркие и разноцветные, и по станице словно праздник пройдет. А тут еще народу пришлого прибавится к тому времени уйма. На белый хлеб, на хлебородную Кубань подаются горемыки из глубинной России побатрачить на лето, попытать счастья. На базарной площади торгуются, сходясь в цене, и хозяева, и те, кто нанимается на работу. Лежат днями на базарных лавках все еще не подрядившиеся.

А там хлеба поспевают, и совсем голову поднять некогда. С жатвой управляют бабы, бывает, и косой жнут, но больше серп выручает. За день так наклоняться можно, что спина, по словам сестры, нальется мурашками и гудит как тяжелый колокол. Вот и снопы вязать надо или в копны складывать. Ток подготавливать время.

Поручают Павлуше очистить круг от стерни и бурьяна. Если давно нет дождя, подвозят они с Васильком на быках бочку воды, разливают ее по кругу, чтоб пропиталась земля получше. Не сразу можно загонять туда пару быков, чтоб ходили они не спеша по тому месту. Подсыпают им время от времени под ноги половы, соломы кой-когда подбросят. Ходят быки так до тех пор, пока не получится ровный и гладкий, плотно утоптаный ток, куда можно будет свозить скошенный хлеб и молотить. Теперь можно посередине вбить большой кол попрочней, потому что станут ходить вокруг него быки. Изредка крикнет на них Павлуша, подтянет, если нужно, поближе к центру, чтоб вытаптывались колоски равномерно.

Весь день нехитрыми приспособлениями — тягалками — стаскиваются к току готовые копны, а вечером и ночью по прохладе

молотить и веять надо. Ставится «решето» — большой кусок бычьей толстой кожи, превращенный в подобие крупного сита. Затем бросается на него только что обмолоченное зерно и так отвеивается. Лишь один раз удалось отцу раздобыть у соседа веялку на несколько ночей. Тогда работали день и ночь — вдруг понадобится машина хозяину, надо спешить!

Ту работу, что досталась им тогда, Павлуша запомнил надолго. Один в барабан зерно неотвеянное подбрасывал, другой вращал, а третий чистый отвеянный хлеб в сторонку отгребал.

Не выдержит такой жизни хлопчик, возьмет да и уснет после полночи на ходу. Вскинется ото сна, а работа еще пуще кипит, при луне только лица у Петра и Николая от пота посвечивают. Подумается ему: «И как это им спать не хочется?» Да надо, чтоб не заметили его слабости, следует приниматься за дело.

Возвращались однажды Павлуша и Василек на подводе в станицу. Шел июнь, хлеба стояли стеной, наливались. Куда ни посмотришь, всюду одно и то же — пшеница, пшеница, и нет ей конца и краю. По дороге слушали, как выкрикивает перепел, да по очереди привставали, упершись ногами в днище подводы, во весь рост. Крепко сжимали в руках вожжи, громче погоня лошадей. Ослабляли бег, только лишь почувствовав дрожь днища, осушающего ступни. Тогда, присев, переводили упряжку на менее тряский ход и слушали рассказ деда, подсевшего к ним за Ново-Мышастовской...

— Вы хоть и малолетки, вижу, а батьку своему небось каждое лето подсобляете на степу?

— А что? — переспросил Василь.

— А то, думаю, что раз хлеб свой едите, да еще на ниве с ним всю мороку знаете, нужно еще кое-что послушать вам про него. Я вот с ним всю жизнь провел. Родился, говорят, на соломе и сплю до сих пор на ней, а спроси другой раз про него — толком и не расскажешь, не поймешь... Ну что это за штука такая — захват, знаете?

— Это то, когда хлеб повалится? — почти в один голос спросили братья.

— Да. Говорят старые люди, что раньше как вовсе и не знали захвата этого, чи помхи. Кто как зовет его. Сейчас не часто, но стали замечать его, хотя год на год не приходится. Одно только подметили — как налив, так и захвата жди. Еду я как-то верхи. Смотрю на хлеб и не пойму ничего. Что за напасть, думаю? Слезаю с коня — и ближе. Походил, походил и вижу, что и с поздней и с ранней пшеницей что-то неладно. — Тут старик прикурил свою трубку, коротенькую и черную от времени, спрятал кресало,

поправляя на поясе красиво расшитый зеленый кисет.

— Глазам не верю — почти вся пшеница снежком покрылась как бы, вроде от плесени побелела, что ли. Беру в руки колосок, другой, а они полностью почти объедены и сникли. И так кусками по всей ниве — то не тронуто, а то сплошь захвачено, съело, что...

— А что же это было, дедушка? — спросил тогда Павлуша, не понимая еще существа рассказа.

— Захват был, что ж еще. Перед тем как случилось это, дожди сильные прошли. В ту пору хлеб еще не наливался. А дождь прошел — от него все и пошло. Вот в этом году погода тихая пока, тепло, солнышко — захвата и на показ нет. Говорят, если присмотреться, можно и сейчас его найти кое-где. Там, где низко, мокро — по балкам и падинам, — там жди захвата...

Они подъезжали к станице, и лошади припустили, учуяв дом. Привычный этот бег стал заметно приближать их к показавшейся за сторожевым курганом красной черепице авакинской мельницы и невидимым пока дощатым заборам крайних дворов.

Старик продолжал, попыхивая трубкой:

— Захват — поганое дело, хлопцы. Бывает, смотришь — душа не нарадуется, такой важный хлеб к наливу вымахал. Но и тут не жди добра, не кажи «гоп». Поляжет, солома почернеет. А зерно? Какое оно тогда, видели? И не приведи бог вам его видеть никогда. Ни весу, ни виду, легкое, сморщенное — куда годится такое?

— Слышал я, что хлеб, когда захват, кругами ложится по всей ниве. Или ведьмы с чертями его по ночам валяют? — спросил Павел, улыбаясь.

— Не знаю, кто его валяет и когда, — старик при этом перекрестился, — но лежит он не только кругами, повихряется. Больше всего он бывает полосами.

— Вот у нас пай есть, так вчера зашел я в пшеницу, иду, а с нее какая-то пыль летит, черная как сажа. Сорвал один колосок, другой, третий — черные все, и зерно такое же, и солома. Но больше нету совсем зерна, пустой колос. Это тоже захват? — спросил Павел.

— Не, то другое что-то. Похоже на головню. У меня ее не было. От тумана, говорят, садится на хлеба. Захват, я знаю, еще бывает, если восточный ветер и налив идет. Сухой, горячий ветер. Он высушивает зерно, не дает ему как следует налиться. Такое зерно никуда не годится — щуплое, морщавое. Тогда его и не продашь нипочем... На жирной земле, на царине, тоже хандрить может хлеб, здесь захват чаще, чем на высоких и открытых сухих местах.

Приехали? Ну, всего вам... Бывайте! — И старик, белея бородой и выцветшей от времени, солнца и соли длинной рубахой, пошел по направлению к бирюковской длинной хатине. А память о его рассказе Павлуше на всю жизнь осталась.

ДЕДУШКА ТИМОФЕЙ И ДЕДУШКА АВДЕЙ

Павлуша часто вспоминал своего дедушку по отцу, Тимофея Ивановича, как его называли все. Всегда почему-то тот виделся ему в марлевой накидке вроде легкого воздушного бриля. Курящейся головешкой в одной руке выпугивает он из дуплянки-улья снующих вокруг, облепивших его руки пчел. Или стоит с золотистыми тяжелыми сотами и пчелами, ползающими, будто прилипли, по вошине — крылышки у них слюдяные и поблескивают, спинки длинные, круглые, с темными колечками по медовому мохнатому тельцу.

Теперь уже, чуть повзрослев, узнал, что дедушка участвовал в кавказской войне и за это получил своего «георгин». Сам же он об этом никому не говорил, а крест тот надевал только по большим праздникам.

Никогда не думал он, что дедушка Тимофей, всю жизнь свою, как представлялось, провозившийся с пчелами, садовым участком над ериком, обрабатывавший клочок виноградного сада вблизи Красного леса, — этот самый дедушка, оказывается, был на нелегкой службе. Он мог стрелять, спасаться от погони, отбивать атаки, наступать, а значит, убивать или быть убитым в чужой стороне. Всего этого мальчик не мог представить себе уже хотя бы потому, что ему иначе и не думалось, что дедушка во все времена носил свою бороду и был только таким стареньким и никогда молодым, он только и делал, что жил в Ивановке, мастерил и чинил сети, смолил вечно дырявую байдочку, ловил рыбу, трудился в саду, смотрел за пчелами и качал мед. А осенью, когда с дерева начинал падать первый лист, давил вино, закапывал на зиму виноградную лозу, и к покрову в хате его стоял надолго запах свежего, еще не перебродившего виноградного сока. Маленькие темные мошки слетались на этот дразнящий запах. Их можно было видеть и на подсиненных простеньких занавесочках малюсеньких окошек, и на голубоватых беленых стенках, и даже в низенькой коридорной пристройке, — как только войдешь с улицы, они так и мельтешат, садятся на ресницы, щекочут нос.

В последнее время все чаще стал жаловаться дед, что совсем мало осталось, по пальцам можно пересчитать тех, что помнили времена, когда в

Екатеринодаре на том самом месте, где теперь атаманский дворец, «качок залюбки стрелялы»^[5]. Разное вспоминал. И про то, что по Красной так иначе и пройти было нельзя, как в ботфортах. И как атаманша чуть было раз не утонула в луже перед самым домом своим.

Но были у них беседы и иного рода. Остались в памяти Павлуши рассказы деда о том, почему в иные дни не полагалось работать, даже в такие, когда дорог был каждый час — во время уборки хлебов.

— Паляя, — начинал дедушка, — это праздник великомученика Пантелеймона. Это тебе тем более нужно помнить, что отец твой Пантелеймон зовется. Так вот у нас по станице все казаки верят, что, если кто будет работать в этот день, у того весь хлеб святой Пантелеймон спалит. Вот и праздник потому называли «Паляя».

А есть и другой, — продолжал он, — смоленской Божьей Матери. Так если в этот день кто будет работать, тому не только хлеб спалит, но и все хозяйство превратится в смолу. Поэтому день этот называется «Смолия».

Запомнился Павлуше случай, когда они ехали с дедушкой Тимофеем по степи домой в станицу. Едут, едут... И вдруг тот останавливает лошадей, слезает. Поперек дороги лежит мешок пшеницы. И дедушка, едва-едва умеющий грамоте, сказал ему тогда:

— Иди сюда, внучок. Давай на попу поставим его в край дороги. Хозяин вернется искать и подберет. Может, это наш сосед и потерял.

С тех самых пор и усвоил он, что такое «на попу», и как само собой разумеющееся отложилось в голове, что брать чужого нельзя, даже если оно и лежит на дороге. А приметам дедовым о праздниках верилось как-то с трудом.

Был у Павлуши и другой душевный человек — дедушка по матери Авдей. Этот не кем иным, как солдатом, для него никогда и не представлялся. Потому что и не могло быть иначе: все прекрасно знали, что казаком он стал, прослужив в армии целых двадцать пять лет, и почти все эти годы пробыл на долгой кавказской войне. Частенько он прихаживал к ним, оставался ночевать, и эти его долгожданные приходы становились настоящим праздником для самых малых. Длинными зимними вечерами, забравшись на печь, дедушка Авдей без умолку рассказывал случай за случаем, и Павлуше тогда понятнее и ближе становились вычитанные из детских книжек похождения находчивого и храброго русского солдата, возвращающегося на побывку в родные места.

С каждым приходом дедушки Авдея все в доме подтягивалось и принаравливалось к его солдатским остротам и шуткам-прибауткам само

собой. То и дело слышались его команды, которые будущие вояки наперебой с игривой веселостью старались исполнить. А чего стоили утренние побудки и последние вечерние приказы, когда с помощью собственных губ он с исключительным, как им казалось, правдоподобием подражал звукам трубы, зовущей к началу нового дня — «подъем», или разрешающей отходить ко сну — «отбой»?!

Если пробуждались без какой бы то ни было неохоты, то ко сну отойти не торопились, несмотря на самые строгие дедушкины слова. И тогда принимались выклянчивать у него, чтоб только до отца не дошло, конечно, или рассказать им одну из необыкновенных историй кавказской войны, или же с готовностью соглашались ожидать, когда он из деревяшки смастерит кому-нибудь любимую всеми игрушку-качку. Этих смешных уточек он научился вырезать тогда же, на Кавказе, из первых попавших под руку чурок.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

АЗОВСКАЯ СТИХИЯ

На долгие годы сохранила Павлуше детская память остроту потрясения и боли за те людские страдания. Тогда по станице только и говорили, что об Ахтарях.

На разные лады пересказывалась эта трагедия, и представлялось мальчику, как ураган поднял воду с моря на высоту четырех аршин. Вот обрушивается водяная стена на рабочие бараки, на бедные хатки обездоленного люда. Самое страшное, что это случилось рано утром, часа в четыре, когда все крепко спали. Ураган срывает крыши, затопляет людей на Ачуевской и Ясенской косах. Ходили слухи, что только там погибло около полутора тысяч человек. Бедствие достигло таких размеров, что к месту происшествия экстренным поездом вынуждено было выехать высшее войсковое начальство.

А через несколько дней отец принес газету, и вечером вся семья за самоваром сидела вокруг него, непривычного в очках, развернувшего екатеринодарскую газету. Пили остывший чай, забывая о сахаре вприкуску...

Столько лет пролетит над его головой, а так же явственно видятся будут ему берег моря и рыбаки, подвозившие трупы. Большая группа женщин тут же шьет саваны, и плотники едва успевают сколачивать гробы. А надо всем, как писал очевидец события на страницах газет, стоит прекрасная весенняя погода, светит горячее южное солнце. Было это в начале марта 1914 года.

Удалось отцу раздобыть газету и на другой раз, уже возле правления. Играя в пыли, дожидаются они часа, поглядывают на ступеньки крыльца в надежде, что вот-вот атаман Бирюков направится по обыкновению к своей длинной хате на краю станицы, туда, где дорога на Красный лес встречается с почтовым трактом. Что такое обдумывал Дмитрий Пименович, шествуя по пути к дому, никто, конечно, этого сказать не мог, а вот что занята голова его какими-то невеселыми мыслями — это нетрудно было заметить всякому, кто встречался на улице с бывшим батарейцем, о котором ходила слава теперь как о человеке крутого нрава. Особенно заказано было попадаться под его тяжелую руку пьяницам, гулякам или

дебоширам. Кулак он пускал в ход тут же, не церемонился.

Штрафовал Бирюков всех и вся за бурьян, разросшийся под забором, за свинью, выбежавшую на улицу. Говорят, что пришлось ему как-то и самого себя подвергнуть штрафу на кругленькую сумму — целых пятнадцать рублей! А дело было так. Проезжая как-то по толоке, заметил он трех хавроний, блуждающих по воле без присмотра. Тут же и наказал кучеру проследить, куда, в чей забор пролезут они от погони. Является тот и докладывает, что, мол, все исполнено в точности, удалось выявить — хавроньи удалились в огород самого атамана. Какой-никакой народец, да околачивался на ту пору при правлении, все слышали, и ничего не оставалось Дмитрию Пименовичу делать, как выписать квитанцию на крупный этот счет — по пятерке за свинью. После обеда он дал тыжнёвому команду отнести выписанный квиток жинке и наказать ей немедленно явиться в правление для оплаты штрафа. Ничего не поделаешь: один для всех порядок...

Невеселые мысли, должно быть, одолевали атамана через несколько дней. И вновь Павлуша слушал печальную повесть о том, что гибель людей в Ахтарях, да еще такой массы, не была случайностью, а только следствием алчности хозяев карьера и Ачуевских рыбных промыслов, которые заботились прежде всего об извлечении прибыли из своего предприятия, нисколько не думая о рабочих. Какое им дело до тех, кто живет в бараках, поставленных прямо на ракушке, без каких бы то ни было свай. Затаив дыхание слушает подросток, а отец читает о том, что положение рабочих было ужасным, что их били, уплату денег задерживали по несколько месяцев. До этого бедствия обездоленные люди в Ахтарях постоянно бастовали...

Однако ни в Ивановке, ни в самом Екатеринодаре, да и ни в одном углу державной России, огромной — от Финляндии и Польши до Великого океана с матушкой Сибирью и седым Уралом, — никто и не подозревал, казалось, не думал, какие беды уже висят надо всем миром и вот-вот обрушатся стеной, подобно азовской стихии, уже недалеким августом четырнадцатого года.

Тогда к залиvistому трезвону старой Скорбященской церкви добавится глухой и тяжелый гул колоколов недавно освященного в станице нового храма. Как оглашенные станут метаться тогда от коша к кошу по степи вестовые с красными раздвоенными язычками значков на пиках. Под колокольный звон повернется русская история к неведомым и неслыханным дотоле событиям.

УСЕРДНЫЙ ХОЗЯИН

Не один раз кряду, возвращаясь домой после реального, подмечал Павел, что стайка ребятишек почему-то все вертится всякий раз, как только подходил он к летним, крытым красной черепицей казармам. Он-то знал, что все меньше и меньше удастся собрать под их крышей станичных малолетков, годных завтра же пойти на защиту царя и отечества. Какие ни были и даже завалященькие казачата — всех успевает подобрать, пожрать война. Безразлично ей, видно, кого подмять — пластуна ли, доброго ли казака с его верным конем, одобренных строгими комиссиями на дотошных смотрах, — всех без разбору проглотит жадная пасть германского и турецкого фронтов...

Такие вот, должно быть, невеселые думки фельдфебеля, случалось, прерывали звонкие, полные неподдельного восторга и трепета (с самим Бирюковым здороваются!) голосочки:

— Здрасьте, господин атаман! — ручонки к виску, глазенки таращат в самые его глазищи. Осматривают вблизи могучую, порядком погрузневшую фигуру. Успевают за этот миг скользнуть взглядом от бритого, без бороды и усов, лица до черкески, до кинжала, висящего заветной игрушкой на поясе, и плети, торчащей из-за голенища.

Сами же пальцами ног перебирают от нестерпимо горячей и мягкой, как только что смолотая мука, пыли.

— Здрасьте, коли не шутите! — отвечает. — А чьи ж вы такие будете, если не секрет?

— Донцовы, — отвечают дружно, в один голос.

— Молодцы, — слышится в ответ.

И атаман продолжает неспешно свой путь. Дети же дожидаются, пока тот чуть отойдет, и, не сговариваясь, разом бегут, суется, ближним огородом под похилившимся плетнем, серым от пыли и времени. Пробираются, минуя грядки свядшей под полуденным жаром картошки, успевают полоснуть лозинкой по развесистым, как свинячьи уши, и гулким лопухам, сквозь укропные душиные кусты с золотистыми трутнями на медовых воздушных зонтиках-цветках, выскакивают из-за плетня уже другого двора, едва успев прикрыть за собой фортку. Замирают так, что сердце кажется теперь большим и громким. Когда шаги равняются с ними, приникшими к сухому хрусту плетеного забора, задиристо приветствуют, приставив ручонки к виску.

— Здрасьте, господин атаман!

— Здрасьте, — как ни в чем не бывало отвечает Дмитрий Пименович, приложив сложенные вместе длинные пальцы, указательный со средним, всегда почему-то эти два, к своему виску. — А чьи ж вы, интересно, такие будете?

— Донцовы! — как один отвечают ему.

Окончив столь удачно полуденное свое предприятие, мелкота убегает в поисках новых приключений.

Скоро случай свел Павлушу с Бирюковым поближе. За хлебозапасными магазинами — «гамазеями», как их тогда называли, на кладбище летним каленым днем сидят под часовенкой в холодке малые пастушата. С ними и Павел. Коровы разбрелись туда и сюда, улеглись в кустах вблизи крестов и могил.

От нечего делать, от мертвой ли тишины со звенящими жалящими мухами, скуки ли ради, стали они разбирать мощенную плиткой дорожку. Установили на ребро одну за другой плитки и начали заваливать их так, чтобы они, с цокотом задевая одна другую, падали по цепочке таким образом, чтобы только что стоявшая стеночка превратилась в лежащую плашмя серую ленту. Должно быть, игра эта казалась им тогда то пулеметной перестрелкой, то чрезвычайно важной военной затеей...

И каков же был ужас их, когда над собой, над головами своими услышали они знакомый до страха голос:

— Здрасьте!

Онемевши от такой внезапности, дети не смогли проронить ни слова. Забыли даже, что надо сказать что-то Бирюкову в ответ на его приветствие.

— Так вот оно что! Молодцы! А я вас всех знаю, и очень даже хорошо. Если к вечеру дорожка не будет уложена на место, то плохо будет, и не так вам, как отцам вашим. А они, я думаю, спросят, чем вы здесь занимались. — Сказав это, он повернулся и ушел.

Давно растворилась в мареве высокая плотная фигура Бирюкова, а все еще никто из ошарашенных казачат не мог прийти в себя. Опомнились — и давай таскать пригоршнями пыль и старательно засыпать щели между вновь уложенными плитками.

Усердствовал в наведении порядка атаман, считал своим долгом вникать во все мелочи станичной жизни.

Нравится фельдфебелю пробраться в холодную осеннюю слякоть к хлебозапасным магазинам, неслышно подкравшись, застигнуть дремлющих казаков охраны врасплох и, заорав на них во всю глотку, начать хлестать плетью по чем попало.

Или, прознав, что на хуторах стали подваривать самогон из кишмиша,

самолично проехать туда, а уже в виду куреней растянуться на линейке, притворившись пьяным, повелеть кучеру неслышно подъезжать, поравнявшись же со строением, вскочить и бежать в сарайчики и хатки, опрокидывая на ходу чашки, чугушки и макитры, куда могли бы схоронить наготовленное зелье.

Глава вторая

СВАДЬБА

Война с германцем круто изменила станичную жизнь, казавшуюся до того безмятежной. С каждым новым призывом, новыми проводами на фронт пустели хаты.

Загадывал Пантелеймон Тимофеевич большую думку. На хлеб надеялся в том году как никогда, и было тому причин немало. Петра надо снаряжать, да в гвардию, известно, абы в чем не отправишь. Такие сборы все вытрясут, к тому же за двоих младших в реальное вносить плату потребуется. Как на грех, хлеб неважный в том году вышел. Кубань с троицы разлилась, затопила Красный лес так, что деревья на аршин стояли в воде. Потом на паи она хлынула. Весь месяц нивы залитыми стояли. Так что хлеб собирали только там, куда вода не смогла подняться, или с тех мест, откуда она быстро сошла, с тех, что повыше были. Приезжали из города чиновники, определяли убыток, что нанесла «троецка вода», да что толку? Помочь, так никому и не помогли...

А тут Петра женить пора подошла. Казак из него будет гарный, всем на загляденье. И ростом и лицом хоть куда — чернобровый, кровь с молоком, телом крепкий, засмотришься на него поневоле, особенно когда на коня сядет. Думал о нем отец, немало передумал. Меньшие пусть доучиваются, а Петра женить надо. Да он как будто и нашел себе кого-то, но пока не говорит. Упрямый, сам ни за что не скажет. Догадывался, конечно, отец, где допоздна стал пропадать Петро, да разве вытянешь из него? Ни слова. Была б мать жива, той бы он все сказал, открылся, а с этой они что-то не ладят. Не особенно.

Дело к покрову шло. Как-то утром, еще серело, Петро выпускал барашков из базка, а отец остругивал топором новый кол из акации, чтоб на время подпереть поломанный плетень. Случился между ними такой нескладный разговор:

— Что это ты, Петро, разгулялся две ночи подряд? — поинтересовался Пантелеймон Тимофеевич. — Ты что, нашел себе кого, так скажи. Женить, может, тебя, так женим. Невесту мы тебе подберем хоть куда. Сватов засылать будем.

— А я и без вас подобрал. Можете засылать, — ответил сын.

— И чья ж она такая? Не Пашка? То-то я и подмечаю, как она в землю смотрит, когда здоровается.

— Она, — ответил Петр, и щеки его и без того здорового цвета покрылись румянцем.

— Ну вот, а то и думаю: что-то не так с Петром, что-то тут такое есть. Смотри какой — ни слова, ни полслова. Бирюк какой-то стал. Отец я тебе или кто? — закончил Пантелеймон Тимофеевич.

И пошли «старосты» после краткого угощения хлопотать за Петра, а вместе с ними и Василек с Павлушей. Мачеха, отряхая руки от муки, вручила им паляницу, и те отправились, ободренные напутствием: «Помогай вам бог!» Приехали к дому невесты, вошли во двор. Встретил их на пороге хозяин, отгоняя собак. Поднесли ему паляницу со словами:

— Принимай, Алексей, хлеб-соль, а с ним и нас, да спрашивай, чего пришли.

Хлеб-соль отец принял, поцеловал его, повел гостей в хату. На лавку присел. Отвечать не спешил — с мыслями собирался. Да и цену себе и «товару» своему знал хорошо.

— Чего пришли?! А откуда я знаю? Надо будет — сами скажете, не маленькие.

— Мы люди степенные, без дела не ходим по хаткам. Говорят, у вас продается что-то, хороший, слышали, товар у вас есть. Ну а у нас купец неплохой. Сойдемся, может, в цене? — издалека начинают «старосты».

— Вон чего! Тут надо подумать. — И отец с матерью, а за ними и Прасковья уходят за стенку.

Вышла наконец дочь после переговоров с родителями, и один из «старостов» спрашивает ее:

— Ну, дивчина, пойдешь за нашего хлопца?

— Не знаю, то як батько та маты, так и я, — вовсе растерявшись, отвечает она.

Тут и распили прихваченный с собою магарыч. Когда уходили, то на самых воротах один из «старостов» нетерпеливо спросил у отца невесты:

— Так когда ж рушники будут?

На что тот степенно ответил:

— То не к спеху. Нехай сват да сваха прийдут, побалакаем...

И так и так наряжался Пантелеймон Тимофеевич, и сапоги добрые из своего гвардейского сундучка достал и отполировал, как на смотр, словно новый самовар засияли носочки и голенища. На каблуки новые подковки подбил, черкеска выглажена, газыри начистил.

Когда шли по улице, из окон подолгу на них выглядывали соседи,

рассматривая то начавшего стареть урядника, то его жену, крепко сбитую, намного моложе его.

Добрались наконец. Говорили о том о сем, а потом вдруг Лукьяненко и спросил:

— Так рушники когда ж будут?

На что будущий тесть ответил ему:

— Мы вас знаем, а вы — нас. Молодые наши друг о дружке также все знают как будто. Так что мы не сомневаемся. Потому что семьи наши обе работающие, свой кусок хлеба каждый добыть сможет. Ни пьяниц, ни воров, ни лодырей ни в том, ни в другом роду не водилось...

От хаты к хате пошла невеста с дружкой по станице. Заходят к родичам и знакомым, отвешивает невеста поясной поклон, придерживая с непривычки фату, украшенную лентами разноцветными да белыми цветами:

— Просили батько и мать, прошу и я на хлеб-соль, на рушники.

Потом женихова близкая родная с «боярином» пришли в невестин дом. Образами и хлебом благословляли молодых родители. Те целовали в ответ и образа, и хлеб, и руки, и лица благословляющих.

Вот и за стол садятся. Невеста раздает подарки — свекру, свекрови, «боярину», дружке — по платку, а «старостам» — по рушнику, были которые тут же надеты через плечо правое. И все это под свадебные песни — и про разлуку невесты с родным домом, и про тяжелую долю в чужом дому. Начинается угощение, которое нет-нет да и прервется просьбой тестя:

— Ой, моченьки ж моей нету! Пиднось, стара, по чарци!

Тут и родичи невесты, те, что побойчее, выговаривают подарки от жениха: что теще, что тестю обещает он подарить. На том зарученье и кончается. Назначили день венчанья. И не было дня, чтоб Петро не побывал у своей «голубы». Причины для того находил разные.

Отцы ходили к попу, чтоб все уладить, не забыв прихватить с собой курицу, пирог да бутылку водки. Чтоб сподручней разговор было заводить.

А свадьба приближалась. С пятницы пекли высокое свадебное угощение — каравай, борону, барило, шишки. Из вишневой веточки сделали «гильце», украсили бумажными цветами, колосками жита. Когда каравай был готов, с песней «Славен вечер, дивен вечер» водрузили в него это «гильце». Запекли в каравай монету на счастье молодых, поверх положили ягоды калины и блестящие леденцы разноцветные.

Собрали со всей станицы родичей жених с невестой, каждый своих сзывал, раздали «шишки» как знак приглашения и пропуск. Вот наконец набрали «поезд» из жениховой родни, взяли приступом ворота. И «князь

молодой», «богатый», «красивый», «храбрый» стоит позади всех, а боярин с дружкой отбивают тещины словесные нападки. А когда вышел Петр, тут действительно приумолкли все — увидала теща, что не кривой, не хромой, а красавец стоит перед нею что надо.

— За все слова твои нелестные заберем к себе княгинюшку молодую, — смело заявляет дружка.

— Только выкуп. Тогда и берите, — сдается наконец противная сторона.

Забирают немедленно невесту на повозку. Гордо восседают на ней жених с невестой, позади друзья-казаки гарцуют. Всем встречным молодые кланяются. После венчанья наконец «поезд» объехал три раза вокруг каменной новой церкви и направляется к женихову дому.

Подъехали, вышли из повозки. Горит перед воротами костер высокий. Дружка первым прыгает через него и уже со двора зазывает молодых. На руках Петр под визг детворы и восторги стариков проносит нареченную свою через пламя. Стоят теперь перед ними Пантелеймон Тимофеевич с мачехой. У него в руках хлеб, у нее крышка от макитры, где опара киснет, в одной и жито — в другой. Сыплет она молодым за шиворот зерно. А возле самого порога обсыпают их хмелем, конфетами, серебром и медью.

Усаживает отец молодых за стол. Садятся на козлах, вывернутый кверху шерстью. Подымают чарки, потом еще. Тут и время подарки подносить молодым на будущую их жизнь, да многие из присутствующих вместо того отшучиваются шутками: «Дарю тебе коня, что по полю гоня!» — и все в таком роде...

НОВОБРАНЕЦ

Кончилась свадьба, и начались будни. Подошла вскоре и Петру очередь призываться. Справили ему по этому случаю дикого совсем, степного красавца коня, для чего свести со двора пришлось отцу лучшую дойную корову. Хоть и голосит жинка, да конь уже, слава богу, на конюшне, гроши за него хозяин конского завода пересчитывает. Да и двое младших в реальном учатся за спасибо, что ли? Вот и выкручивайся тут, Пантелеймон Тимофеевич, как знаешь, успевай только, поворачивайся!

Одно дело — привести во двор, поставить в конюшню коня. Туда, конечно, на то место, где в свое время в готовности содержался и его строевой конь на случай призыва, под тем же навесом из камышового настила на балках. чтоб в случае чего дождь не промочил, воробы и

голуби, не дай бог, не попачкали. Это одно дело. Другое — приручить его, объездить. Такой конь не для хомута предназначен. Он к седлу да к легкому степному ветру, к шпорам привыкнуть должен, с кровавого поля чтоб, случись, полуживого хозяина к своим все же доволочь. Вот к чему предназначен такой конь.

А пока что нужно было, чтобы показали, как того требует устав, казак и конь его строевой на смотре полный лад, чтоб были они как нитка с иголкой. Сегодня, покуда батько с матерью еще не вернулись с заутрени, Василь с Павлушей спешат отпирать широкие, чтоб возом ехать, из длинных досок ворота. Петро уже вывел из прохладной темноты конюшни, крытой прошлогодним, еще свежего зеленовато-желтого цвета камышом, во двор своего любимца. Шарахнулись в сторону, задрав чинно кверху клювы, уже начавшие краснеть к холодам, растопырив косыми парусами широкие крылья, гогочущие гуси, перелетев через длинное деревянное корыто возле низкого колодезного сруба. Оно во время жары наполнялось младшими братьями если не до краев, то уж, во всяком случае, до половины водой, чтоб не разохло часом, на стенках его наросты бурых с зеленью и мягких, как конские губы, если потрогать, водорослей. Телята тупо выпуклыми беззащитными глазами уставились на них из-за плетня своего базка.

Рослый, буланой масти степняк с опаской косит по сторонам. Петро с достоинством и плохо скрываемым волнением держит руку на уздечке. Длинноногий красавец, крепкие мускулы которого твердой сталью при шаге означиваются под свежим и шелковистым, как у апрельской озими от ветерка, лоском почти прозрачной кожи с бугорчиками жилок кровеносных сосудов, с виду спокоен. Посередине двора, нет-нет да и потрепывая коня по холке, изловчившись, Петро взметнулся и слился вмиг с сильным и ладным телом горячего дончака. Да невзлюбилась та ноша коню, и, встав на дыбы, попятился, грохнувшись наземь спиной, вольный с рожденья дикарь. Но увернулся брат и ловко соскочил на землю, упершись крепкими ногами. Руками же, богатырской силой своею едва сдерживал своенравного новобранца.

— А ну ты, Павлик! — крикнул Петр подоспевшему реалисту. Только вцепившись в гриву и обжав босыми ногами теплые бока, Павел замер, пока старший брат при попытках коня вздыбиться терпеливо осаживал его вот уже в какой раз тугими лентами натянутых от задранной кверху конской морды поводьев.

Выждав, пока лошадь не ухоркалась, Петро бросил бразды, сам же едва увернулся вбок. Конь, учуяв волю, понес, сумасшедшим копытом

вызывая уже за воротами над октябрьской, хотя и не остывшей, но все же предзимней, с пожухлой травой, землей. Он летел, шелестя возле самого уха Павлуши ветерком сухой гривы, мимо соседского ветряка с тихими крыльями, по белой дороге к Васильченкову двору. Выметнулся вмиг на пустую толоку, а там только земля гудела и гнулась под сильным конским тоном да горклый кизячный вей сливался с терпким запахом сухой полыни, острым теплым потом нежащей шеи и сусликом посвистывал в светлой, цвета мелькавшей под копытами толоки гриве...

Обратный путь проскакали ровным наметом. Когда посреди двора Павел осаживал мокрую храпящую лошадь, Петро подбежал, помог брату спрыгнуть на землю, ласково охлопал атласные от пота конские бока. Крупная нервная дрожь понемногу сходила, конь успокаивался, все реже и тише подрагивал.

Все же с конем тем не вышло службу нести Петру. Придирчивая и строгая комиссия в отделе, в Славянской, признала полюбившегося всей семье красавца негодным к службе. Пока везли его в тесном и душном от скученных животных товарном вагоне с двуглавыми российскими орлами, потер в кровь и расцарапал бока горячий степняк. Пришлось Петру там же расстаться с недолгим другом, а в далекую столицу добираться с новым.

ВЕСТИ С СЕВЕРА

Не часто приходили от Петра письма. Отец с гордостью показывал родичам и знакомым фотографию сына в полный рост, которую тот прислал со службы.

Был февраль 1917 года. На Кубани стояли такие морозы, каких не помнили и столетние старики. Особенно лютым выдался день 11 февраля. Термометр у аптекаря Шнейдера в Ивановской показывал 22 градуса по Реомюру. Хорошо, что совсем не было ветра. А к вечеру в станице наблюдали настоящее столпотворение — от края земли к нему поднимались столбы света, точно такие, как видел Пантелеймон Тимофеевич в Питере. Так там и ночь в день превращается летом, а зимой наоборот — одна ночь и ночь, света белого не увидишь.

Но проводили под разухабистые мотивы масленицу, и морозы как рукой сняло. К концу месяца прилетели скворцы, а через неделю, в первых числах марта, побывавшие в Екатеринодаре на старом базаре ивановцы рассказывали, как Кубань подбирается к домам в самом городе неподалеку от пристани.

Все, казалось бы, шло своим ходом. Областные газеты все так же писали, что, где и почем можно купить. По четырнадцать копеек за штуку предлагались петровские или же шотландские сельди...

Однако уже 4 марта городская екатеринодарская дума направила делегацию к начальнику Кубанской области генералу Бабычу. Был поздний час — около девяти часов вечера. К атаманскому дворцу на Бурсаковской, минуя памятник Екатерине, подходила группка людей, перед которыми и без того стоявшие по уставу атаманские ражи вытянулись в струнку. Это были уполномоченные, гласные думы, предводительствуемые городским головой Сквориковым. Разговор был недолгим. В тот же вечер в присутствии этой делегации наказной атаман и заявил, что он «слуга нового правительства».

Причиной такого рода декларации послужили события, происшедшие несколько ранее в Петрограде, о которых местная газета писала так:

«В Таврический дворец явились делегации от гвардейских частей и казачьего конвоя Его Величества. Их встретил депутат — казачий офицер Караулов, произнесший большую речь, после чего гвардейцы и конвойцы заявили о присоединении к новому правительству».

Там же помещалась телеграмма об отречении государя от престола, о большой речи Милюкова в Государственной думе. Тот разъяснял, что царь отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына, что регентство принял на себя великий князь Михаил Александрович.

Рабочие бастовали. Они выходили на демонстрации. Уже 5 марта 1917 года Екатеринодарский Совет рабочих депутатов постановил командировать в Петроград делегацию с ходатайством «о смещении начальника области М. А. Бабыча и замене его другим лицом». Через десять дней по назначению буржуазного Временного правительства комиссарами по Кубанской области стали некие Бардиж и Николаев, верные слуги министров-капиталистов. Днем ранее, 14 марта, они разыграли спектакль. В екатеринодарском войсковом Александро-Невском соборе состоялась присяга чинов штаба и областного правления на верность Временному правительству. Полученное там же сообщение о первой победе русской армии на фронте после переворота было встречено дружным «ура». И выходит дело — вывеску поменяли, а суть осталась все та же.

Мало-помалу февральские события в Петрограде запоздалым эхом стали отдаваться и в Екатерине даре. Писали о переходе на сторону революции кубанцев, которые несли на ту пору службу в столице.

А вскоре и на улицах войскового града смогли подивиться на шествие немногочисленных «самостийников», распевавших свой гимн «Ще не вмерла Украина». Пашковцы послали в Петроград на имя председателя Государственной думы обращение, в котором высказывали пожелание о переименовании Кубанского казачьего войска в Запорожское. Но было много и таких, что спрашивали: «Ну и что ж? Пусть республика, лишь бы только хороший царь был...»

Со страниц газет стали раздаваться голоса с требованием изъять из собственности огромные земельные наделы, прикарманенные разными путями господами Бабкиными, Николенко, Часовниковыми, Стрельцовыми и прочими. Их так и называли — «земельные короли».

Временное правительство приступило к осуществлению своего лозунга «Все для победы! Война до конца!». Тщетно взывало оно к сознательности граждан: «Каждая незасеянная десятина земли будет непоправимым ущербом для обороны».

По станицам казачки и иногородние осаждали правления. Они требовали выдачи положенных им за ушедших на фронт мужчин продуктов по карточкам. Цены на рынке стали баснословными.

«Жертвуйте сухари для наших пленных через шведский Красный Крест», — взывали газеты.

Пантелеймон Тимофеевич, опасаясь за судьбу Петра, отправил в Питер телеграмму. Так как с деньгами стало совсем туго, да и не привыкли тратить их по пустякам, то перед отправкой ее в казармы на Шпалерную долго обдумывали текст. Наконец сошлись на том, что достаточно и одного слова. Оно было найдено и оказалось самым главным. «Живой?» — спрашивал отец.

В связи с последними событиями реалисты тоже почувствовали волю. Им стало казаться, что теперь у них появилась возможность свести счеты с некоторыми из ненавистных им преподавателей. Но так продолжалось недолго. Директор училища, ярый монархист Штепенко, быстро пресек всякие их поползновения к вольностям. За малейшие провинности стали жестоко наказывать, и даже ставился вопрос об исключении нескольких учащихся. Краткий медовый месяц закончился, и началась подготовка к событиям куда более серьезным...

И без того строгий на вид отец стал вовсе замкнутым. Он с тревогой, которую ни от кого не скрывал, ожидал ответной телеграммы. А ее все не было и не было. Была у него и другая думка, не менее тревожная, — 66 младшие должны доучиться, что бы ни случилось. Он усвоил это подобно тому, как знал, что вспаханную ниву надо засеять, а потом собрать с нее

урожай. И никуда тут не деться, потому что, как говорится, умел начинать, сумеи и до конца довести дело. Как ни приходилось ему тянуться, лезть в глаза к тем, кого он в другое время обошел бы десятой дорогой, но все же с врожденным крестьянским упорством стоял на своем — пусть мы свой век в грязи прожили, но дети в люди выйдут, выучатся.

От таких забот у него голова шла кругом. Что еще будет с меньшими? Не лезли б ни в какую кашу, когда кругом такое творится. Он не забыл историю с гимназистом Карповым и учителем Дудкой и не хотел, чтобы и его дети ввязывались в какие-то иные дела, кроме учебных.

С большим трудом удастся ему в последнее время сводить концы с концами. То недород — кубанская вода на нивах почти целый месяц простояла, то свадьба, а тут пока Петра проводили в гвардию — крепко вытрясся. Потому и трудно так ему оплачивать учение Василька с Павлом. Какие теперь деньги? Слезы! Пока в руках — есть они, а как куда пошел, считай, там и остались копейки. Того не возьмешь за них, как то перед войной было. Приходят они трудно, да уходят легко.

И пришли на память Пантелеймону Тимофеевичу те слова, что сказал ему Савченко тогда на процессе в зале окружного суда, когда сидели они почти рядом и слушали разбирательство об ивановских конокрадах. Кто ж спорит, на своем степу много не разживешься, капиталу не накопишь. Но, как и предки его, живет он так день за днем, год от года, и нет у него никаких мыслей о чем-то другом, кроме той жизни в своей станице, службы, работы на ниве, отцами завещанной, работы тяжелой и подчас неблагодарной. Он, как и многие, понимает и видит, что жизнь обходит его стороной и движется куда-то дальше в непонятном для него направлении. Но предпринимать что-либо он не хотел, да и не мог. Силы не те — шестьдесят годков вот-вот стукнет. Копить деньжата, чтобы пустить их при случае в дело, ну там лавку завести или что-то в этом роде? Нет, не уподобится ни он, ни вообще любой из ихнего рода екатеринодарским купцам, допустим, или плутоватым грекам, что успели прибрать к рукам своим всю торговлю по области, табачное дело и хлебные ссыпки. Всю жизнь копать в грошах, как воробей в конском дерьме на дороге? Нет, негоже такое занятие для казака, недостойное дело, нестоящее.

Потому и выходило так, что тому, кто работал из года в год от рожденья до гробовой доски на своей ниве, всей семьей от мала до велика, — едва хватало на пропитание. А те же, к кому они свозили хлеб на ссыпки, те, не ударяя палец о палец, записывать едва успевали на свой счет кругленькие суммы. Многих из таких владельцев никто в станице и в глаза не видал. Но в отчетах и ведомостях подобные личности значились по

станции Ивановской как имеющие самый высокий годовой доход. «Кому — война, а кому и мать родна», — подумал Пантелеймон Тимофеевич, отмечая в памяти появившиеся за последние несколько лет в Ивановке лавчонки, разросшиеся кирпичные заводы, паровые мельницы...

«ВОЙНА ДО ПОБЕДЫ»

В конце июля 1917 года в Ивановской был, в который раз за последнее время, станичный сбор. На этот случай приехал из отдела для присутствия на сходе есаул. Отношение населения станции к Временному правительству было основным вопросом, который навязал казачеству комиссар Бардиж, кадет по убеждениям.

— Граждане казаки, — начал есаул, приосаниваясь. — Как вы теперь знаете, по многим станицам нашего отдела, да и по всей области проходят станичные сборы. Насколько мне известно, повсюду принимаются решения о том, что наше кубанское казачество жить должно дружной семьей и строить жизнь на новых началах. Скоро в Екатеринодаре собирается Войсковая рада, и ваши депутаты будут решать этот вопрос.

Но нас должно волновать другое. Вы не хуже меня знаете, как разные газеты и съезды в последнее время только и знают, что судачат про то, быть или не быть нам, казакам. Я же, как и все вы, твердо заявляю здесь, что наше кубанское казачество обязано сохранить чисто кубанскую самобытность и собственный уклад жизни. Мы с вами все это без посторонней помощи выработали на протяжении целых веков. И никто не должен вмешиваться в жизнь казаков, а тем более мешать нам устраивать ее по своему усмотрению. Мы должны пользоваться добытыми революцией свободами так, как это сами понимаем. Самоопределение — вот что нам нужно. Только тогда и сможем жить вполне свободной жизнью казака-демократа! — закончил оратор, озирая собравшихся возбужденными глазами.

— Вот именно! — поддержал его атаман Бирюков. — Мы никому не дадим, чтоб подсовывали нам черт знает какие понятия! Нечего требовать от нас какого-то переустройства нашей жизни. Знать не хотим про неизвестные нам правила и программы. По-нашему, все это посягательства на добытые нами гражданские свободы. Хватит! Накормили нас бывшим царским гнетом! За что уродовали жизнь казака? Кто превращал его в раба и послушного исполнителя велений царских приспешников? Мы хотим жить свободной жизнью! — прокричал он, будто увидев перед собою

полчища врагов.

Офицер из Славянской поспешил тут же добавить:

— Дмитрий Пименович верно сказал. Что до меня, то я скажу вот что. И это не только мое или еще чье-то мнение, нет. Мы хорошо помним, что решил Всероссийский казачий съезд в Петрограде. Не только должно сохранить свой уклад жизни, нет. Нам важно сохранить свои права на всю нашу землю со всеми ее недрами, со всем юртовым хозяйством...

— Вот, вот. Землю! Это нам надо помнить. Никому из нас никто за спасибо ее не давал. Мы ее сами отвоевали. А что потом стало? — визжал маленький седобородый урядник, которого не раз выбирали почетным судьей. — Хлынули, как та горская вода под троицу, переселенцы — как же, война кончилась! Ну, мы их в казаки записывали, делились своими землями. Перестали принимать, так что ж? Область стала наводняться пришлыми. Дожили до того, что теперь посчитать — казаков по области меньше, чем городовиков тех. Вот мы е вами и слышим теперь, что кое-кому хочется, чтоб казак поделился своими землями с голодранцами. Такие легкомысленные речи нам не по душе. Так нельзя понимать равенство и братство. При царском гнете и бесправии мы не могли распоряжаться ни землей, ни своими капиталами — все сначала утверждали царские чиновники. Мы более ста лет снаряжались за свой счет. Уже этим одним дважды выкупили свою землю. Мы семьдесят лет воевали за нее с горцами! — распалялся старик.

— Вы все не похуже меня знаете, как некоторые праздные личности распускают несерьезные разговоры про то, что казак будто и не хозяин на своей земле, что она не является его собственностью, — продолжал после старика Бирюков. — Тогда надо прямо сказать этим личностям: «Нет, так не пойдет! Вы хотите пожить с достоинством казаков, разговаривая о свободе, равенстве, братстве. А не есть ли это новый гнет, новое бесправие и полное насилие над нашими чисто казачьими интересами?»

Гул не то одобрения, не то осуждения прокатился по площади. Приняв это как одобрение, атаман продолжал:

— Я хочу сказать вам всем, что ничего этого никогда не будет. Пора нам возвысить голос на защиту собственных казачьих прав, прав на землю и имущество. Пришло время прямо сказать, что в нашей области хозяева — казаки, а не кто-то там другой!

Сбор загалдел, зашевелился, задвигался. После принятия резолюции, одоблившей действия Временного правительства и его лозунга «Война до победы!», сидевший рядом с атаманом есаул из Славянской сказал:

— Мы очень ценим вашу поддержку, ивановцы. Ваша позиция — это

еще один здоровый аккорд в общем кубанском оркестре. К сожалению, в отделе, как и всюду по области, поднимают голову Советы. В одной из линейных станиц совершилось форменное безобразие. Большевистский комитет отстранил от власти законных избранников народа — атамана, его помощников и писаря, занимаясь там самоуправством. Мы собираемся принять решительные меры к смутьянам и ждем со дня на день директив войскового правительства. Уверяю вас, что и впредь будут разгоняться так называемые Советы, состоящие из босяков. А если и у вас, паче чаяния, заведутся таковые умники, то остерегайтесь вступать в эти самые Советы. Вы — казаки, и там вам не место!

Сбор закончился довольно скоро, так как желающих выступить на этот раз, кроме первых троих, не оказалось. Бирюков еще раз напомнил ивановцам, кто они такие и что Временное правительство — навсегда...

Со сборной площади Пантелеймон Тимофеевич с Павлом возвращались не спеша. Он, как и многие станичники, которых видел сегодня, был не в духе. Разговоры и речи, какие ему довелось слышать сегодня, совсем не по сердцу. Какая еще может быть самобытность казачья? Век жили, ни сном, ни духом не знали про такую, а тут — на тебе! «Самоопределение» выдумали какое-то... Что оно еще будет значить на деле? Носятся с ним как дурень с писаной торбой, а того не поймут, что про Кубань никто и слыхом бы не слыхивал, не будь России, ее армии, походов Суворова. То ж громада какая — Рос-си-я! А они — «казак-демократ»! — передразнил старый Лукьяненко есаула и сплюнул с досады. — Знаю я, чего так за землю офицер распинаясь: нахапал — боится потерять теперь. А вот что они будут делать, умники такие, когда Россия ситцу, да гвоздей, да угля не даст?! Попляшут тогда, дурни... Или на Антанту надеются? Чужие дяди помогут сегодня, а завтра до нитки оберут и сами же усядутся хозяевами на наше добро. Даром ничего не делается...

ЧАСТЬ ТРЕТья

Глава первая

ГОРОД

Немного свидетельств сохранилось от того времени, когда был заложен Екатеринодар. Известно, что за 15 лет до его основания А. В. Суворов повелел заложить на том самом месте Архангельский фельдшанц. Что и говорить, весьма выгодное положение боевого укрепления, с трех сторон огражденного реками Кубань и Карасун, а с четвертой, с северной, — огромным мелководным озером, прозванным Ореховатым (видимо, за то, что в нем находили рогатые водяные орехи — чилим), безошибочно определил наметанный глаз великого полководца.

Могучие вековые дубы стояли к северу от крепости. Здесь-то и стали селиться горожане. А наиболее удобные места над Карасуном (на территории нынешнего мединститута) отошли под участки Чепеги, Антона Головатого и вообще войсковой старшины.

Введение жизни вольного и порою бесшабашного люда в регламентированное сверху русло началось на обживаемых землях сразу после обнародования в первый день января 1794 года «Порядка общей пользы», где, помимо всего прочего, указывалось: «Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению стоящих на пограничной страже кордонов при реке Кубань, в Карасунском куте воздвигнуть град... и ради собрания Войска, устройства довлеемого порядка и прибежища бездомных казаков во граде Екатеринодаре выстроить сорок куреней».

Все лето рыли землянки, валили во дворах дубы и строили длинные приземистые строения. К середине ноября 1794 года первый городничий Екатеринодара Данило Волкорез насчитал в городе 9 домов, 75 хат, 153 землянки, а всех жителей 580 душ. Сохранилось предание, согласно которому сам войсковой атаман первое время жил в землянке, устроенной на том месте, где теперь городской парк имени А. М. Горького.

Пройдут годы, и улицы города, проложенные параллельно Красной, будут названы по имени наказных атаманов — Котляревского, Бурсака, Рашпиля, войскового старшины Борзика и единственная — по имени денежного мешка и креста — Александра Посполитаки. Будут и такие, что станут носить названия куреней — Медведевского, Гривенского,

Елизаветинского, Пластуновского...

Отец не часто брал с собой Павлушу, когда ездили по делам в город. Но и те редкие наезды запомнились ему надолго. Потому что после тихой, мирной Ивановской улицы Екатеринодара ошеломляли и надолго в памяти оставались впечатления от увиденного и услышанного. Прежде всего это, конечно, базары и улица Красная с витринами магазинов, грохотом трамвая, городскими, гимназистами, казачьими офицерами, учениками епархиального училища и реалистами.

Чего только не предлагали наперебой вывески предприимчивых торговцев!.. Красная казалось сплошным прилавком, где лежали шелка и сукна, полотно и бархат, плюш и парча, ковры и меховые товары. На широкую ногу ставили свое дело выходцы из Армавира — братья Тарасовы и Богарсуковы. Не уступали им и За-лиевы.

Киор-оглы заманивал лимонадом «исключительно на дистиллированной воде». На Гимназической в доме Богарсуковых подолгу смотрел он на ружья зарубежных фирм — «Зауер», «Дюмулен», «Бертран», «Винчестер», на тульские и ижевские ружья. А револьверы... Каких только не было систем и марок! Загорались глаза, замирало сердце, но он и вида не подавал отцу. Тому — свое. Обувной король Фотиади предлагал выбор кож — от козловой и шевро до бокса, хрома, опойка, сафьяна и юфти, и батя приценивался, вертел в руках куски кожи. Будут гроши — надо новые сапоги шить.

И конечно, Ган, Леон Яковлевич Ган. Что в Екатеринодаре могло быть роскошнее его витрин? Недаром к 300-летию дома Романовых на витрине его магазина возле соборной площади красовалось для всеобщего обозрения серебряное блюдо, предназначенное к подношению в белокаменной Москве, — подарок царствующему дому от кубанского казачества. На всем Кавказе не сыскать роскошнее магазина по выбору золотых, серебряных и бриллиантовых вещей. А еще одеколон «Брокер», коньяк Шустова...

Садовое заведение братьев Шик предлагало деревья, розы, букеты, венки, комнатные растения, семена. На Новом базаре у братьев Бабаджанянц на складах лежали лимоны, апельсины, мандарины, шла торговля крымскими и персидскими сушеными фруктами, ахалцихскими яблоками и грушами.

Там же, на Новом базаре, зазывали подойти к прилавку отведать окороков тамбовских или полтавских, копченой колбасы московской — это у Белова. В молочном ряду в ларях — сыров: швейцарского, голландского,

бакштейн, литовского зеленого, тильзит, брынзы, масла парижского, голыптинского, топленого — это уже у Антона Ивановича Миндрено.

Но попробовать что-либо из этого попросить купить Павлуша, конечно, и не помышлял, потому что он никогда не видал, чтобы отец что-либо из этих сказочных предметов пытался хотя бы удостоить взгляда. Он обычно торопил, стараясь поскорее увести мальчика от соблазна, говоря что-то вроде такого: «Ну, чего стал? Игрушек не видал? Баловство...» И Павлуша, как само собой разумеющееся, понимал, что все это ни к чему, он смотрел на все это как на живую картинку, да еще за толстым стеклом. То, что у них есть дома, вот это их, за него не надо платить деньги. Все же, что они видели в витринах и на прилавках, только баловство, оно не про них, а для господ в чистых манишках, с белыми руками...

Летом 1917 года семейная необеспеченность стронула Павла и его старшего брата Василия с насиженного места. Надумали они отправиться попытать счастья в городе. Отец не стал отговаривать парубков, уже отпустивших усы. «Попытайте счастья, дети», — только и сказал он. У старшего брата Петра — он недавно объявился и жил теперь, затаившись, на хуторах — выпросили денег на дорогу. Выделил червонец, и они воспрянули духом. Выйдя из станицы, верст пятнадцать, балагуря и горланя от избытка чувств озорные песни, братья шли пешком. От станицы Ангелинской до Екатеринодара тратиться на билет не пожелали. Доедем и зайцами!

В городе посоветовали им обратиться в «Хлебармию», организацию, по слухам, солидную и большую. Там всегда требовались рабочие руки...

В первую ночь остановились на постоялом дворе «Полтава», уплатив 40 копеек, всю ночь проворочались с боку на бок от огненных укусов клопов. Утром пошли в поисках работы по адресу.

Громадина трехэтажного здания из красного кирпича, широкие гулкие коридоры с людской сутолокой, просторные светлые комнаты, где, должно быть, сидят важные столоначальники и писаря, — тут ли глазам не разбежаться? Была бы удача!

Их внимательно выслушали и отпустили восвояси: «Ученики нам не нужны». Хотели устроиться в один захудалый трактир, что приткнулся сиротой у нового базара, да хозяин наметанным глазом оглядел станичников молоденьких, тут же громко хмыкнул, приударил рука об руку и, лукавя, спросил: «А кто за вас, ребята, поручится?» Поручителя не нашлось. И тогда Павел сказал: «Давай, Вася, пока время еще есть, в Ивановскую вернемся. Займемся хлебоуборкой. Кому мы нужны здесь?»

С досады сфотографировались на память у базарного фотографа. Тот долго прилаживался, укрывши голову черным рукавом, и наконец сказал им: «Готово!» Наскоро перекусили в обжорке возле Сенного. На счастье, встретили там знакомого казака из родной станицы, который и подвез бесплатно неудачливых путешественников до самой станицы. «Здравствуй, родная хата!» — в один голос крикнули братья и расхохотались от счастья...

КОРНИЛОВСКАЯ АВАНТЮРА

И был митинг на церковной площади. Со всех концов станицы сходились казаки и иногородние на сбор. У всякого своя думка, та, покоя что не дает. Одному то, другому — другое. Не всякий знает, как оно еще повернет, на чью сторону переклонит...

Красные бойцы чуть в сторонке стоят, серые, еще от старой армии, шинели в скатках через плечо, винтовки с длинными штыками. Командир сам, Беликов, до пояса весь в коже черной, револьвер сбоку висит.

— Граждане казаки! Граждане иногородние! — И Беликов кратко, ясно говорит о своих бойцах, о всей Красной гвардии. Ему некогда, да и не привык он подолгу говорить. Советует ивановцам записываться в. его отряд.

Следом за красноармейским командиром выступил Никифор Донцов. Еще недавно служил на Кавказе. Фельдшер. Сослуживцы избрали его в полковой комитет. Ходили слухи, что с самим Шаумяном не раз встречался в Баку. Вернулся в станицу недавно, но редко какой сбор проходил без его участия и споров. День и ночь теперь он пропадает в правлении — всех комиссарских дел не переделать и за год, а что ни день, то новые заботы...

— Думается мне, товарищ Беликов правильную позицию занял. Он набирает в отряд сознательных бойцов и не затаскивает никого силком — вольному воля. А вот те, кому дороги наши семьи, нивы наши и хаты, пусть покумекают те, что будет с нами, как кадеты явятся?.. Они не станут вот так церемониться — в два счета под метлу всех вас сметут в свою белую банду — и спрашивать не станут никого. Так что выбирайте, как вам и с кем сподручней. — Руки его во все время выступления теребили околыш фуражки, изредка он касался рукой то светлых, коротко подстриженных усов, то русых, гладко зачесанных назад волос. — Каждый из вас лично вступает в этот отряд, — закончил Донцов, и притихшая толпа не шевельнулась после этого еще какой-то миг. Только откуда-то с кузни, со

стороны Омельченкова двора ветерок доносил тяжелые звуки молота.

Не спеша, сперва один, потом и другой, третий, а там и целый десяток, подходили к столу и записывались ивановцы. Робко сначала, затем посмелей — и через какой-нибудь час готов был список добровольцев — молодые по большей части. Больше двадцати человек записалось.

На другой день собрались добровольцы к станичному правлению, погрузились на три обывательские подводы и тронулись в путь.

Далеко за станицу, за лиман провожали их родня и знакомые, пели, целовались, плакали. До самой паровой мельницы Авако провожал станичников с беликовским отрядом комиссар Донцов... Жал каждому руки, желал победы и возвращения живыми домой.

Была середина марта. Павел сидел за уроками.

Еще с порога, разуваясь, отец начал:

— Приехал дальний родич из Ново-Ивановки. Там уже, говорит, неделю назад встречали Корнилова.

— Генерал какой или еще кто? — полюбопытствовала мачеха, вытряхивая из черного чугунка и поливая горячую картошку постным маслом. — Опять все за то да про то ж?

— За веру и отечество идет биться. Этих генералов ничему другому и не научили. Выстроили, говорит, на церковной площади, как при старом порядке, почетный строй — старые и молодые казаки стоят — ждут. Стол зеленой скатертью накрыли, поставили под тополью самой большой. Хлеб-соль тут же, как водится, для самых дорогих гостечков. Смотрят, конвой показался человек с тридцать, из черкесов все — кони под ними — огонь, да и сами как на подбор — глаза так огнем и сверкают, брови черные. Знамя потом, черный орел двуглавый лапы по сторонам распустил. А сзади уже тачанки — кубанцы-рубачи на сытых конях. Ну а посередине, в самой тачанке в коврах восседал Корнилов важно — сухой такой, говорит, подтянутый, глазки маленькие, колючие, так и буравят.

Атаман ихний Кузьма Христофорович Барылко скомандовал: «Смирно!» — и рапорт генералу отдает. Человек с триста стоят «на караул», шашки долой.

Корнилов похвалил их, а потом уже стал агитировать:

«Вы, — говорит, — казаки, всегда были дороги моему сердцу. Вступайте, — говорит, — в мою доблестную русскую армию», — и все такое. Будем сражаться за веру и отечество до победы. Обещал каждому полное обмундирование, сто шестьдесят рублей каждый месяц, а после победы — по двести десятин земли на душу.

— Обещав пан кожух, так и слово его тэпло, — вставила мачеха.

— Слушали все это, конечно, станичники, слушали, молчали, головы поднять не смели. А стали записываться — шестнадцать человек с трудом набралось. Дураков нет!

По звону церковного колокола в который уже раз на неделе собрались к станичному правлению и казаки и иногородние. Не все, конечно, а только главы семейств. Остальные не допускались — не положено...

Были тут, само собой, по старой традиции и старики с длинными бородами, и вернувшиеся с фронта казаки, кто с отхваченной в лазарете рукой или ногой, кто газов хлебнул на всю оставшуюся ему недолгую теперь жизнь, — между этими двумя группами в основном и проходили всегда стычки. Тут находила коса на камень. Старикам, привыкшим к вековому укладу, привыкшим, что их слово — закон, казалось, что все показались и тычутся, как слепые котята, а все потому только, что отошли от веры, теперь и их, стариков, не чтут, забыли, и вот расплата.

Фронтвики же, наоборот, много навидавшись за время службы по всей России, да и в чужих краях, ознакомившись с большевистскими идеями на фронтовой службе, многое из прежней старой жизни просто отвергали, а то и вовсе не принимали всего бывшего уклада.

Но на этот раз оказалось дело серьезным, не одной перепалкой ограничилось. Генерал Корнилов разослал своих полномочных по станицам, и те требовали его именем и от ивановцев — поставить под ружье шесть присяжных возрастов казаков.

Не один из собравшихся при такой вести понадвинул шапку на самые брови и затылок поскреб — вспомнил о семье, о детях своих, о сынах в первую очередь, конечно, о том, что и без того с таким трудом сколоченное добро и хозяйство подкосятся за несколько месяцев, лишённые мужской силы и хозяйского глаза. Да и самим придется ли голову снести в такой заварухе?

— Ага, опять ахвицера да кадеты идут на нашу шею садиться?! Разговоры только одни кругом — революция, революция!.. Где ж она, когда панство не сегодня завтра вернется?! — визгливо выкрикнул какой-то длинный, как та камышина, казак с хуторов.

— Гайда по хатам, а там бог даст день и бог даст пищу, — откликнулся голос из середины.

— Ну, то мы еще посмотрим, как и что вы запоете, когда завтра утречком сам Корнилов сюда нагрянет. А то вы все широкие здесь, пока возле баб сидите! — выкрикнул на весь сбор Малиночка Максим. И повернули в его сторону головы.

— Ото и я про то ж. Казав слепый — побачим. А то, что ты казав, так видали мы таких страшных. И что ты своих офицеров ждешь не дожدهшься — про то тоже, знаем, — отрезал ему парикмахер Искра.

...До вечера, препираясь, гудел сбор, шарахался то вправо, то влево. Так на корабле, попавшем в бурю, вода перебирается от одного борта к другому...

К сумеркам от отдельского комиссара из Славянской получили телеграмму. В ней категорически приказывалось любыми путями сорвать вербовку ивановцев для корниловской авантюры.

И тогда, в тот самый вечер, на том же сборе, уже с крыльца правления Никифор Донцов бросил над беспокойными головами:

— Не признаю я никаких офицеров, ни атаманов! Расходись по домам!

Услышав такое, все шесть присяг тут же разбежались без дополнительных разъяснений.

С того вечера еще на несколько месяцев установилась в станице Советская власть. Комиссаром Оставался Никифор Донцов.

Вскоре пришла весть, что при штурме Екатеринодара Корнилов, переправившийся через Кубань под Елизаветинской по мелкому броду, был убит в своем штабе уже в виду самого города, с его видневшимися прямыми улицами, куполами соборов и церквей, с башенками угловых гостиничных домов на центральных улицах, — уже в виду этого южного городка, отделенного от белого небольшого домика с тополями-часовыми неглубокой лощиной, был убит российский Кавеньяк. Убит был и его любимец полковник Неженцев, и сразу рухнул, казалось бы, так хорошо задуманный план вовлечения Кубани в орбиту генеральских белых страстей...

Возвращаясь из реального домой, Павел с Васильком часто подолгу задерживались у правления. Немало историй довелось им услышать здесь в последнее время. На этот раз невысокий сухощавый казак с Георгиевским крестом неспешно продолжал в окружении нескольких станичников, видно, недавно начатый разговор:

— Ну, что с того, что я пластуном три года пробыл на турецком фронте? По горкам лазили, по окопчикам сидели... Турок плохой вояка был: чуть что не так — тикать.

Про революцию знали. Знали, что в Питере царя свергли. Это слышали от грамотных. Как отдых, собирались вокруг них, и те объясняют, что будет теперь новая жизнь, такая, чтоб всем вместе, а не по одному, каждый себе, работать и жить также. Ну, к примеру, по десять-пятнадцать человек, а то,

что сделают, потом поровну делить будем. Большинство не могло в голову никак взять, качали головами и спрашивали: «Как оно так делить можно поровну, когда работают не все равно, а як лэдар, то кто ж за него робыть буде?»

Почему пластуном пошел? А как могла мать справить коня и снаряжение, когда у нее на руках шесть ртов сидело и я самый старший?

Служили... Кинжалы стали ненужные в окопах — трехлинейная винтовка выдавалась вместе со штыком. Так что повыкинули те кинжалы...

А в турецких купальнях? Вода горячая идет из-под земли, над этим местом и стоит куполом купальня. Сходить в воду нужно по приступкам — все ниже, ниже, пока и плыть можно, если хочешь. А сразу в воду войти нельзя — огнем обжигает.

Помню еще одно диво — положат солдаты яйцо в воду — оно сварится всмятку, а когда остынет, то опять свежим станет. Это нас хлопчики-турчата научили. Месяц всего постояли на одном месте, а детишки научились уже по-нашему говорить. Их там как каши. Посуда у них вся медная, а вот железо на вес золота. Сломанный серп не выкидывают — сдают по небольшой цене в магазин, и только тогда им отпускают новый. Ходят все от мала до велика в домотканом. Все-все — до сукна и ковров — делают на дому. Слышали мы тогда, что вырезают турки армян, целые селенья вырезали, чтоб русских не ждали и чтоб не помогали им...

А воды лучшей и нет, как там, под Эрзрумом. И уголь там находили прямо в горах, в скале — турки выбирали, видно, для топки, да всего не выберешь — так стена черная и осталась нетронутой стоять.

Вот это турецкий фронт такой у меня был, — закончил рассказчик, неспешно скручивая козью ножку.

Да, куда только не забрасывала судьба ивановцев — по всей России-матушке, со всех краев съезжались в родной угол ее сыны, и не было конца рассказам и «охам» станичников — шутка ли, кто в Грузии самой, в Туретчине, в Польше, в Москве, в Питере. Было тут чему удивляться!..

Глава вторая

ЗА НОВЫЙ МИР

В станицу возвращались фронтовики. Многих из них Павел хорошо знал.

Взять хотя бы Омельченко Степана. С пятнадцатого года служил. Теперь только, в восемнадцатом, добрался до дому. Вместе со всеми демобилизованными из третьей горной батареи приехал он в город Ставрополь. Все имущество сдали и стали разъезжаться по домам. Добрались до Кавказской, а там уже линия фронта — белые держат линию. До Екатеринодара никак не доберешься. Поехали тогда на Туапсе через Белореченскую. Оттуда уже морем — до Новороссийска. Был февраль, восемнадцатый год...

Оказались они в этом городе вдвоем: он и еще один станичник — Сегеда Тимофей, тоже, как и он, артиллерист. Ехали вместе от самой Турции. Попасть к Екатеринодару опять же не представлялось возможным — уже за Крымской был фронт белых.

В Новороссийске устроились пока на станции, выбрали уголок и стали так проживать. Оружие еще с фронта полностью сохранилось.

Не прошло и нескольких дней, как стали спрашивать их, кто такие. Проверили документы — все в порядке...

Дело все в том, что в Новороссийском депо рабочие подготовили два бронепоезда. Один назвали «Борец за свободу», другой — «Большевик». Раздумывали недолго. Решили вместе идти за Советы. Так вот и пошли на бронепоезд «Большевик», стали на нем артиллеристами. А выбрали этот именно бронепоезд потому, что он должен был двигаться по Черноморской ветке от Славянской, ну а там до Ивановки рукой подать. Три года дома не видели — может, на крайний случай наведаться удастся...

Выехали в начале марта на Крымскую и под Троицкой вступили в бой. Дней шесть-семь продолжался бой за Славянскую. А там и снова схватка — с кадетами. Со стороны белых тоже был поезд, так что спать особо не приходилось.

Переночевали в Славянской, значит, и на второй день пошли на Полтавскую, где сразу вступили в сильный бой. И в тот же день с обеда взяли ее. Двинулись на Старо-Ниже-Стеблиневскую, заняли почти без боя.

Пошел их «Большевик» на Старовеличковскую. Командир разрешил отлучиться с бронепоезда.

На другой день в Ивановскую зашла пехота Беликова из Полтавской — они тоже участвовали в боях за нее.

Пробыли дома сутки и вернулись на бронепоезд. Но нашли его уже в Величковской. Начальник дал обоим документы на проезд в Новороссийск за вещами. Получили их и благополучно домой вернулись...

А в это время уже корниловцы приближались. Не пришлось побыть дома и с полмесяца. Пошел Степан Омельченко сам в Старо-Ниже-Стеблинскую — там формировали отряд. И поступил он в рогачевский отряд.

Вот такая история. Да, Кочубея Ивана видел несколько раз — под Динской, и под Корсунской, под Троицкой видел. А раз, смотря, пыль по дороге. Не белые, думают? Когда подъезжают — оказалось, Кочубей едет...

Степные дороги... Пыльными столбами и летним зноем, безводные, столбовые, проселочные, водили вы сынов своих то прямо, то кружили по всей Кубани, а все ж приводили вы все к родному гнезду, родному дому. Огромным шаром невиданного перекасти-поля вращается Земля, и нет уже тех дорог, и помина нет, но в памяти людской навсегда вы, потому что то была юность и дороги были молоды, как апрельский ветер над зеленой нивой.

— Кто это там такой говорит? — спросил Павел, когда они проходили с отцом мимо кучки собравшихся на базаре.

— Да Сегеда Тимофей, Михаила сын. Давай постоим, — ответил отец. Остановились, слушают.

— Со Степаном Омельченко поступили мы в городе Новороссийске на бронепоезд «Большевик». Его только-только рабочие сделали. По Черноморской ветке двинулись мы из этого Новороссийска, значит. Уже это было примерно в марте.

В Троицкой стояли белые, и мы вступили в бой — дней шесть бои там шли, под этой станицей есть такая станция — Себедахово.

В то же время отряд Беликова наступал на Славянскую, и мы двинулись совместно с ними.

У нас при бронепоезде была охрана, примерно один взвод. Да, когда еще стали мы двигаться от Крымской, увидели спереди себя бронепоезд белых. Дали ход поезду вперед. Был впереди мостик, и лежала пехота красных. Они кричат нам: «Стой! Стой! Разобрали путь!» А поезд идет вперед, метров пятьдесят проехали, впереди шла площадка, так она и пошла по шпалам. Белые бьют по нас. Мы ударили — недолет. Второй раз

ударили — перелет.

Разобрали мы быстренько горное орудие свое, спустили и поставили на путь. Стали опять по белым садить, по бронепоезду ихнему.

Тут пришел вспомогательный поезд, подняли они на рельсы наш бронепоезд, и отъехали мы назад чуть. Три дня так простояли. А когда послали вперед разведку и двинулись следом на броневике, оказалось, что никого на станции той Себедахово уже и нет. Еще было рано, мы не стали ночевать и тронулись на Славянскую.

На мосту через Кубань охраны белых уже не было, и мы доехали до Кубани, отцепили площадку с рельсами — и давай своим ходом катить по мосту — узнать, целый или заминировали. Перекатали площадку через Кубань. Обошлось все благополучно. Потом начали продвигаться и броневиком. Переехали через Кубань и оказались в Славянской.

Стали там на станции. Белых уже не было в Славянской. А на станции видим — что-то делается там — очень много людей, и неизвестно, кто они.

Нам дали приказ — стать за броню и приготовиться к бою. Когда мы подъехали ближе, видим — Славянская станица вышла встречать нас, большевиков. Духовой оркестр, знамена и множество народа. С хлебом-солью впереди идут.

А тут еще в Славянскую из Темрюка отряд Беликова вошел. Пришли мы ночью в Славянскую, а утром пошли в бой на Полтавскую.

Стоим, броневиком не двигаемся. Прибегает когда верхи Беликов примерно в час-два дня и спрашивает командира нашего.

«Где-то в станице», — отвечаем.

«Давайте гудок тревоги!»

Прибежал наш командир.

Беликов дал приказ — броневiku двигаться вперед.

Опять перекатали мы на Протоку площадку, а за ней перебрался броневик, и мы начали бить по Полтавской.

На вечер мы Полтавскую взяли. Как начали бить с орудий, то ихние поезда нагрузились, и гайда на Екатеринодар. Перед вечером мы уже стали в Полтавской. Здесь стояли дня три-четыре. Беликов издал приказ полтавцам — снести все оружие.

Открыли в станице митинг. Я ходил с Омельченко, посмотрели. Выступал Беликов и другие бойцы.

На третий день примерно поехали мы на Стеблиевскую. Прибыли часа в три дня в Старо-Ниже-Стеблиевскую. Один дед стоял на переезде, старый-престарый, с хлебом-солью, и больше нигде никого не видеть.

Да, за нами шел все время вспомогательный поезд, а там были крытые

вагоны — на ночь мы уходили туда, а взвод пехоты охранял броневик. Прибыв в Стеблиевскую, мы, как явившиеся с фронта, стали проситься на побывку в станицу свою. Нас отпустил командир на три дня.

Как только наш бронепоезд прибыл на Ангелинскую, из Ивановской приехал на тачанке атаман. Привез его кучер Кириченко. Стал он спрашивать: как же строить Советскую власть? Командир наш ему рассказал, он записал, и с ними на тачанке я с Омельченко вот так приехал на побывку домой, на атаманской тачанке. Приехали. В станице безвластие.

Ну, на другой день пошел и я встречать отряд Беликова из Полтавской. Народ вышел с хоругвями, хлебом-солью, попы впереди идут в ризах... Солдаты Беликова были все в форме старой армии, в высоких серых шинелях. Был февраль, зеленела озимь, кто был в шинелях, кто скатку нес.

«А это что такое? А? — спрашивает командир вахмистра — тот разрядился — в черкеске, с погонами, и на шапке-кубанке галуны нашиты. — Старые порядочки забывай!» И с этими словами командир срезал у вахмистра погоны, а с шапки — галуны.

— Оно, может, и так, да при чем тут атаман? Кто же его знает, что тогда в станице Советская власть была? Я вот что тебе скажу, — начал один из подошедших, обращаясь к рассказчику. — Перед утром стал бронепоезд на станции Ангелинской и начал садить по нашей станице. На первые разы шрапнели разорвались над лиманом, потом над каменной церковью, точнее уже. Большевики не знали на своем бронепоезде, есть ли белые в станице, или их нет вовсе.

Из ревкома тогда спешно выехали навстречу бронепоезду Олейник Корней, Левченко Капитон и Кочерга Владимир...

Оседлав общественных жеребцов — два вороных и один светло-рыжий под кличкой Чичисбей, на которого сел Левченко Капитон, как казак не в меру грузный, поехали так по направлению к станице Старо-Ниже-Стеблиевской, к железной дороге.

Как только выехали за станицу, попривязали на палки белые платки.

С бронепоезда рассмотрели — три всадника каких-то едут. Тогда стрельба тут же прекратилась. Командир бронепоезда, как только парламентареры наши приблизились к ним, вышел навстречу. Познакомились. Доложили, что в Ивановской избран ревком, Советская власть, значит. Вот как дело было, а то — атаман, на линейке...

Да, вокруг было беспокойно. Ходили слухи, что кадеты после Ставрополя двинулись на Екатеринодар. Наконец они овладели городом, и через несколько дней в начале августа станица была захвачена генералом

Покровским. Сам он обосновался в станичном правлении. Начались зверства. Подвал при правлении набили арестованными. Бросили туда и одного из родственников Пантелеймона Тимофеевича. Помогал, говорят, красным. Павлуше с Васильком поручено было понести ему передачу в белом, завязанном на два узла платочке. Но продукты отобрал дневальный. Разговаривать пришлось через решетку, к которой протиснулся дядя. Бледный, с покрасневшими глазами, он силился улыбнуться. Просил их принести в следующий раз свежее белье — «на смерть», как сказал он. Возвращались домой молча. Тут Павел впервые в своей жизни почувствовал, что вот-вот заплачет от бессилия и жалости. Неужели никак нельзя ему помочь? Что и кому он сделал? Он ведь никого в своей жизни не тронул и пальцем...

Вскоре после захвата белыми Ивановской к отцу пришел его однолесток и поведал такое:

— Пошел я в тот день на почту. Иду мимо правления. А там конные верхи носятся туда-сюда — разгоняют, чтоб, значит, не останавливались. Уже трое висело. Четвертого тянут на перекладину. Вижу — Донцова Никифора Сысоевича. Он перескочил через балку, кричит что-то, а снизу двое тянут его за веревку. Узнал я этих двоих — один Носенко Федор, другой — Барылко Петр Васильевич, — вдвоем они его за ноги придерживают... А перед этим, говорят, сбор был на площади, молодежь на него не допустили.

Чуть дальше Кобецкий, офицер, командовал, когда били шомполами женщину какую-то и Белого — по двадцать пять шомполов каждому...

— А говорят, что когда Покровский зашел в станицу, то вызвал офицера Дмитренко Алексея и приказал ему проводить казнь. Тот ни в какую. Отказался.

Вызывает Покровский офицера Проценко. Приказывает ему повесить Дмитренко как изменника родины.

Тогда старики ходили к Покровскому, чтоб освободили Дмитренко. Наконец Покровский приказал разжаловать его в рядовые и отправить на фронт.

— Да, так и было. Это то время как раз, когда Павло Белокриницкий заступил атаманом, и тогда же при нем повесили пять человек перед правлением на деревьях. Сами повесили, не дожидали прихода карательного отряда.

Понятно теперь, за что на станичном сборе Покровский при всех расцеловал Белокриницкого?

Глава третья

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА

Прошел тревожный год. Белые, затем самостийники бесчинствовали на Кубани. Но вот и кончено реальное училище. Условились несколько выпускников, среди которых были и Павел с Василием, вместе провести последний вечер. Потому что разъедутся кто куда, и как знать, свидятся ли во всю свою жизнь. Пели песни, хохотали, вспоминали долгие годы, проведенные в одних стенах, мечтали. Поздно вечером Павел и Василий распрощались с друзьями, вышли на улицу и побрели к лиману. Через несколько минут уселись на бережку и привыкают к темени. Вот различает глаз, как светлеет темное зеркало уснувшей воды. Но что за чудо?! Где тут темная высь и где черная гладь? Опрокинулись мириады звезд, и такие же они, так же дрожат и мерцают, те же в черных бурках тополя-дозорные и желтая, как прошлогодний мед, луна, только без света — вьется от нее тонкая дорожка. Глухая казачья ночь. Настороже стоят камыши. Неслышно летит над водой птица и растворяется в темноте. Но надо идти домой — обещали отцу прийти вовремя, да и завтра рано вставать — ехать на степь.

В последних числах августа надумал Пантелеймон Тимофеевич двинуться со своими младшими сынами в город. Там открывают институт. Может, повезет им, поступят. Управившись с делами поздно вечером, отец подсел и слушает рассказы соседских хлопцев: пришли попрощаться, побалакать перед дорогой. Тут же и Василь с Павлушей, ни слова не пропустят.

— Ту ночь были мы тыжнёвыми на хлебозапасных магазинах, — начал соседский парубок. — Втроем, значит, остались. В полночь, во вторую смену, привезли мертвых — порубанные три человека — Тищенко, Малиночку, Строкача... Елисея, кажется, — немного поразмыслив, добавил он, вдруг закашлялся и на минуту смолк. — Положили их в часовне. Ночь. Мы стерегли их до утра. Они офицера все были — их порубали где-то под Стеблиевской. Белые убегали из станицы и приказали, чтоб никто не уворовал их и мыши бы глаза не выели.

Смотрели мы их сперва все вместе, а потом только я один и ходил. Иду, а страшно, как кто-то за спиной гонится. Так вот те двое меня и будили — сами боялись и посылали посмотреть.

Кто этих офицеров порубал, я и сейчас не знаю. Куда их потом дели днем, тоже не знаю.

— То что... Вот у нас получше было, — начал Ефим Донцов. — Поужинали мы раз. Положились спать. Кто-то и говорит: «А что, если бы зеленые сейчас приехали?» А они уже в это время под окнами слушали. Чуток погода двое вскочили в хату и как заорут: «Ложись ниц!» В это время стекла посыпались и шашки просунулись в хату.

Один из них повязал нас всех. Другой потрогал, перевязал каждого еще крепче, по-своему. Все наши мешки собрали.

Смотрим — садятся за стол. Вечеряют. А один все отворачивается. Узнал я, что как будто один из них Мечик Алексей, наш, ивановский.

Они жили на степях. Ну, шапка лежала хорошая — понравилась им, забрали, сапоги взяли, две подводы ячменя, запрягли две пары коней — пахарей наших... Уехали неизвестно куда.

Мы померзли. Развязал я сына зубами, а он мне тогда помог. Соломой заткнули окна.

Утром лошади наши стояли в указанном ими месте. Подводы, конечно, пустые...

А в другой раз я из города ехал. За Мышастовской уже был.

Едем. Смерило.

«Куда поедет? Почтовкой?» — Илька пытаю, брата своего.

Рысью пустили. Кони струхнули и пустились вовсю. Несемся вовсю.

«Погоняй скорей!» — кричу, одной рукой за затылок схватился, а в другой вожжи.

За Ильком летит, вижу, гарба. Кони здоровые, серые. Вижу, обминают Илька, уже рядом идут. Хотели, значит, Ильки отрезать.

Стали мы крутить по улицам. Заблудились. Заехали, смотрим, в какой-то чужой двор. Собаки лают. Ни души кругом. Когда, видим, старик спрашивает, вышел из хаты. Мы рассказали ему все.

«До дня вы и не поедете, распрягайте коней да оставайтесь». Переночевали, а утром поехали.

— То вам еще подвезло. А слышали про Павла Калининко? Тоже ж так, как вы, ехал из города — поймали его и убили — гарбой по пшенице догнали и бросили на глинищах мышастовских...

Расходились в тот вечер поздно. Зевая, отец старался отогнать от себя мысли обо всей этой невеселой и тревожной поре. Давно он не помнит себя прежним — как-то незаметно осунулся и постарел — куда девались вдруг и осанка, и твердая походка...

Да мало ли передумал отец их, Пантелеймон Тимофеевич, когда наконец в августе девятнадцатого пришел час и повез со двора двоих своих младших сынов — Василия и Павлушу? Рыжего с Гнедым уже запрягли, свежее душистое сенцо подстелено на днище, чтоб мягче было хлопцам, да и в дороге покормить лошадей было чем. Неизвестно к чему, еще и сам подошел, запустил руку в сено, поворошил его, как будто определить надумал, прикинуть на глазок, сколько в нем будет и хорошо ли. Обошел подводу, остукал ободья, кнутовищем прошелся по деревянным колесным спицам. Все как будто в порядке, а там дорога свое покажет.

Уселся, взял вожжи, а в глазах так метелики и замелькали — не видно ничего, руки как не свои — не слушают. Перекрестился.

— Ну с богом! — И тронул легкие поводы.

Уже на шляху под мерный ход дилижана^[6] мысли вернулись к одному и тому же. Замерло сердце — как-то сложится их судьба? Да что судьба — были бы живы — вот что лежало камнем на душе. Не приведи бог и врагу своих детей потерять.

Прилегли вот они, оба сына, за его спиной, ворошатся на сене, переговариваются вполголоса меж собой. Хоть с виду и приуныли, да где им понять отца?

Кто-кто, а он знал город, по службе еще своей знал. Так то Питер был, столица! А здесь что? Хоть и небольшой войсковой город Екатеринодар, да соблазны в нем все те же, долго ли до беды? Учились бы, ни на кого не смотрели из баловней, а отец и последнего куска не доест — от себя оторвет, а с ними поделится — пусть учатся только, ему больше приходилось на своем веку терпеть, для них на все пойдет, вытерпит.

Солнце, после зорьки подскочившее над степью расколотой красной половиной арбуза, теперь катилось впереди гарбы круглой и яркой белой дыней.

В Копайской на постоялом дворе сходили к колодцу, вытащили холодной, зубы заходят, воды из его черного глянцевого нутра, дали передохнуть своим любимцам, попили их из старой цибарки, надели удила, сбрую поправили.

Павлик, когда тащил воротом воду, наклонился, заглядывая в гулкую глубь колодца, и из кармана рубашки выскользнула зажигалка, камушком булькнув в воду. По жребию опускаться пришлось ему же. Солнечный отсвет златился в глубине, словно бочок крупного красного карася. Рябинки от упавшей на дно зажигалки померцали и разошлись частыми дробными чешуйками от середины водной поверхности к сырым и скользким стенкам.

Сруб покачивался и скрипел над ним, просыпались соринки на

непокрытую голову и плечи. Гнулась лозиной железная цепь. Впотьмах угадывалась кирпичная кладка, и пока спускался, он успел коснуться в щербинах от выпавших кирпичей торчащих на их местах клочков сухой травы, конопляной пакли — выхоти, крупного птичьего пера.

Ударил наконец в нос затхлая острота плесени, и вот стоит он ногами на твердом глинистом дне, ощутив в тот же миг почти под самыми коленями щекоотку подступившей черной теперь воды.

Он поспешил от неприятного чувства поднять голову. Проем сруба почему-то так сузился, что весь колодец теперь казался ему удлинённым до размеров большой подзорной трубы. Головы отца и Василия очерчивались двумя темными кружками в просвете светлого неба.

Когда его вытащили наверх, он, только что отпустив мокрое цепное железо и едва ступив босыми ногами на теплую траву, разложил на ней несколько зажигалок, уже изъеденных водой и никуда не годных. Посмеялись тому, что не они одни такие зеваки, и тронулись дальше. По пути их зорко высматривали коршуны, забравшись в свое глубокое и пустое поднебесье, — братья лежали кверху лицом на дне подводы, и птицы казались им ржавыми старыми листьями из недалекой теперь уже осени. Ничто не мешало хищникам вершить свои плавные круги по светлому озеру безмерного неба.

Хорошего было мало. Лишь радовала мечта-надежда — учеба в Политехническом институте. Только удастся ли поступить? А если нет, тогда хоть пропадай: загребут в деникинскую армию.

И КОНЧИЛАСЬ НОЧЬ...

Их зачислили в Политехнический институт без экзаменов. Для казачьих детей появилась к тому времени такая привилегия. По рекомендации однокашника по реальному училищу Димы Сапача они пришли во двор Казенной палаты с адресом, зажатым в руке. Дверь отворила молодая, лет двадцати пяти монашка и пригласила в комнату. Прихрамывая, повела их в комнатку, где им предстояло пожить до того, как подыщут себе постоянную квартиру. Убранство комнат было скромным, но в глаза бросались чистота и уют. Видно было, что хозяйка занималась не только постами да молитвами, по находила время и для мирских дел. Пришел Димка, и они, обрадовавшись его приходу, воспрянули духом. Втроем жить будет веселее!

Недолго жили хлопцы на подворье женского монастыря. Хозяйка ни

в чем не стесняла их, нравоучениями, чего они опасались, не надоедала.

После первых же посещений лекций братья приуныли. Они понимали, что отец последнее от себя отрывает, а хочет выучить их. Продуктов, что они привезли с собой, хватило ненадолго. Не помогло и то, что Василий устроился служащим самого низкого, четвертого, разряда. Работа несложная — подшивай и упорядочивай документы, зато и оплата грошовая. Хотя и это было уже кое-что. Ведь они так мечтали найти работу в городе тогда, в прошлый свой приезд в Екатеринодар в 1917 году. Так и жили первое время, ночуя по очереди то на кровати, то на крохотном сундучке. Павел съездил в Ивановскую. Мачеха к его приезду кое-что снарядила для их пропитания, и они зажили, с каждым днем отмечая, как тают их скудные припасы.

Деникинцы, теснимые на всех фронтах Красной Армией, объявляли мобилизацию за мобилизацией. Подходил срок призыва Василию, а там и до Павла очередь дойдет. В городе и по станицам рыскали карательные отряды, вылавливали дезертиров. Население Кубани, спасаясь от призыва в белую армию, уходило к «зеленым». В Красном лесу под Ивановской, по слухам, также имелся какой-то отряд «зеленых».

Вскоре Павел, видя затруднения, с какими отец каждый раз сталкивается, выделяя им продукты, и поняв бесперспективность ученья, уехал в Ивановскую. Стал помогать по хозяйству и изредка подвозить в город продукты для Василия. Каждый раз, наезжая, ходил на лекции, делал записи.

В начале 1920 года белые объявили очередную мобилизацию. Василий получил расчет на работе. Ему было приказано явиться на призывной пункт по месту жительства. Он приехал домой ночью, чем немало напугал отца и мачеху. Но вскоре страх прошел, и все принялись решать, как быть. Выход один. Василий уйдет в Красный лес. Там, говорят, уже есть несколько ивановских. Скрываются в нем и те, что вернулись с фронта, а теперь прячутся от бежавших. Надо будет искать их и вместе пережить это время. Фронт белых рассыпался, они теперь только и знают, что катятся как пережаты-поле, нигде не держатся. Придется пожить в землянке, что ж делать...

Проводил Павел старшего брата в Красный лес и часто навещался потом к нему, приносил то продукты, то кое-какое бельишко или теплую одежду.

Деникин не мог добраться до Екатеринодара, хотя находился в ста двадцати семи верстах от него. Он вынужден был бездействовать в своем

штабном вагоне, в то время как печать Кубанской рады призывала казачество на борьбу с кадетами, посягнувшими на самостоятельность. Откатываясь все дальше от Сальских степей в направлении Черного моря под натиском регулярных частей Красной Армии, белогвардейцы наконец достигли столицы кубанского казачества, верхушка которого так некстати подвела белое движение. Из-под самого Царицына отозвать кубанцев в тот самый момент, когда, быть может, очередной поход и въезд в Белокаменную под малиновый трезвон сорока сороков, да на белом коне казался генералам делом не таким уж и несбыточным!

Движение поездов из города и в него было перерезано. Кольцо офицерских частей сомкнулось. Без особого труда добровольцы овладели городом, и началась расправа. Разыскивались наиболее ярые поборники рады. Говорили, что многих из них арестовали в Зимнем театре во время очередной перепалки. А вскоре перепуганные обыватели смогли увидеть на крепостной площади труп одного из самых ярых самостоятников, Калабухова. На груди у него висела дощечка с надписью: «Изменник Родины и казачества!»

Городок заполнился бесчисленными штабами, дипломатическими миссиями и беженцами. Казалось, все чиновничество, фабриканты, купцы обеих столиц, все титулованные особы России собрались сюда. Да к тому же еще сплошные генеральские лампасы на тихих улочках весеннего городка!

«Знатоки души» русского народа и России пытались ухватиться за последнюю возможность закрепиться на этих рубежах и еще раз начать новый поход на Москву. На углу Соборной и Борзиковской в особняке обувного короля Фотиади разрабатывались планы, коим уже никогда не суждено было сбыться. За морями, за горами, в тридесятих царствах вынуждены были досказывать свои замыслы неудавшиеся стратеги.

Но скоро агония кончилась. В земле Новороссийска нашел свой приют небезызвестный Пуришкевич, скончавшийся в тифозном бреду. Там же испустила дух и сама белая идея, и остались метаться на мартовских улочках и пристани города брошенные на произвол судьбы остатки «белого воинства» — в виду выбирающихся из Цемесской бухты кораблей «союзников» и вкатывающихся лавой красных конников...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава первая

В ИНСТИТУТЕ

Первый раз Павла призывают в Красную Армию в 1920 году. Ему памятна напряженность тех августовских дней, когда Врангель высадил на Кубани десант и генерал Улагай смог захватить Тимашевскую и Брюховецкую. По Кубани прокатилась волна кулацких мятежей. Ожилась деятельность разного рода бандитских групп. Как только была ликвидирована эта опасность, Павла демобилизовывают. Он поступает в 1921 году в Кубанский университет. Но это учебное заведение долго не просуществовало, и его снова призывают в армию. Таким образом, Павел Лукьяненко находится на действительной службе в Красной Армии в качестве рядового, переписывает полковые бумаги. С этими обязанностями он неплохо справлялся хотя бы потому, что за плечами имел реальное училище. Не зря его в шутку здесь стали звать «грамотеем». Службу проходил вблизи станицы Тоннельной, неподалеку от Новороссийска. Отслужив наконец полагающийся срок, он демобилизовывается и вместе со своим земляком и одноклассником, другом детства Андреем Васильченко отправляется для поступления в сельскохозяйственный институт, открывшийся в Краснодаре. Так, в сентябре 1922 года он становится наконец студентом.

В это трудное, голодное и холодное время они снимают частную квартиру неподалеку от института. Продуктов, привозимых из станицы, хватает ненадолго, жить приходится впроголодь. В комнатенке порою так холодно, что в ведре замерзает вода. Но ребята не унывают. Они молоды и полны надежд. Невелика беда, что приходится частенько подрабатывать на разгрузке вагонов, рытье канав и прочих грязных и тяжелых работах. Они приучены к труду с детства. На судьбу свою не жалуется. Напротив, довольны, и потому, как только случится свободная минута, им не занимать ни шуток, ни смеха.

Вот как описывает этот период В. П. Лукьяненко: «Я знал, что, сдав вступительные экзамены, Павел с Андреем поселились неподалеку от института в ветхой турлучной^[7] хибаре деревенского типа. Оба ютились в маленькой клетушке с земляным полом, которую хозяйка использовала ранее в качестве чулана. Там едва помещались две кровати и небольшой

кухонный столик да табуретка, на которой ведро с водой. На стипендию не рассчитывали — тогда их не платили. А надо было питаться, одеваться и обуваться». И далее, повествуя о трудностях студенческой жизни Павла и Андрея, В. П. Лукьяненко пишет, что они «состояли членами студенческой артели грузчиков, выполнявшей работы на железнодорожных товарных станциях, речной пристани и на заводе «Саломас». Кроме того, вручную рыли траншеи для фундамента Краснодарской электростанции, очищали от снега трамвайные пути».

В то время сельхозинститут только-только становился на ноги. У него не было даже своего постоянного помещения, и лаборатории и кафедры размещались в разных частях города в не приспособленных для серьезных занятий помещениях. Но опытное хозяйство, принадлежащее институту, было неплохим. Когда Павел поступил в институт, в распоряжении студентов и преподавателей была ферма, которая по тем временам вполне отвечала требованиям учебного процесса. На ферме содержались пять коров, две телки, десять лошадей, пять свиноматок и семьдесят пять пчелиных семей. «Мертвый» инвентарь составляли конные грабли — их было три, бороны «зигзаг» — три и три культиватора. К услугам хозяйства были также десять плугов, четыре сеялки, три веялки, пять мажар, один экипаж, две сноповязалки и четыре сенокосилки, маслобойня и сепаратор.

Жили братья вместе, на Бурсаковской у Меки Кулькова, чей батька имел мануфактурный магазин в Ивановской по главной улице, там, где деревянная церковь и станичное правление. Потом в городе он завел подворье, куда вскоре перебрался со всей семьей.

Уже не первый год жил отец Меки в городе, и ко времени поселения к нему Василия и Павла Лукьяненко он числился одним из домовладельцев Краснодара. Из боязни лишиться большей части своего дома или еще по какой причине, но согласился все же пустить к себе на жительство станичных хлопцев Кульков, переговорив перед этим с Пантелеймоном Тимофеевичем. Пусть живут, мол, пусть учатся.

Знал, конечно, старый стреляный воробей, что в противном случае подлежит его недвижимая собственность заселению остронуждающимися по ордеру. Пускай видят, как добровольно идет он навстречу новой власти. Да и хлопчики эти как бы свои, родителей их он хорошо знает, и в случае чего можно будет с них и спросить.

В то трудное и часто голодное время сколько раз сживали братья рядышком, чувствуя плечи друга друга, распевая знакомые с детства, ставшие родными «Як умру», «Ревэ та стогнэ», про Стеньку!

Словно кофейная гуща выплеснулся, недолгий и жалкий в потугах своих час нэпманов. Подобный бабочке-однодневке, сверкал он черным лаком мягких пролетов по отполированному булыжнику, лоснился сытым оскалом неведомо откуда всплывших зазывал и швейцаров у дверей все тех же ресторанов и гостиниц с провинциально-крикливыми вывесками — «Националь», «Лондон», «Нью-Йорк»...

По всем трем базарам города — Новому, Сенному и Старому — шныряла беспризорная бесприютная шпана. Тут же базарные кудесники могли предсказать за жалкие гроши скорую или дальнюю судьбу. Грязноватые клочки мелко нарезанной бумаги в изогнутых клювах белых хохлатых какаду, «судьбу», любопытствующие при желании заполучали в мгновение ока. От таких же белых морских свинок с красными кровяными бусинками рачьих глазок таинственные письма вселяли в доверчивые души трепет и надежду.

Базарная толчея и путаная разноголосица тех времен была неотделима от какого-то ноющего, бесшабашного надрыва удивительно схожих по своему настрою мотивов «Яблочка», «Бубличков», «Чижика-пыжика»... И поверх всей этой музыки торжища — выкрики газетчиков, торговцев холодной водой и лимонадом, пирожками.

И сколько ни ходил он по улицам города, всякий раз освежались в памяти недавние, казалось, приезды сюда то с отцом, то к брату Василию, когда тот учился в Политехническом, все так же стоит памятник 200-летию Кубанского войска, все те же мельницы, запорошенные мучной пылью на Красной, сразу за Сенным, и эта баня Лихацкого, как будто выточенная из красных сухариков, и белый собор, словно плеяда ушедших по пояс былинных русских богатырей, и громыхающий по Красной трамвай, и Чистяковская роща...

Но, несмотря ни на что, институтская жизнь была ключом. Здесь, как и по всей стране, люди потянулись к созидательной деятельности. После стольких лет лишений, борьбы наступила наконец мирная жизнь. Советская власть делала все от нее зависящее, чтобы способствовать развитию науки. Среди студентов и преподавателей царил невиданный подъем и энтузиазм. Передовым ученым, связавшим свою судьбу с народом, были по душе созидательные планы партии — планы восстановления страны. Немало их трудилось и в стенах Кубанского сельскохозяйственного института. Они были полны замыслов, планов и весь жар своей души, все свои немалые знания, весь опыт отдавали жадному до знаний студенчеству. Невиданное дело — в стенах альма-матер сидят вместо прежней, в основе своей состоятельной публики рабочие и

крестьянские парни, полуголодные, еще не снявшие солдатских шинелей и гимнастерок. Но какая тяга к знаниям, какой интерес!

О некоторых из преподавателей, оказавших глубокое влияние на их поколение первых выпускников, Павел будет всегда вспоминать только с чувством глубочайшей благодарности и восхищения. Это С. А. Захаров, В. С. Пустовойт, В. С. Богдан, П. И. Мищенко, А. А. Малигонов, А. П. Лоидис. Да разве всех перечислишь?

В марте 1925 года в Кубанском сельскохозяйственном институте готовились к торжествам. Исполнилось 30 лет научной деятельности профессора по кафедре частного земледелия Василия Семеновича Богдана. Выходец из семьи украинского казака-хлебороба, он родился в Конотопском уезде Черниговской губернии в 1865 году. Первым учебным заведением, куда он поступил и окончил, было Уманское училище земледелия и садоводства, а затем — Петровская сельскохозяйственная академия.

Начиная с 1894 года Богдан занимается агрономическими исследованиями на станциях степной и засушливой полосы, он организует опытное дело, публикует ряд трудов по культуре различных сельскохозяйственных растений. В 1911 году Богдана избрали профессором Ново-Александровского сельскохозяйственного института. Однако его кандидатура была отклонена ввиду политической неблагонадежности.

Через пять лет, в 1916 году, Богдан начинает преподавать на Саратовских высших сельскохозяйственных курсах, а затем — в сельскохозяйственном институте.

На Кубань Богдан переехал в 1921 году. За короткое время он, как писал о нем тогдашний ректор Кубанского сельскохозяйственного института профессор Н. А. Ленский, приобрел имя «маститого русского опытника, одного из немногих знатоков сельского хозяйства, в частности засушливой полосы Кубани».

Павел хорошо знал тогда, что профессор Богдан занимался изучением важнейшей народнохозяйственной проблемы — использования плавней. По поручению Наркомата финансов он основал опытно-мелиоративную плавневую станцию.

Кроме Богдана, Павел хорошо запомнил и организатора и первого ректора единственного в ту пору на Кубани вуза С. А. Захарова. Особенно памятными станут ему, студенту выпускного курса, необычные торжества в апреле 1926 года. На торжественном заседании совета института отмечали 25-летний юбилей окончания Захаровым университета и начала самостоятельной работы. Среди огромного количества приветствий (более

ста) пришло поздравление и от Международной ассоциации почвоведов.

Вот с какими словами обратилось к нему руководство сельскохозяйственного института: «История Кубанского сельскохозяйственного института неразрывно будет связана с именем С. А. Захарова, неутомимого и пламенного борца за процветание и развитие высшей агрономической школы на необозримых пространствах нашего Союза... Посвящая от лица института эти строки юбиляру в знак выражения нашей благодарности как основателю нашей школы, нашего уважения к его научным заслугам, мы тем самым исполняем наш долг не только перед ним, но и перед общественностью».

Блестяще читал лекции Захаров. Ему принадлежат слова: «Чтобы лекция хорошо получилась, надо волноваться». Нередко он так увлекался, что забывал о перерыве, по студенту, замороженные его рассказом, не замечали этого.

Павел узнал, что в голодном двадцатом году Захаров всю энергию сосредоточил на организации Политехнического института в Краснодаре. Жил он тогда со своей семьей на квартире в доме сбежавшего за границу владельца. Чтобы поддержать семью, занялся выращиванием овощей на участке земли около дома. В конце концов ученый и оба его сына заболели брюшным тифом.

Выздоровливали медленно. И велика, говорят, была радость в доме, когда однажды их навестили два студента-кубанца с «гостинцами» — они принесли немного муки, четверть подсолнечного масла и косу кубанского лука «каба». Знали и любили студенты своего профессора. Сумел он за столь короткий срок завоевать доверие и симпатии своих подопечных.

Профессор П. И. Мищенко, близко знавший Захарова многие годы, вспоминает: «В 1919 году он переносит свою деятельность на Северный Кавказ, на Кубань, где организует новую высшую школу — Кубанский политехнический институт. Как сотрудник Сергея Александровича и по Тифлису, и по Кубани, пишущий эти строчки живой свидетель величайших физических, а часто и моральных страданий, выпавших на долю Сергея Александровича в это исключительное время, — холода и голода, время нищеты и болезней, время упорной борьбы созидательной воли человека с всеразрушающей стихией. Босой, в изорванном костюме из крапивного мешка, с котомкой за плечами, наполненной кабачками, самолично выращенными на краешке поля, спокойно шагал Сергей Александрович в это время по улицам Краснодара и, с улыбкой произнося излюбленное: «Все образуется», встречал ловившего его сослуживца и направлялся с ним в Ревком ходатайствовать о жилой площади или о выдаче задержанных

крупы и соли.

Непрерывная напряженная работа, крайняя скудость питания, притом исключительно вегетарианского (С. А. издавна убежденный вегетарианец), несмотря на бодрый дух Сергея Александровича, истощили его физически, чувство усталости дало себя знать: в конце концов он не выдержал и сложил с себя звание ректора, оставаясь только деканом сельскохозяйственного факультета».

Таковы некоторые вехи биографии этого выдающегося русского ученого-почвоведа, юношей окончившего в Тифлисе гимназию с золотой медалью, затем ученика и последователя В. В. Докучаева, с 1908 по 1915 год преподавателя в Межевом институте Москвы, читавшего с 1909 по 1915 год приват-доцентский курс по почвоведению в Московском университете. Особенностью преподавательской деятельности все знавшие Сергея Александровича считали то, что он непрерывно лично принимал участие в полевой работе, «совершал маршруты, закладывая разрезы, описывая их, делая зарисовки; привлекая других участников тех или иных экспедиций, сам составлял почвенные карты и, наконец, сам писал отчеты по проведенным исследованиям».

Павел слышал, что, будучи на преподавательской работе в Грузии (кстати, и там он явился организатором и первым ректором Политехнического института), Сергей Александрович за многие свои затеи слыл среди профессоров «блаженным», а студенты называли его «папа Сережа». Он любил собирать раз в месяц студентов на «чашку чая» — в аудитории постоянно стоял большой самовар, и тут же хранились чайные приборы. Во время одного из подобных чаепитий, когда слушались доклады студентов и проводились их обсуждения, Сергей Александрович и поведал им о своем учителе Докучаеве.

— «Сегодня я буду беседовать с вами, — вдохновенно цитировал Захаров строки знаменитого почвоведа, — о царстве почв, о главном, основном богатстве России... все ничто в сравнении с ним; нет цифр, какими можно было бы оценить силу и мощь... нашего русского чернозема. Он был, есть и будет кормильцем России...»

Эту беседу «папы Сережи» Павел запомнил на всю жизнь, и с тех пор имя великого почвоведа стало для него святым. Он как бы воочию представил во весь рост эту богатырскую фигуру русской агрономии.

— Страстная, поистине исследовательская одержимость носила великого ученого по всей неоглядной матушке России и привела однажды в вашу ковыльную казачью степь, — продолжал Захаров. — Это он, автор

знаменитого труда «Русский чернозем», когда-то определил, что около Екатеринодара почва содержит от 4 до 7 процентов перегноя, а около Майкопа — от 7 до 10... Еще Михаил Васильевич Ломоносов писал: «Нет сомнения, что чернозем не первообразная и не первозданная материя, но произошел он от согнития животных и растительных тел со временем». Эта руководящая идея Ломоносова и дальнейшие собственные исследования привели Докучаева к выводу, что почва есть природное тело, а чернозем — растительно-наземный слой, образовавшийся под покровом травянистой лугово-степной растительности.

Первый отрезок дороги Докучаева — от Тамани до станции Славянской — 112 верст — шел по слабо волнистой местности, изрезанной лиманами, среди которых и вился грунтовый большак. Время от времени ученый просил извозчика придержать лошадей, соскакивал с повозки и брал образцы почвы. И вновь продвигались по безлюдной степи. Местами плавни были покрыты густым лесом камышей. Видя это, Докучаев сделал заметку: «Думаю, что именно такие почвы, образовавшиеся среди камышей на илистом дне, и были приняты Странгвейсом и Гюо за чернозем на Таманском полуострове и при устьях Кубани и Терека...» Дорога извивалась между лиманами по перешейкам, состоявшим то из раковистого песка, то из песчано-илового грунта, то из желтовато-серого рухляка, все кружила, петляла, покамест не вывела на ровное место, не подбежала к станции Славянской. Здесь можно сделать и краткий привал, поменять лошадей, самому перекусить, попросить самовар в гостинице, сделать кое-какие записи в журнале путешествий...

И снова маячила кибитка в степи, колыхаясь по неровной дороге, среди непомерно рослых будяков, как челнок среди полынных степных волн. Окрест бежала сухая, совершенно ровная, как стол, однообразная высокая степь. Лишь одинокие курганы оживляли ее. «По недавним пашням, — записал Докучаев, — степь была покрыта громаднейшими чащами бурьяна, на целинах же и старых запусах растительность была довольно редкая с сильной примесью низкорослой полыни; но по низам я встречал здесь кукурузу и коноплю невиданных мной размеров...»

Вот и столица Кубанского казачьего войска — Екатеринодар, который лежал не в пример только что пересеченной им местности в Прикубанской низменности, потонувшей в спасительной зелени.

Когда Докучаев проезжал эти места, его поразили облака летучей пыли, и он подумал: «В связи с этим обстоятельством находится и тот факт, что в Прикубанских равнинах мне нередко приходилось наблюдать поверх нормально лежащих почв серовато-белый налет, иногда толщиной до 5

сантиметров...»

— Можете представить себе, — продолжал Захаров, — как неприятно поразили его палы и пожары, искусственно производимые земледельцами, когда они сжигают степи ранней весной или поздней осенью, палы и пожары, при которых, как записал он, «сгорают не только наземные, но и подземные части растений, не только годовой прирост гумуса, но и давнишний его запас в почве. Очевидно, следовательно, если данное явление повторяется часто и продолжительное время, оно не может не сказаться вредным образом и на образовании чернозема...». Как видится, ничто не могло ускользнуть от пристального, внимательного и проникновенного взгляда Докучаева...

Он, делая разрезы и беря многочисленные пробы, нашел здесь залежи чернозема, мощностью от 46 (Славянская) до 81 сантиметра (в районе Екатеринодара). Прекрасно!.. Исследование северного побережья Азовского моря и земли войска Кубанского привели ученых к обнадеживающим, счастливым выводам:

«Я уверен, что другие страны, подобно южным частям Западной Европы, центральным гористым частям Азии, наконец, подобно всем тропическим местностям, могут прожить и еще миллионы лет, но они никогда (при данных климатических условиях) не увидят той благодатной почвы, которая составляет коренное, ни с чем не сравнимое богатство России... Между внеевропейскими странами, может быть, одни степи Сибири, Миссури и Миссисипи способны в этом случае конкурировать с нашей черноземной полосой...»

Как известно, именно это путешествие позволило Докучаеву взглянуть на почву как на самостоятельное природное тело, позволило открыть ему «четвертое царство природы...».

Почти через двадцать лет, в 1899 году, ученый повторяет исследовательский маршрут по Кубани...

Подвижническая деятельность людей, подобных С. А. Захарову, В. С. Пустовойту, В. С. Богдану, на долгие годы предопределила душевное состояние их питомцев. Их присутствие было украшением и крепким стержнем институтской жизни. И Павел Лукьяненко до конца дней будет с благодарностью вспоминать первых своих наставников в земледельческой науке.

Хотя Павел Лукьяненко уже заканчивал институт и немало знаний о возделывании пшеницы на Кубани накопил к тому времени, но сомнений и раздумий не убавлялось. То, что первое место в ряду других культур принадлежит хлебу, было неоспоримо. Он перебирал в памяти сортовой состав пшениц родного хлебного края и всякий раз начинал со знаменитой Кубанки. Потому что был это один из лучших твердых яровых сортов. Создали его местные хлеборобы на землях Кубанского края естественным путем. Павел знал, что сортом этим интересуются не только отечественные селекционеры, но и их коллеги в странах Нового и Старого Света, в далекой Австралии и Африке.

К тому времени на Кубани завершились исследования, проведенные отделом прикладной ботаники и селекции Государственного института агрономии. Это давало возможность в полной мере представить картину возделываемых яровых пшениц в этом уголке страны.

На опытном поле, известном под названием «Круглик», возникшем по окончании гражданской войны на базе войсковой сельскохозяйственной школы, при участии В. С. Пустовойта был проведен интересный опыт. Собранные со всего края образцы пшениц были высеяны вместе с образцами мировой коллекции. Задачей этого эксперимента являлось сравнение местных сортов с мировыми с целью выяснения их значения для практики.

Из лекций В. С. Пустовойта и В. С. Богдана Лукьяненко было хорошо известно, что здесь, на Кубани, в Ейском отделе, например, яровые пшеницы представлены тремя видами: твердой, мягкой и карликовой. Хозяйства предпочитали в основном высевать яровые твердые пшеницы. Конечно, о сорте как о таковом приходилось говорить с большой натяжкой — в те времена сорта, как правило, в чистом виде не существовали. На практике любой вид пшеницы культивировался с примесями, доходившими порой до пятидесяти процентов. В том же Ейском отделе возделывали и твердые пшеницы. Они встречались там в виде разновидности Гордеиформе.

В Майкопском отделе в крестьянских хозяйствах высевали довольно редкий и мало встречающийся в крае вид польской пшеницы. В этом же отделе, по свидетельству профессора Богдана, ему встречались посевы однозернянки.

А всего из двенадцати известных к тому времени науке видов пшеницы семь возделывались на Кубани. Лукьяненко как будущему специалисту это говорило о том, что в этом относительно небольшом районе существует большое разнообразие почвенно-климатических

условий.

Среди этого множества кубанских пшениц встречались сорта с белыми и красными колосьями, с белым и красным зерном, остистые и безостые, с черными остями.

Многие ученые не без оснований склонны были считать, что твердые пшеницы проникли на Кубань из Закавказья. На кубанских полях встречались и выходцы из Северной Америки. Возделывались и сорта без воскового налета, которые происходили из Палестины и Северной Африки. Карликовые пшеницы не могли попасть на Кубань иначе как из Азии, из Туркмении. Эту мысль подтвердило наличие в крае разновидности Грекум.

Обширная работа, проведенная в крае отделом института прикладной ботаники, кроме научного, представляла и большой практический интерес. Ученые дали полную картину распространения расового состава яровых пшениц. Это были первые шаги в направлении обобщения опыта селекции на Кубани.

Студенту Павлу Лукьяненко окончание института порой кажется «за горами, за долами». Пока что он ни на чем не остановился, не сделал окончательного выбора. Ну, будет агрономом, а чем заниматься хотелось бы очень, что более всего влечет — ответить на такой вопрос он все еще не мог. Но он с увлечением и жадностью вбирает в себя то, что рассказывает на лекциях и на практических занятиях Василий Степанович Пустовойт, — о своих опытах с пшеницей и подсолнечником. Восхищаясь отличной, налаженной работой «Круглика», Павел и его друзья во время одной из бесед поделились своими впечатлениями с профессором Богданом. Обычно спокойный и уравновешенный человек, он стал неузнаваемым, заговорил так, что прошло около часа, но никто не хотел расходиться. Профессор рассказал им на этот раз то, чего никогда ни до, ни после этого не говаривал.

Представляли ли себе в полной мере молодые люди селекцию во всей ее сложности и перспективах? Это совсем молодая и сулящая немало надежд наука. Да, у нее огромное будущее. Заглядывая в завтра вместе с Богданом, Павел представил себе, как далеко вперед шагнет это благородное дело. Прав профессор — со временем на Кубани не встретишь яровых посевов. Скоро заменят их озимые, потому что лучше здешних условий для таких пшениц не сыскать, — они будут более полно использовать влагу, накопленную с осени и в зимний период, нередко уже за счет более раннего созревания смогут уйти от суховея, которые губят в иной год до половины урожая.

И возникла в воображении слушающих картина, когда энтузиасты

посвятят свой век этому кропотливому делу. Потому что создать хороший сорт — тут понадобится несколько жизней. Такие люди обязательно найдутся! Действительно, одного века слишком мало для того, чтобы увидеть наконец плоды своего многолетнего труда, чтоб прийти к цели. Потратить десять-двенадцать лет — и получить всего только один сорт! А жизнь, как известно, короткая штука, и счастлив будет тот, кто успеет вывести хотя бы три-четыре новых сорта пшеницы. К тому же, не зная, есть ли у них будущее, не эфемерно ли оно.

— Я вам скажу, друзья мои, — продолжал Богдан, — вот что. Тот, кто решил посвятить себя селекции, обязан знать и уметь многое. Прежде всего иметь пристрастие к этому делу, а там, конечно, здоровье, крепкое здоровье. Физическая выносливость, способность многие годы, когда к конечной цели еще идти и идти, сохранять веру в успех — это как нельзя кстати. А потом, кто знает, сколько лет вам отпущено для жизни? И чем дольше продлится она, тем более вероятнее и значительнее будет ваш успех.

После беседы Павел долго не мог прийти в себя. Он все еще находился под впечатлением этой волнующей речи. Половина всей жизни может понадобиться, чтобы как следует изучить свое дело, приобрести необходимейшие навыки в своей работе. И только после этого можно рассчитывать на что-то... И вновь вспомнились слова Богдана:

— Вы видели силача в цирке? Он с виду легко играет тяжестями, и мало кто задумывается, как это ему удастся; ценой каких усилий, затраченного времени, быть может, лишений, достались ему натренированные мышцы. В нашем случае будет то же самое, с той лишь разницей, что вы не будете до седьмого пота ежедневно подбрасывать гири. Вы будете наблюдать за тысячами растений, вести полевые журналы, заниматься учетом, статистикой, перевернете горы книг, разыщете сотни статей в журналах, ознакомитесь с разными точками зрения на способы выведения новых сортов. Но вам-то нужна одна, своя точка зрения, свой метод. Без этого выбора метода и пути вы не можете ставить перед собой никакой задачи, а тем более надеяться на успех.

После таких слов Павел ходил несколько дней в смятение. Выходит, вся та наука, какую он познал с детских лет и какой учили его и отец, и деды, и старшие братья, она теперь ни к чему? Ему до того дня все казалось, что получи он только диплом агронома, и он горы своротит, станет чуть ли не подвиги совершать...

Но понемногу мысли приходили сами собой к более спокойному, упорядоченному течению, и Павел понял, что крестьянская школа, ее

уроки, дошедшие к нему через вековые преграды, весь вековой народный опыт не пропадут. Это та основа, без которой не видать бы ему вообще никакого института. Беседы В. С. Пустовойта и Богдана подвинули его к трудному и долгому пути. Они же дали ему веру в свои силы. Нужно только терпение и время...

ХВАЛИ СЕНО В СТОГАХ...

Как не знать было Павлу, что и на Кубани, пока дело не дойдет до уборки, гадали: как-то окажется в закромах — густо или пусто? В иные годы уже и начатую уборку вдруг накрывали обложные дожди в самый разгар, когда хлеборобы-казаки косили нивы и уже порядком наскладывали копен. И без того урожай ожидался незавидный, а тут такая беда! И лежит в поле хлеб, лежит в копнах, преет, прорастает на мокрой, сырой земле. Уборка в таком случае замирает, ожидают, пока распогодится. Какого тут ждать обилия? На продажу такой хлеб идет с трудом, разве что по крайне низким ценам и как кормовой. Отличается он от товарного всем — и формой, и цветом, и вкусом.

Слышал он, что по всей области не случалось еще такого года, чтоб зерно по всем отделам вызрело к одному сроку, убрали бы его, с поля свезли повсюду к одному и тому же дню. О качестве и говорить не приходится.

Нередки были и здесь, в житнице России, места, где скашивали взамен ожидаемого хлеба бурьян — вместо высоких густых хлебов угнетала хлеборобский глаз убожеством своей чахлая и жалкая нива с островками осота и пырея.

Знал Павел, как вредили урожаю и частые засухи во время налива зерна. А если уж говорить об агрономических приемах, то многие в станицах если и ведали о них, то понаслышке.

Нравилось иным опять же указывать на удачливых хозяев — мол, и в плохой год, там, где у бедного и, конечно, «нерадивого» бурьян да осот стоят стеной, у них и на семью вот хватит, и скотина без корма в зиму не останется, да еще и на ссыпки, глядишь, к ближнему перекупщику отвезут.

Испокон веку хорошим признаком считался добрый, буйный рост хлебов перед наливом. Вид нивы, особенно если она достигает роста человека, да если шапку бросишь над пшеницей, а та не упадет, лежит на хлебах, и он не гнется под ее тяжестью, стоит колос к колосу — вот этот вид, эта картина особенно радовали казака-хлебороба.

Помнит Павел, как в своих сообщениях о видах на урожай местные газетчики не без гордости отмечали то высокую густую ниву, то очень сильный рост хлебов, отмечали это с восторгом, как небывалый случай за последние несколько лет. И тут же боялись полегания хлебов, с тревогой сетовали на то, что ветер кой-где наклонил хлеба, или подмечали склонность к полеганию от дождей.

А если случалась сырая и теплая осень, всходы вскоре повсеместно буйно выходили из земли, так же неистово продолжали расти, поначалу радуя глаз своей неповторимой прелестью зеленого свежего бархата после мертвого кругом осеннего палого листа под ногой да серых шаров перекасти-поля по межам... Но вот уже бывалые хозяева беспокоятся, что пшеница еще до зимы выбросит стрелку и потом неминуемо первые же заморозки загубят посевы. Что тогда?.. Выпускали на поля скот, отъедался он на свежей молодой ниве, вытаптывая, само собой, немалую долю посева...

Промелькнула недолгая южная зима, перезимовал и хлеб — и опять боятся хозяева: слишком густы и высоки посевы — вымахали так, что на случай дождей или сильного ветра жди полегания и, как закон, неминуемой потери урожая.

Случалось на отцовских кошах, что скашивали пшеницу и ранней весной ввиду ее непомерного и преждевременного, раннего роста.

К наливу зерна начиналось в иные годы настоящее нашествие хлебных вредителей — разного рода жучков, кузьки, сажки, а в нагорной полосе, говорят, ко всей прочей нечисти добавлялся еще один мор — улитки, особого рода крохотные, размером с чечевичное зерно, козявки. Как только пшеница выбрасывала колос — улитки тут как тут — взбирались по стеблю к колоску и высасывали содержимое еще молодого зерна. Было от чего хвататься за голову хлеборобу перед столькими напастями!..

В иные годы уборка до покрова затягивалась — то дожди подпортят, то просто не в силах сразу всю ниву свою убрать казак. А что дожди пошкодят, так этого ждали каждое лето. Какая бы жаркая и сухая ни была погода, а ко времени уборки, вот стоит ей только начаться, в этот же день, или когда скошено все поле, и снопы увязали, и копны лежат — тут и ливни, вот они! Да тяжелые такие, что в грязь дороги грунтовые развозит, по полю не пойдешь, — и поневоле приходится переждать неделю-другую, ждать, когда распогодится. Кинется отец к снопам, а их развязать не так-то просто — успело прорасти зерно, и с трудом разрывается такой сноп. Тут уж не надеялись это зерно оставить на семена, да и на продажу не очень годится такой хлеб. На хлеб вся надежда была в семье с самого начала, с

самого момента того, как семена разбрасывали из мешка, подвешенного через плечо. Подумывали: как хорошо будет в городе ситцу на обнову набрать, леса купить для постройки, селедкой запастись на зиму, а больше всего — сына снарядить на службу: коня справить — в сотню рублей не уложишься, — седло, оружие — все это год от году дорожает. Так что на хлеб только и надежды были. И немалые.

Из бесед с Богданом Павел узнает, что уже издавна екатеринодарское областное начальство все же неплохо представляло себе ценность распространения и насаждения сельскохозяйственных знаний среди основного тогдашнего населения области — казачества и иногородних.

К концу прошлого, а особенно уже в начале нынешнего века среди общественности кубанской столицы зарождаются и имеют хождение разного рода начинания. Цель их была ясна — пришла пора улучшить плодородие почв. Вместе с тем стало очевидным, что предложенные способы должны быть более или менее доступны хозяевам. На худой случай уповали на подручные средства, чтобы хотя бы таким путем начать борьбу с бесчисленными бедами и напастями.

Но одних пожеланий оказалось мало, и разного рода инструкции, указания о мерах борьбы с вредителями и болезнями хлебных растений, о повышении уровня сельскохозяйственных знаний среди местного населения не принесли никаких плодов.

Из станиц продолжали приходить тревожные вести. Они пугали искушенных экономистов и статистиков своей безотрадностью.

По-прежнему казачье население, несмотря на очевидную доступность предлагаемых мер из-за своей недоверчивости и привычки жить по старине-матушке, теряло большую часть урожая хлебов и подсолнухов. А оттого все, что в корне неверно подходило кубанцы к пользованию землей как вечной дойной коровой.

Павел знакомился с газетными подшивками прошлых лет. Уже к концу прошлого века на Кубани заговорили о том, что почвы беднеют, стали замечать, что около станиц или на кошах, куда хозяева были в состоянии вывезти имевшийся в их распоряжении навоз, урожаи бывали сносными. Что касается дальних наделов, то сбор хлеба на таких нивах бывал, как правило, крайне низким. И это из-за одной только невозможности подвести к отощавшим лоскуткам земли ставшее столь необходимым органическое удобрение. В «Кубанских областных ведомостях» как единичный и небывалый случай отмечалось применение в одном из крепких хозяйств чилийской селитры. Разумеется, рядовая масса казачества и не помышляла о подобной «роскоши».

В одной из газет того времени можно было прочитать такое суждение:

«Кубанская область пока что мало нуждается в искусственных удобрениях. Ее богатая почва может принести плоды и от случайно упавших зерен. Но богатства природы не неистощимы, и наступает тот час, когда будут только вспоминаться былые дни. А между тем ни администрацией, ни обществом в этом отношении ничего не делается».

Конечно, знал Павел, как настороженно относились казаки поначалу к любого рода новшествам, которые рекомендовались Кубанской войсковой сельскохозяйственной школой. Отказывались же они в свое время наотрез протравливать семена пшеницы перед посевом, сколь ни старался их убедить Пустовойт в том, что нет лучшего средства против головни. Рассказывал им Василий Степанович, как его ученики возвращались из станиц и со слезами на глазах докладывали о бесполезных разговорах с хлеботорбами.

Немало времени и терпения потратил Пустовойт, прежде чем осталась навсегда в прошлом эта картина и негодующие возгласы стариков: «И на что оно похоже? Чтоб тогда хлеб вонял керосином! Не будем травить! Нехай та головня жрет — и нам хватит!»

Глава вторая

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

Шел 1926 год. С дипломом агронома-полевода в кармане направляется Павел Лукьяненко работать на Ессентукский сортоучасток. Последние дни в Ивановской, куда приехал он, чтобы помочь отцу убирать хлеб, навяли на него грусть. Чувствовалась скорая разлука, и новая жизнь оттого пока представлялась чем-то далеким...

За станицей на дальних и близких кошах пели. Заканчивалась уборка. Стояла предсентябрьская пора. Все чаще вечер сменяет дневную жару прохладой. Под луной краса особенная, да еще от песни чудится душе, что снимется она и полетит над полем. Крепко, всласть наклонялись за день спины, да без песни как прожить? Всякий раз, когда случалось ему последние дни каникул дотягивать в отчем доме, вслушивался Павел в темноту, оживающую дальними огоньками палимого жнива, и гадал. Вот с хлебной нивы плывут и льются звуки, и чувствует он, что там — та семья, а чуть дальше — другая, а там — третья. Наперечет всех знает. Семьи большие, поют и стар и мал. Голосистые все, один перед другим стараются, не уступают. И замрет, затомится сердце, чувствуя скорую разлуку с родным гнездом, где даже сверчок за печкой в такую минуту кажется милее всех городских прелестей...

На днях он отправится на Кавказ. Увидит места, где бывал Лермонтов. Будет наконец работать. Сбывается отцовская мечта: стал сын агрономом! Неловко немного Павлу — особо похвастать успехами в ученье не может, ни в реальном, ни позднее в сельскохозяйственном институте. Как ни старался, а дальше троек дело не шло. Все оттого, быть может, что вместе с природной застенчивостью со временем росла неуверенность. Можно предположить, что Павел относился к тем людям, которые получают посредственные оценки на экзаменах отчасти и потому, что во время ответа не могут произвести на экзаменатора должного, во многом чисто внешнего эффекта при изложении вопроса. К сожалению, ни школа, ни реальное училище, ни институт так и не смогли выявить ни одной из сторон дарования Павла Лукьяненко.

Будучи от природы несколько замкнутым и сдержанным, Павел не выделялся среди сверстников ни в училище, ни позднее в институте. Он не

умел производить выгодного внешнего впечатления еще и потому, что, помимо всего прочего, его подвигала некоторая медлительность. Зато впитывал он в себя что-либо заинтересовавшее его основательно. Все «за» и «против» взвешивал обстоятельно, с выводами не торопился. Кое-кто считал его даже тугодумом, но это определение не совсем справедливо: просто не склонен он был ни тогда, ни позже к поверхностным реакциям, к скоропалительным выводам. Люди такого склада открывают себя не сразу, для этого нужно время, порою весьма длительное. Впереди Павла ждала длинная дорога, по которой он шел долго, неуклонно следуя своим правилам.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Лукьяненко ехал работать в качестве техника опорного пункта на сортоучастке. Предстояло увидаться со знакомыми и добрыми людьми. Летом 1925 года ему довелось от института проходить практику в Ново-Александровском районе у агронома Юркина. При отчете о ходе практики профессор Богдан сделал несколько замечаний, но вообще первые шаги его напутствовал одобрительно.

Приехав на место, Павел сразу же окунулся в работу. Скоро он убеждается, что знаний, приобретенных в институте, маловато. И он с головой уходит в изучение специальной литературы по агрономии, еще раз садится за труды Тимирязева, Дарвина, интересуется работами по физиологии растений. Особое значение он придает, конечно, пшенице, главной кубанской культуре. Ответы на вопросы он находит в работах Н. И. Вавилова, И. В. Мичурина.

Однажды ему поручили встретить в полночь на вокзале студентку-практикантку из Владикавказа. Станция находилась в нескольких километрах. Выспавшись с вечера, в одиннадцатом часу он отправился пешком до железнодорожного полотна. Весенняя дорога была тепла. Звезды мерцали, словно кто-то в истоме прикрывал светящиеся зрачки от разбойничье-веселого посвиста соловьев.

Придя наконец на перрон, Павел взглянул на круглые станционные часы и понял, что явился рановато. Посидел от нечего делать на грязной лавке, наблюдая шныряющих туда-сюда подозрительных субъектов. Было пустынно и скучно, и от этого ожидание казалось еще томительнее.

Наконец подошел поезд, из которого вышли несколько заспанных пассажиров. Перрон мгновенно опустел, и около вагона он приметил

девушку со светлой пышной косой. Она растерянно оглядывалась по сторонам, явно не зная, куда же идти. Павел быстро приблизился к ней и поинтересовался, не на практику ли она приехала. Через минуту они уже шли по лунной дороге — он и Поля Попова — мимо санаториев и домов отдыха по направлению к опорному пункту.

Через некоторое время Павел поехал в Краснодар. Он явился сразу же к своему наставнику Богдану, так как в последний год институтской жизни сблизился и был в дружеских отношениях с этим профессором. Он направлялся к нему со своей сердечной тайной. От смущения сразу не мог осмелиться и выложить, что надумал жениться. Но как только Василий Семенович догадался, к чему клонит его воспитанник, тотчас ожил:

— А что тут раздумывать? Судьба селекционера — это не только Вавилова знать. Ему нужен надежный и верный спутник на всю жизнь. Одному хлопотно, а вдвоем горы своротить можно. Да вы представляете себе, какое это счастье — изо дня в день, из года в год добиваться вместе поставленной цели?! Выбор ваш одобряю, — ласково посмотрев на Павла, сказал наконец наставник.

Многое придется на веку своем пережить Павлу Пантелеймоновичу с Полиной Александровной — и рождение первенца Гены, а потом дочери Оли, и горечь многообразных научных и житейских неудач... Будут и большие радости, и тягостные утраты, но все это на двоих. Лучшие сорта академика будут созданы при ее участии и помощи. Впереди будут и Старые Атаги, и работа на Кореновской и Крымской опытных станциях, и, главное, неуклонный рост урожайности непревзойденных пшениц — знаменитая теперь «кривая Лукьяненко».

В 1927 году работали неподалеку от станции Кореновской. Жили и трудились за станцией, на отшибе. Дом был просторный — четыре комнаты с двумя галереями. Через дорогу — небольшой домик сторожа. Кореновская всегда славилась своими грязями. Там «тонули» в свое время и белые в гражданскую войну. Часто Поля возвращалась со станции босиком, неся в руках сапожки, и слышала, как мальчишки бегут за ней и приговаривают: «Агрономша идет, агрономша! Агрономша утонула!»

В первую же осень, перед самым снегом, когда озимые выбросить успели по три-четыре листка, случилось такое, о чем потом они долго вспоминали. Приехал возчик. Зовет ехать на базар. Там, говорят, и мукой запастись можно на всю зиму, да и угля, и дров привезти надо. Зима на носу, а ну как развезет дороги? Запас сделать не мешает.

— Да не нужно все это сейчас. Зачем? Еще рано, — как всегда, немногословно заметил Павел Пантелеймонович.

Но возчик настоял-таки на своем. Сели и поехали.

Вернулись назад на трех подводах, всего, что нужно, накупили. Первая подвода с продуктами плелась — мука, масло, сыр, кур даже накупили. Во второй был антрацит, а на третьей — дрова.

Приехали с покупками домой. Стали разгружаться. Под навесом темно. Едва начали отбрасывать на галерею от двери уголь, сваленный при разгрузке кое-как, подул сильный ветер. Через несколько мгновений он превратился в редкий для этих мест буран. В минуту дня как и не бывало. Все потонуло во тьме. Ветер с полей понес на их пристанище сначала пыль, потом частицы земли с вырванными пшеничными растениями. Со всех сторон полетел снег.

Всю ночь в трубе завывал ветер. К утру дом очутился под тяжелым сугробом. Ни дверей, ни окон открыть было невозможно. Семь суток отсиживались, не видя белого света, отрезанные от людей. Спасло то, что как нельзя кстати успели завезти дрова, уголь, продукты. И незакрытая дверь на галерею помогла — брали снег, топили из него воду. Вот сторожу, как они узнали пос-лэ, жившему в домике через дорогу, *было похуже*. Дверь он запер с вечера, а к утру, да в последующие дни, приоткрыть ее не смог — намело по самую трубу. Чтоб добыть снега для воды, он вынужден был прорубить потолок и крышу.

Так прошла неделя. Буран наконец стих. Из Кореновской приехали люди и помогли...

СТАРЫЕ АТАГИ

В течение года с марта 1928 года супруги Лукьяненко работают в станице Крымской. Но вскоре их направляют на Чеченский сортоучасток института прикладной ботаники новых культур, куда они и перебираются в 1929 году. Расположен он близ селения Старые Атаги и стоял на отшибе, в нескольких километрах от аула. До Грозного сравнительно недалеко — километров двадцать.

Жили они и там всего год — Поля, он и появившийся уже к этому времени первенец. Предоставили им просторный дом, где они заняли шесть комнат.

Поначалу Павлу и Поле стоило немалых усилий привлекать местное население к работам на участке. Особая нужда в рабочих руках ощущалась весной и летом. Но по укоренившимся в этих местах обычаям мужчины все еще считали зазорным делом трудиться по найму. Вся же без исключения

работа в доме целиком лежала на плечах женщин. Абречество, которое местные обычаи все еще удерживали в обиходе, по слухам, кое-где не совсем отошло в область преданий — на ночных дорогах нет-нет да и пошаливали.

Сезонный характер работы требовал немало рабочих рук, а нанимались к ним на участок не очень охотно. Только когда разрешили повысить оплату труда, удалось наконец заинтересовать местных женщин и молодежь.

Работы молодому агроному хватало. Частенько он сам становился за плуг, пахал, сеял, жал. И все это не только от переизбытка молодых своих сил, а еще и от безвыходности создававшейся время от времени ситуации.

Работа опытников стала главной для молодой четы. Это была та самая пора, когда академик Николай Иванович Вавилов осуществлял свои идеи интродукции наиболее ценных в хозяйственном отношении растений со всех континентов на территории СССР. Участок в Старых Атагах входил в сеть учреждений, созданных по предложению Вавилова и предназначенных для изучения растений в новых для них условиях. Все работы на участке велись по планам и указаниям неутомимого организатора сельскохозяйственной науки. Вместе со своими сотрудниками и зарубежными коллегами Николай Иванович не раз бывал в Старых Атагах. Академик заметил старания и исполнительность мужа и жены Лукьяненко. Советы и замечания Вавилова немало значили для дальнейшей судьбы Павла Пантелеймоновича.

На Чеченском сортоучастке испытывались тогда почти все сельскохозяйственные культуры, предназначенные для внедрения на Северном Кавказе, в том числе хлопок и рис. Из пшениц предпочтение отдавали тогда яровым сортам. В таких условиях трудно, казалось, за каждодневными хлопотами остановить свой выбор на чем-то одном. Все же Старые Атаги тем не менее научили Лукьяненко многому. Здесь он впервые вплотную столкнулся близко со многими проблемами того времени. Ведь то был начальный период коллективизации, и оба агронома принимают деятельное участие в этом деле. Зимними вечерами, когда полевые работы оказались позади, Павел с Полиной в одной из свободных комнат устраивают занятия. Они обучают неграмотных женщин чтению и письму.

Со временем еще одна из комнат просторного дома превращается в своеобразную сберегательную кассу для местных работниц. Трудились они на сортоучастке и ежемесячно откладывали на полочки, каждая — непременно на свое место, заработанные деньги. У всех была собственная

заветная мечта, чаще всего покупка сепаратора или швейной машинки.

Пришло время, к Полине явилась непоседа Фатъма и объявила о намерении купить сепаратор. Взяла свои деньги и отправилась домой.

А наутро прибежала в слезах. Оказывается, все, что предназначалось для покупки, отобрал ее же муж. И в тот же день поздно вечером он привел в дом вторую, молодую, жену, отдав за нее калым — сумму, накопленную Фатъмой.

— Уеду я отсюда, — повторяла она, — поеду к отцу в Баку. Там не буду видеть этого человека.

К сожалению, никакие уговоры не помешали ей уехать.

Был на участке еще один работник. Звали его Муса. К Лукьяненко он относился с большой симпатией и уважением. Привез как-то Павел Пантелеймонович из города своему сыну Гене коробочки с пластилином. Мальчик сидел на полу и лепил. Муса, увидев пластилин, подсел к ребенку и принялся за работу. Из-под его рук выходили такие фигурки зверей, птиц и рыб, что отец с матерью не могли надивиться.

С тех пор Павел Пантелеймонович всякий раз из города привозил пластилин и для Мусы. Никто не учил его, а сколько смекалки, дарования, чувства меры и красоты было в тех небольших фигурках!

Как знать, быть может, в благодарность за хорошее отношение Муса однажды поступил, можно сказать, героически. Для нужд хозяйства содержалось десятка три прекрасных коней. В один из праздничных дней со стороны Старых Атагов налетело несколько всадников. Они пытались отбить животных и увести их в горы. Надо было видеть, как он смело встал на их пути!

Но жизнь, разумеется, складывалась не только из всяческих приключений. Было одно важное начинание, которое определило на долгие годы вперед характер занятий Павла Пантелеймоновича. Работая на опытных участках, он вплотную сталкивается с таким недугом хлебных растений, каковым оказалась ржавчина, и задумывается над тем, сколь велик и ощутим вред, наносимый ею. Зимними вечерами Павел Пантелеймонович подолгу задумывается об этом, изучает литературу. Он замечает, что местные сорта обычно в значительной степени страдают от такого бича. А вот вывезенные из Канады, к примеру, почти не подвержены этому заболеванию. Лукьяненко делает обширные выписки, обобщает свои наблюдения и цифры. Книжки и статьи подтверждают: бороться против ржавчины почти невозможно, применение против нее химии неэффективно, да и слишком дорого обойдется. Советуют создавать новые, не подверженные заболеванию сорта. Но как это сделать, кто даст совет? У

него такого опыта нет...

Пока что из своих наблюдений он знал, что местный яровой сорт слабо поддается болезни. Он пробует сеять такой сорт под зиму в надежде превратить его со временем в озимый, невосприимчивый к опасной болезни. Наблюдения Лукьяненко были опубликованы в Грозном в 1930 году. Называлась его статья «Сорта яровых пшениц в озимом посеве».

В октябре 1930 года семья Лукьяненко перебирается в Краснодар.

После зеленой Чечни город показался серым и пыльным. На улицах лишь кое-где росли деревца, цветов же почти никто не сажал. Возле городского парка рядом с медицинским институтом высилось недавно отстроенное здание так называемой «стодворки» — большого жилого дома. О невиданном доме в городе было немало разговоров. А в общем-то город за время их отсутствия не изменился. Как и пять лет назад, трамвай тащился по улице Красной мимо куполов белого собора, а за мельницами, почти у самого Сенного, все так же стоял памятник двухсотлетию Кубанского казачьего войска. Он до мелочей был знаком Лукьяненко уже хотя бы потому, что практические занятия по минералогии в институте проходили именно здесь — преподаватель приводил сюда студентов, и они изучали минералы, из которых был сложен обелиск. Они постигали поясок за пояском, поднимаясь от цоколя к самому верху: розовато-серый лабрадорит, угольно-черный базальт, гранит, шпат полевой... С тех пор он усвоил, что этот памятник сделан из тех же горных пород, из которых сложены горы Кавказа.

Павел Лукьяненко начинает свою работу в Краснодаре молодым агрономом, и первые опыты он проводит с гибридом, уже выведенным к этому времени на опытном поле «Круглике».

Он хорошо помнил время, когда на старших курсах они проходили практику у Пустовойта на полях «Круглика». Старшекурсникам были хорошо знакомы и опытные делянки, и — добротные — сараи для животных, и удобные помещения для ежедневных занятий, и, конечно же, дубовый лес, и колодец с изумительно вкусной родниковой водой...

Что было известно Павлу о Василии Степановиче Пустовойте? Моложавый с виду, в действительности он был намного старше многих сотрудников по институту. Еще в 1908 году он навсегда переселяется на Кубань после окончания Харьковского земледельческого училища. Молодой агроном исполнял тогда обязанности помощника управляющего войсковой сельскохозяйственной школой. Уже в ту пору начинался долгий и трудный путь его в опытническом деле, путь приобретения опыта

практической, организаторской и хозяйственной работы. Немало труда пришлось затратить Василию Степановичу, чтобы доказать местному населению пользу сельскохозяйственной науки.

С самого начала агрономическая деятельность Пустовойта была посвящена разработке агротехники и выведению сортов именно озимой пшеницы.

Пустовойт передал семена полученного им сорта на Краснодарскую госселекстанцию в 1930 году. Этот гибрид под названием Н-622 был «двуручкой», то есть его можно было высевать либо осенью, как озимый, либо весной, как яровой.

Началась многолетняя кропотливая работа. Полина Александровна занималась проблемой зимостойкости. Она тщательно изучала сорт ячменя Круглик-21. У ячменя точки роста заметнее, крупнее и лучше поддаются наблюдению, нежели у пшеницы. А все физиологические процессы обеих культур сходны.

Опыты по выведению нового сорта велись ею в нескольких направлениях. Полина Александровна выясняла вопрос, почему зимуют «двуручки», и пришла к выводу, что причиной зимовки является удивительная их способность задерживаться в развитии на световой стадии. Вместе с Павлом Пантелеймоновичем она отбирала растения, не подверженные заболеванию ржавчиной. Кроме того, добивались, чтобы новый сорт стал и более урожайным по сравнению с исходной формой. Конечно, материал, с которым они работали, был довольно пестрым, как по темпам роста, так и по времени созревания. Иначе говоря, гибрид отличался большой невыровненностью.

Павел Пантелеймонович из урожая деланки, засеянной сортом Н-622, оставлял только низкорослые, с короткой соломиной растения, которые при созревании и при неблагоприятных погодных условиях не полегали бы. Для дальнейшей работы шли экземпляры, которые созревали одновременно, были устойчивы ко всем трем видам ржавчины.

Растения с нужными качествами после браковки и отбора смешивали и высевали в одном посеве. И опять отбор, по тем же трем признакам: короткая соломина, одновременное созревание и устойчивость к ржавчине.

Сколько усилий положено на создание этого сорта, сколько лет кропотливого, вдумчивого труда, направленного к одной цели! Тогда, в самом начале деятельности супругов Лукьяненко, что могло быть подспорьем в их работе? Молодость, задор, вера в успех? И это при самом что ни на есть минимуме технической оснащенности: старенький микроскоп, линейка, карандаш, лупа, разноцветные ленточки для

маркировки растений. А уж о бытовых затруднениях и говорить не приходится: трудная, неустроенная жизнь посреди полей, за городской чертой. Бездорожье, распутица, стужа — все это, так хорошо знакомое любому агроному-практику, не минуло их...

ДОРОГА В СЕЛЕКЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Московский поезд прибыл в Краснодар чуть свет. На первом трамвае добрался Павел Пантелеймонович до конечной остановки «Кожзавод». В тридцатые годы трамвайная линия была одноколейной, и вагоновожатый всякий раз должен был перевести штангу и пробраться по вагону от одного мотора к другому. Отсюда при хорошей погоде молодой селекционер предпочитал пройти оставшиеся пять верст пешком. А в дождь или распутицу добирался до опытной станции на поджидавшей ее работников служебной линейке, запряженной парой ломовых лошадей. Облаченный в свой неизменный брезентовый плащ, которому никакой дождь не был страшен, обутый в грубые непромокаемые сапоги, он широко шагал по обочине грунтовой дороги, торопясь к своим заветным делянкам, где наливались соками, колосились и тучнели пшеничные колосья. Колосья заботливо опылены, каждый порознь, при помощи пинцета. На них надеты бумажные колпачки, чтобы пыльца другого колоса ненароком не попала туда. Так опытное поле, где каждое растение бережно «наряжено» в белую шапочку, росло и цвело до определенного срока. А сколько мороки, сколько терпения надо, чтобы тщательно выбрать лучшие зернышки для засева одной только делянки! И все это лишь «черновая работа», основное же дело впереди: настанет ли тот долгожданный радостный час, когда из выращенных им на опытном участке сортов пшеницы заколосятся кубанские хлебные нивы? Скорей бы! — размышлял он, как бы торопя и подталкивая то счастливое время. Но опыты, казалось, шли досадно медленно, сроки созревания удлинялись из-за погоды, дни тащились черепашьям шагом. И желанные результаты дневных и ночных бдений были еще очень далеки...

Лукьяненко молодецкато прыгнул с подножки вагона на «кольце» и, надвинув на лоб вылинявшую на солнце и побывавшую не под одним дождем соломенную брыластую шляпу — накрапывал теплый дождик, — подошел, поздоровался с работниками станции, уже начавшими поудобней усаживаться, и с трудом взобрался на переполненную линейку. Не успели отъехать и полкилометра по раскисшей черноземной дороге, как тут же

застряли в одной из многочисленных ям. Возчик, несколько раз подергав вожжи, безнадежно сказал пассажирам: «Слазьте!» Работницы с шутками спрыгивали на землю, выискивая место посуше, смеялись над случайным каламбуром: слова возчика прозвучали как «сласти», а от таких сладостей — горько! Стороной обошли непролазную колдобину, подождали, пока подойдет линейка, и снова заняли свои места.

Обычно сдержанный, подчас даже хмурый с виду, многим казавшийся суровым, Лукьяненко на этот раз долго смеялся вместе со всеми, затем, чтобы отвлечься от трудного «плавания» по ухабам, спросил, обращаясь к попутчикам:

— Хотите, расскажу я вам что-нибудь? Ну, например, как пшеница к нам на Кубань пришла?

— Хотим, — в один голос откликнулись путники.

Так под размеренный скрип колес, под несердитые понукания старика и редкое пощелкивание кнута, благо унялся дождик, в степи зазвучал рассказ молодого агронома. Изредка поглядывая в книжку, вытащенную по такому случаю из кармана плаща, Лукьяненко говорил:

— Сразу после переселения черноморских казаков на дикие берега Кубани, в январе 1795 года, тогдашний временщик, любимец царицы Платон Зубов послал из Санкт-Петербурга срочной почтой в Екатеринодар войсковому судье Антону Головатому два мешочка египетской пшеницы с просьбой «выслать некоторое количество в зерне с описанием, во сколько и с какой добротой она уродится». По какой именно причине фаворит послал пшеницу на Кубань — осталось неизвестным. Надо думать, благоволил он к Головатому, с которым был близко знаком, за остроумие и выдающиеся качества дипломата, а больше — за трогательные песни, которые войсковой судья сам сочинил и пел царице, задушевым звучанием их тронув давно очерстевшие сердца царедворцев.

Целых полтора месяца путешествовали мешочки с пшеницей по протяженной Российской империи — с севера на далекий юг. Затем, согласно сообщению Головатого, «по порядку хозяйственному на самоудобнейше вспаханной земле, отведенной мне у города Екатеринодара, при реке Карасун искусными хозяевами казаком Яковом Бойко первой с мешка семь фунтов марта двадцатого в половине восьмого часа по полунощи, а второй, Федором Диденко, крупной три фунта двадцать второго по полудни во 2-м часу посеяны и оберегаются под надежным соблюдением». Через десять дней пшеница проросла. «Какой же бог пошлет дальше ей возраст не умедлю Вашему Высокографскому Сиятельству донести», — писал пунктуальный Антон Андреевич. К

сожалению, «по небытью в здешнем крае дождя», к маю месяцу ростки поднялись только на семь с половиной вершков...^[8]. Затем погода сжалилась, пошли урожайные ливни. И пшеница наверстала упущенное — начала куститься и цвести. И войсковой судья мог с легкой душой уведомить своего петербургского покровителя, что нива «с помощью дождей выросла в полтора аршина и поспевает». И наконец через несколько месяцев, 10 октября, он написал в Петербург, что «по жатве и измолоте в зерне длиннейшего роду с трех — один фунт, круглого рода с семи — шестнадцать фунт» уродилось. И тут же по-хозяйски обнадеживающе присовокупил, что «оный настоящий урожай был бурным ветром и жаром не допущен к совершенной дозрети...».

Это и был первый, не очень-то удачный посев пшенички на нашей кубанской земле, — заключил свой рассказ Павел Пантелеймонович.

К тому времени лошади лихо подкатали к каменным воротам опытного хозяйства, и работницы стали спрыгивать с подводы. Давно распогодилось, и невидимые в обычные дни отроги Западного Кавказа синими горбами выпячивались в светлое небо.

А немного спустя посреди делянок засновали ловкие помощницы агронома — женщины и девчонки в косынках и демисезонных пальтецах. Но царила над местностью, над опытным пшеничным полем крупная фигура самого Лукьяненко, шагающего между делянками в своем неизменном дождевике и летней шляпе, при-пачканной следами пальцев на невысокой примятой тулье...

МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ

Теперь у Павла Пантелеймоновича за плечами хотя и небольшой, но все же собственный практический опыт. Он переехал на Кубанскую сельскохозяйственную опытную станцию, чтобы вплотную заняться селекцией. Он хорошо знал, что работы здесь были начаты профессором В. В. Колкуновым, затем с 1921 по 1927 годы его сменяет И. П. Сарахов, который в своей работе «Кубанские пшеницы» опубликовал результаты изучения сортов озимых пшениц на Кубани. На материале местных сортов, таких, как Кособрюховка, Седоуска, Банатка и другие, методом индивидуального отбора выделялись чистые линии. Работы эти велись «в скромных масштабах», по определению Лукьяненко. Правда, метод гибридизации также применялся, но вскоре был оставлен.

Павел Пантелеймонович стал испытывать все лучшие сорта,

выведенные на опытной станции, и пришел к выводу, что вообще для всех этих сортов характерна весьма значительная степень осыпаемости. К тому времени партия и правительство, преобразуя сельское хозяйство, поставили перед советской селекцией новые задачи. Создание колхозов и совхозов предусматривало применение на огромных площадях техники. Уборка урожая должна в перспективе вестись комбайнированием. Сорты же, легко осыпающиеся, при использовании машин дадут большую потерю зерна.

Другое явление, на которое обратил внимание Лукьяненко, — это сильное поражение всех существовавших тогда на станции сортов ржавчиной, а также невысокая зимостойкость. Ни Земка, ни Кооператорка, ни Кубанская-034, высеваемые на кубанских колхозных полях, не отвечали предъявляемым к ним требованиям.

Начинающего ученого все более интересует работа с озимыми пшеницами на станции «Круглик», которая была хорошо знакома ему еще со студенческой поры, когда он проходил практику у Пустовойта. Там занимались гибридами. В испытаниях 1931 года некоторые из них, например, полученные от скрещивания Украинки или Кооператорки с сортами других природных зон, показали прибавку урожая почти на 50 процентов по сравнению с родительскими формами. К скрещиваниям привлекались и яровые сорта американской селекции Маркиз и Китченер. Привлекало в них исключительно высокое качество зерна, урожайность, устойчивость к бурой ржавчине. И еще крепкая соломина, зерно, мало склонное к осыпанию.

Наблюдения на станции показали, что гибриды от скрещивания с Маркизом и Китченером также не поражаются ржавчиной. Один из них — Гибрид № 622 дал урожай в два раза больший, чем Украинка. И это в условиях сильнейшей вспышки ржавчины! По величине зерен и по стекловидности, определяющей хлебопекарные качества сорта, по содержанию белка гибриды также превзошли стандартные сорта.

Задачи, стоящие перед ним, Лукьяненко определил в соответствии с изменением и усложнением требований к селекционным работам. Основным критерием успеха он считает не только высокую устойчивую продуктивность сорта, но и его соответствие требованиям крупного механизированного социалистического производства. То, что кубанский хлеб всегда имел и впредь будет иметь экспортное значение, он никогда не упускал из вида и в соответствии с этим работал с испытываемым сортом особенно тщательно.

Одним из надежных путей к успеху было скрещивание сортов, приспособленных к местным условиям, с географически отдаленными

формами. Лукьяненко привлекает к работе сорта из Индии и Средней Азии, а также американские и немецкие.

В 1932 году на Кубани произошла необычной силы вспышка ржавчины. Павел Пантелеймонович подсчитал, что в этот год край потерял почти 20 миллионов пудов зерна — четверть урожая озимой пшеницы. Проведя наблюдения, он пришел к выводу, что только Гибрид № 622, полученный от скрещивания Маркиза с так называемой «чистой линией 013», оказался устойчивым против ржавчины. Сорт этот был рекомендован им в производство. Потому что, кроме урожайности и иммунитета к грибковым болезням, он был холодостоек и его можно было высевать как осенью, так и весной, то есть подсеять вымерзшие зимой посевы семенами того же сорта.

Лукьяненко связывает с Гибридом № 622 большие надежды, верит в него и, не дожидаясь результатов сортоиспытаний, усиленно размножает его. К 1937 году было получено 10 тысяч тонн семян гибрида.

Широко задуманный фронт работ требовал коренного изменения подхода к делу селекции. Лукьяненко понимает, что масштабы должны увеличиться в десятки, сотни раз. Но как это сделать, если все может затормозить такой трудоемкий процесс, как опыление при гибридизации? Занятие это чрезвычайно кропотливое, а время цветения пшеницы очень коротко. Открытие пришло не вдруг. Оно было простым, как все по-настоящему выдающееся. Вместо ювелирной операции с пыльниками, когда их с осторожностью вкладывали пинцетом в каждый цветок колоса, он предлагает так называемый «бутылочный способ». Сущность его, говоря кратко, заключается в том, что в изолятор с колосьями материнской формы вносится бутылочка с колосьями отцовской формы, которые одну ночь уже простояли в воде. Привязанная к деревянной подпорке бутылочка накрывается изолятором, и, как писал П. П. Лукьяненко, «находящиеся в воде колосья отцовской формы продолжают цвести, и опыление идет само по себе в течение нескольких дней».

В результате такого метода при восьмичасовом рабочем дне один человек вместо 600, максимум 800 цветков, может опылить из бутылочки до 8—10 тысяч. Налицо увеличение производительности труда почти в десять раз! Придумал он и еще один способ опыления. Сущность его в том, что скрещиваемые сорта заранее высеваются смежными рядками. Желательно совершенно изолировать их от других сортов. Необходимо только брать сорта, время колошения которых совпадает. Как пишет Лукьяненко, «после кастрации группу колосьев рядом растущей отцовской формы заключают в большой изолятор, где и происходит опыление».

Многое в эти годы было задумано Павлом Пантелеймоновичем и стало осуществляться благодаря его огромной работоспособности и энтузиазму. Его усилия падали на благодатную почву благодаря тому вниманию, которое уделяли советские и партийные органы селекционной работе. Начало этому положил исторический декрет о семеноводстве, подписанный В. И. Лениным 13 июня 1921 года.

Помимо практических занятий в области селекции, Лукьяненко обогащает свои познания тем, что знакомится со взглядами крупнейших ученых того времени. Более всего он увлечен идеями Н. И. Вавилова, пристально изучает монографию К. А. Фляксбергера «Пшеницы». В этой работе были собраны обширные сведения о происхождении пшениц, ареалах их произрастания, а также все, что было известно о созданных агрономами и селекционерами сортах в странах Старого и Нового Света. Еще до революции Фляксбергер положил начало созданию при Бюро прикладной ботаники коллекции пшеничных растений, которая в основном состояла из отечественных образцов. Преобразованное за годы Советской власти во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), это учреждение благодаря экспедициям академика Вавилова в Афганистан, средиземноморские страны и Эфиопию, а также будущего академика П. М. Жуковского в Малую Азию, и ряда других ученых в Монголию, Северную и Южную Америку имело подбор растений, равного которому не было ни в одной стране мира. Ценность такого материала заключалась в том, что он был тщательно систематизирован, и, прежде чем пользоваться им, селекционер мог ознакомиться с нужным ему растением, получить исчерпывающие сведения о хозяйственных признаках того или иного сорта. Это явилось большим подспорьем в работе селекционеров страны. С этого времени Лукьяненко будет постоянно пользоваться для научной работы услугами ВИРа, вовлекая его сорта в круг своих исследований.

Не один год напряженной работы прошел на Краснодарской селекционной станции, прежде чем в 1938 году комиссия по сортоиспытанию впервые районировала выведенные им гибридные сорта Краснодарка-622/2, Первенец-51 и Гибрид-622. Это был первый успех.

...Родилась дочь Оля. А сын так вырос, что его и не узнать. Пора думать, какое дело он выберет себе на всю жизнь. Может быть, селекцию? Хотя мать подмечает у него и другие наклонности. Только-только встававший на ноги, не по годам крепкий телом, он уже не раз примерял отцовский костюм, и к голосу его недаром прислушиваются и сверстники, и те, что постарше, говоря: «Посмотрим, как Гена!» Прекрасно, что его не

покидает мечта сделать что-то интересное, важное. В технику — автомобили, радио, конструирование планеров — Гена, как видно, страстно влюблен и постоянно с чем-либо возится, что-то переделывает или создает по своему замыслу. Мать, обратив внимание на эту склонность сына, не раз говорила Павлу Пантелеймоновичу: «Смотри, в нашу породу пошел, в род Поповых». И, разложив на столе фотографии, она долго выискивает черты сходства у Гены с его дедушкой по матери, прожившим всю жизнь во Владикавказе, где прошло детство и юность и самой Полины Александровны.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава первая

ВОЙНА

Не думали, не гадали Павел Пантелеймонович с Полиной Александровной ранним утром 22 июня 1941 года услышать это страшное слово. Сразу изменилась мирная жизнь поселка. И без того малолюдный, он стал пустеть день ото дня. Уходили на фронт рабочие, трактористы, сеяльщики. Пришло письмо из Ивановской от отца. Пантелеймон Тимофеевич сообщал, что братья Петр и Василий, проживший много лет в Ростове, уходят в армию. «Совсем старик стал, — подумал про отца Павел Пантелеймонович, — девятый десяток пошел, а духом не падает, как и весь наш народ, верит, что придет конец фашисту».

...Мирная жизнь кончилась. Павел Пантелеймонович стал еще более замкнутым. Он видел общее народное горе и понимал, что теперь не время для селекции. Жаль, но придется сворачивать с размахом задуманный им фронт исследований. А ведь сколько намечено сделать! И твердую озимую пшеницу решил вывести для качественных макарон, и ветвистыми пшеницами занимался, и перспективный низкорослый неполегающий сорт в работе, для окончания которой еще потребуется минимум десяток лет...

Урожай летом 1942 года выдался отличный. Собранный хлеб лежал ворохами на току селекционера, и машины едва поспевали вывозить скопившееся зерно. Крайком партии торопил с вывозом, так как обстановка на фронте складывалась тяжелая. Потерпев поражение под Москвой, фашистские вояки круто меняют стратегический план ведения войны. Танковые армады неприятеля устремляются к югу, в хлебородные районы, чтоб отрезать Москву от жизненно важных районов снабжения, а тем временем достичь кавказской нефти. К лету ожесточенные сражения с захватчиком развернулись в донских степях, и к концу июля под угрозой оказался Ростов. Теснимая превосходящими силами противника, Красная Армия вынуждена была пядь за пядью отступать. Вскоре враг вплотную приблизился к кубанской земле.

Павла Пантелеймоновича с самого начала войны предупреждали, что в армию он не должен идти: хлеб ведь тоже является оружием борьбы. И труд его приравнивается к ратному.

Приходили письма с фронта от старших братьев Василия и Петра, шли

из Ивановской письма от отца, они придавали ему силы и уверенность в святости народного подвига.

Сводки Совинформбюро приносили безрадостные вести. Немцы развили наступление на востоке края в направлении Армавира. На днях Павел Пантелеймонович — в который раз за последнее время — побывал в крайкоме партии. Он давно как заместитель директора института был ознакомлен с планом эвакуации. Но все не верилось, теплилась какая-то надежда на чудо. Увы! Чуда не случилось. Лукьяненко было приказано в кратчайший срок подготовиться к эвакуации наиболее ценного имущества селекционной станции в ближайшие дни.

Начались спешные сборы. Павел Пантелеймонович и Полина Александровна потеряли счет времени. Следили за упаковкой, давали распоряжения. В эти-то дни им некогда было вспомнить даже о сыне. А он все время где-то пропадал.

Эвакуация началась в один из августовских дней 1942 года. В небе висели вражеские самолеты, где-то далеко слышался тяжелый гул дальнобойных орудий. В назначенный час стали выезжать с территории в строгом соответствии с предписанием. Думали, что Гена нагонит их в пути, но вот уже и мост через Кубань позади, а его все нет и нет...

НА ВОСТОК

На подводе, которую должен был вести Гена, проехала одна из работниц селекционной станции по имени Миля. Павел Пантелеймонович никому, кроме нее, не доверил бы сорт пшеницы, который после войны станет известен как Новоукраинка-84. Дорога под Саратовской была изуродована бомбами. Немцы уже вошли в Краснодар, и над головами все чаще стали проноситься самолеты с черными крестами. Они сбрасывали свой груз, стараясь попасть в ниточку моста, возле которого время от времени скапливались то полуторки с подводами, то стада угоняемых в горы лошадей и коров. Работники станции двигались каждый на своей подводе, соблюдая интервал в полчаса, чтобы в случае нападения с воздуха не был уничтожен одним заходом весь обоз. Впереди Полина Александровна. За ней следовал Павел Пантелеймонович. На его подводу был уложен весь селекционный материал. Небольшие сумочки-пакеты тщательно упакованы в ящики и мешки. В них лежали все имевшиеся на опытной станции образцы пшеничных растений, кропотливо отобранные в небольших количествах.

Когда первая пара лошадей благополучно миновала опасное место и поднялась на пригорок, Полина Александровна оглянулась и увидела, что переправа и вовсе разбита и повреждения настолько серьезны, что теперь требуется величайшая осторожность при продвижении вперед.

— Осторожно съезжай, Павел! Мостик разбит! — успела предупредить она показавшегося из-за бугра мужа.

Уже передние копыта его коней готовы были, казалось, ступить на доски, как Милькины лошади ни с того ни с сего вдруг понесли, вмиг настигли подводу Павла Пантелеймоновича и врезались в нее. Обе подводы сцепились и полетели под откос.

Совсем рядом по полотну железной дороги из-за поворота показался эшелон. На открытых платформах ехали и конные и пешие, везли пушки и иной ратный груз. Была ночь. С поезда дали свет. Луч прожектора полоснул темный провал откоса и высветил на дне подводу с лежащим неподалеку телом. Пока вытаскивали подводу, из леса выбежала женщина с распущенными волосами, глаза ее были широко открыты, она металась в яркой белизне прожекторного снопа и вопила: «Здесь! Они убили их!» Зияла воронка, да далеко, метрах в двадцати от нее, валялись два обгорелых колеса от полуторки. Вокруг были разбросаны щепки и куски искореженного металла. Из сбивчивых фраз несчастной женщины удалось узнать, что бомба попала в грузовик, на котором ехала ее семья — муж и двое детей. Из ее слов было невозможно понять, сколько времени она здесь блуждает, тем более что она снова направилась к лесу. Неожиданно над краем леса появился немецкий самолет, который пронесся над их головами с такой быстротой, что никто не успел даже испугаться. Все побежали к лесу, когда шум давно исчез.

— Туда, туда! — звала женщина и показывала вниз, на то место, где виднелись торчащие кверху колеса. Вытащили наконец пострадавшего с помощью красноармейцев. Но Милю так и не смогли найти. Это была первая потеря, и они тяжело переживали ее.

У Павла Пантелеймоновича была ушиблена спина и придавлены обе ноги при падении. Целые сутки он не мог разговаривать. Но сортовой материал был спасен. Ему предстоял нелегкий путь через Сочи, Баку, Красноводск, а оттуда в Алма-Ату.

Выбирались к Сочи с великими тяготами. Уже вблизи городка настиг их сильный, почти тропический ливень. Он промочил насквозь пакеты и мешочки с образцами пшениц. Но тут же выглянуло солнце, стало тепло, и Полина Александровна разложила весь селекционный материал на брезенте. Она выбрала для этой цели широкую полянку в окружении

зарослей азалии. Несколько часов ушло на просушку. К счастью, зерна не успели набухнуть.

Долгим оказался путь до Баку, а там через Каспий в Краснодарск, затем с немалыми приключениями — поездом до самой Алма-Аты.

Добравшись до места, они первым делом поинтересовались, целы ли семена. Опасения, что заставший их в Сочи дождь испортил пшеницу, к счастью, не оправдались, и ничто не могло помешать продолжить работу на новом месте.

Но отозвали Павла Пантелеймоновича в Москву, и вся тяжесть работы легла на плечи Полины Александровны. Дело все же шло благодаря помощи комсомольцев да вернувшихся с фронта инвалидов.

Управляющий местным селекцентром посчитал нужным, чтобы весь привезенный материал был отдан под непосредственный его контроль. Полина Александровна, конечно, с этим не могла согласиться. Она не собиралась никому отдавать свое детище. Тогда начальник отказал ей во всякой поддержке, в том числе снял с себя обязанности материального обеспечения семьи. Остался скудный паек и маленькая Оля. А простые добрые люди и тут помогли. Это были казахи. Им самим приходилось несладко в эту тяжкую пору. И все же что ни день — стук в дверь:

— Апа^[9]! Возьми, пожалуйста!

И приносили для Оли кто яичко, кто ложку масла.

Увидев, что так он ничего не сможет добиться, управляющий решил, что они не будут больше проживать в комнатке, где находится селекционный материал, а следует им переселиться в другое место, подальше от того, что ему понадобилось.

Переселили их с Олей сначала в хибарку рядом с конюшней. На одной из стенок висели хомуты, а в середине стены было вмазано грязное стекло. Заглянула девочка в него, а оттуда свиное рыло как хрюкнет!

— Идем отсюда, мамочка, лучше в поле будем жить! — закричала Оля.

Она выскочила во двор, мать за ней побежала по полю. Сели они на бугорке, где так часто мечтали, ожидая поезда, который привезет Гену или отца.

Ночь подошла. Унте в темноте слышат вдруг, как чьи-то зовут голоса, и огни засветились в поле, фонари. Это комсомольцы искали, и ясно раздался голос:

— Ну, если и здесь нет, тогда не знаем, что делать.

Вернулись они, отвели их в прежнюю комнату. Так и остались с Олей жить в комнатке, заваленной до потолка мешками с селекционным материалом.

Далеко, далеко от Алма-Аты до Краснодара. Не скоро получит письмо мать, единственное письмо за полгода эвакуации. Еще не знала, не поняла от кого, но почувствовала — может, Гена весточку подал, а может, Павел из Москвы заехал в Краснодар и пишет вот обо всем. Спешит, разрывает торопливо и видит из-под руки вдруг по сердцу полоснувшую строку: «... ваш сын Гена погиб...»

Почернело в глазах, закричала она, ничего не помня. Люди начали собираться вокруг, утешать стали.

Смотрела Полина Александровна на лица своих сотрудниц, простые, мудрые крестьянские лица. Стояли перед ней казашки, русские, украинки, и поняла она горькую правду их слов и силу.

С того дня плакать не стала. Ушла с головой в работу. Да только камень улегся на сердце. На всю жизнь улегся.

Вернется из Москвы Павел Пантелеймонович, поедут они в освобожденный Краснодар и прямо с вокзала пойдут по дворам поселка, выпрашивая оставшихся в живых о последних днях Гены. Многие месяцы, годы уйдут на это, пока не будет прослежен каждый его шаг.

Глава вторая

УТРАТА

Не успел переправиться через Кубань по мосту Гена. Когда он прискакал к переправе, то застал на берегу лишь исковерканные, в щепы разнесенные доски и бревна. С великой досадой он осадил коня, развернул его в обратную сторону. Пробирался с осторожностью, сторонясь центральной части города. В сумерках он въехал на территорию станции, уже занятой немцами, и, таясь, проник в свою квартиру. Нигде ни души. Только тоскливое ожидание и тревога. Тут он услышал голоса, и когда вслушался, то, похолодев, понял, что это «они». Незнакомая лающая речь и громкий развязный хохот. Губная гармошка и обрывки песни. Направлялись в его сторону. Мальчик спешно приоткрыл ляду погребца и опустился туда, прихлопнув за собой крышку. Мягкий полумрак и тишина укрыли его.

Через минуту Гена услышал над собой топот сапог и говор, похожий на команду. Половицы стали гнуться и поскрипывать, как бы жалуясь на свою судьбу. Он понял, что кто-то из пришельцев ведет счет, а другие что-то складывают на пол. Когда голоса и возня исчезли, Гена попробовал рукой крышку погребца, но та не поддавалась. «Что-то навалено, сделали из квартиры склад», — мелькнуло у Гены. Он стал ощупывать в темноте стоявшие бочки, банки и скоро убедился, что на первое время здесь отсидеться можно. А потом? От бочки с огурцами шел дразнящий, резкий запах. В одной из банок он нашел вишневое варенье...

Прошло двое кошмарных суток. По слышавшимся наверху голосам он понял, что немцы затеяли переносить что-то в другое помещение. Управившись с грузом, они принялись обшаривать комнату. Видимо, так ничего и не смогли найти для себя что-либо подходящего, потому что грохот падающих предметов и разбиваемой посуды он слышал мучительно долго. Один из фашистов дернул наконец попавшее ему на глаза кольцо и ахнул от удивления. Он тут же полез под пол, предварительно приготовив пистолет...

До утра его допрашивал комендант, кричал и угрожал пистолетом. Из всех слов мальчик разобрал только одно, какое не сходило с языка допросчика — «партизан». Наконец через переводчика он стал

интересоваться, где же его отец и мать. Если он сын заместителя директора, то почему он не с ними? Значит, остался партизанить? Какое получил задание? С кем должен иметь связь? Гена отвечал, что он ничего не знает, что он болен и поэтому остался. Так ничего и не добившись, комендант жестоко избив его, велел держать под охраной.

Утром, отоспавшись, немец велел привести к нему вчерашнего русского. После новых расспросов фашист подошел наконец к Гене, пощупал его мускулы и проговорил несколько слов. Переводчик кивнул и сказал наставительно: «Ты есть парень крепкий. Будешь работать на райх. Партизанам помогать нет: за это будет пиф-паф!» И похлопал по кобуре.

Потянулись страшные дни. Работать заставляли до упаду. Все время под дулом автомата. Грузили хлеб, ремонтировали технику. Однажды вышел из строя мотор водокачки. Послали пятерых под присмотром офицера. Тот отлучился куда-то на минутку, и этого было достаточно. Один из мужчин, у которого в руках на то время была кувалда, изо всех сил размахнулся, шарахнул ею по кожуху мотора. Когда офицер вернулся, он ничего не заметил сразу. Но потом досмотрелся, с маху ударил рукояткой пистолета первого из стоявших рядом с ним. Им оказался Гена. Но юноша не вскрикнул. Только отошел в сторонку и, взявшись руками за голову, присел. Немец грозился всех расстрелять. Но им нужна была вода, и он потребовал продолжать ремонт. Многие пережил пятнадцатилетний Гена за полгода оккупации. Отец с матерью не подадут весточки — далеко они, на краю света, а он здесь. Приютившись у дальних родственников, сполна испытал, как и тысячи советских людей, всю горечь неволи, тяжесть унижений и рабства Гена Лукьяненко.

Наутро 12 февраля 1943 года не было в селекцентре никого, кто не знал бы, что в город вошли наши. Фрицы исчезли, как ветром сдуло. Но слухи слухами, а где же свои? И вот к одиннадцатому часу того неясного утра чей-то возглас всполошил приумолкнувший поселок. Тогда только стали появляться на свет белый до поры в подвалах схоронившиеся, в рухляди, в затхлых подполах немногие инвалиды, больные, немощные. Вчера еще подъяремные, готовились они встретить по чести избавителей своих...

Горстка красноармейцев показалась на дороге, приближаясь, и видно было, как устало они двигались. На серых шинелях чернели автоматы, позади колонны тащились пулеметчики, а впереди шагали двое — один с капитанской шпалой в петлице, другой — со звездой политрука на рукаве.

Где дворы над кубанским обрывом, где круча свисает к прожорливой, жадной воде, остановились передохнуть в одном из домов.

И засветились давно уж забытые людьми улыбки, и вошла, и въехала непоседа суета под крыши притихших за эти долгие полгода баб и детишек. Бегут — одни с молочком, другие достают с чердака сбереженные к черному часу узелки с фасолькой, горохом, разводят на радостях печки, кастрюли ищут, чтоб побольше, да где они?

Ко двору льнут и льнут все новые люди, заговаривают с молчаливыми от бессонных, тревожных ночей солдатами — суток, знать, семь не спят — ишь как жали фашиста клятого! Тянутся к ним жмени семечек, тыквенных, подсолнечных...

Пока чаем поили, пока познакомились, и вот уже на февральский двор, где зима распустила снежную жижу под набрякшие сапоги, вышли оба начальника. Говорил один политрук, капитан же только изредка кивал головой. Голос у политрука звучал сорванно, хрипло:

— Товарищи! Знаем — несладко вам жилось здесь. Вижу — готовы мстить ненавистному врагу. Натерпелись! Сегодня мы спешим — враг уходит, из самых наших рук ускользает. Данной мне властью я приказываю всем, кто способен носить оружие, в ком есть силы для борьбы, через несколько минут, приказываю, быть готовым к выступлению. И сделать все это мы обязаны спешно. Недалеко отсюда есть склад с оружием — мы оставили его при отступлении, — тут он откашлялся и продолжил: — Как только получите оружие — сразу в бой. Все интересующие вас вопросы — после боя. Еще раз прошу поторопиться — выступаем сейчас же! И никому чтобы не отлучаться!

По команде своего начальника солдаты тут же заняли выходы со двора. Желających пойти по малой нужде отпускали только по одному под присмотром солдата, а те и двух.

— Тут тебе армия — не что-нибудь, не хала-бала — порядочек! Сразу видно! — подметила с ехидцей какая-то из женщин.

Геннадий от волнения не мог подобрать нужных ему слов. Ему не терпелось обратиться к политруку, но он все не решался — ему почему-то казалось, что он скажет не то, не по форме, что ли. Но вот он, решившись, подходит и спрашивает:

— Товарищ капитан!

Тот молча кивнул в сторону политрука.

— Товарищ политрук! У меня автомат тут припрятан. Разрешите его с собой взять?

С секунду помешкав, тот нехотя проронил:

— Ну конечно, что спрашивать, земляк? Смотри только, одна нога чтоб там, а другая уже здесь!

Метнулся Геннадий к старому леднику, разворошил под стенкой недопревшую, скользкую солому и вынул из тряпок целехонький, смазанный им еще осенью автомат. Уже на бегу, забрасывая его через плечо, старался выглядеть взрослым мужчиной, исполненным ответственности за доверенное ему наконец святое дело...

А вокруг дома, где остановились пришельцы, движение. Солдаты выходят, завертывают махорку на ходу в газетные лоскутки, перешучиваются, прилаживая поудобней автоматы. Покрякивая то ли от кипятка, то ли от сырого воздуха, политрук притопнул, едва сойдя со ступенек крыльца, и, хлопнув в ладоши, начал:

— Что же, славяне! Ждать мы больше не имеем права, не можем. Пока тут с вами балакали — немец вон куда улепетнет. Предлагаю немедленно построиться и следовать к складу. А пока в пути прошу соблюдать дисциплину — в строю, как вы все, надеюсь, и без меня хорошо знаете, разговаривать не положено.

Набралось добровольцев чуть больше двух десятков. Построили их в колонну по два. Чуть поодаль, у выхода, ладилась группа автоматчиков, политрук же со все так же молчавшим капитаном, пулеметы остались с тыла.

Короткая команда.

Странная эта колонна двинулась, направившись к раскисшей дороге, где следы под их ступнями тут же напитывались водой, отблескивая гляncем...

Остывает напутственный жар отзвучавших слов, замирает под самым сердцем холодок неизвестности, да все еще блестит почему-то в глазах чей-то крестик простой на шнурке, знамение чьей-то исчерненной временем да работой сухонькой старушечьей руки...

Посередине пути Степан Квитко оглянулся — увидеть схотелось, как это в валенках своих по снежной каше шагает больной ревматизмом сосед. Не шли почему-то из головы политруковы слова. С непонятным злом процедил тот сквозь зубы:

— Переобуться? Зачем тебе? Ни к чему! Дойдешь и так!

Но что это? Те, что спешат за хвостом неказистой колонны, показались ему сворой собак, что тянут по свежему совсем следу, да сдерживают их невидимый глазу поводок.

«Что сдерживает?» — промелькнула у Степана в голове недоуменная мысль. Тут-то как бы темным пламенем пыхнуло в его мозгу, он едва удержался от толчка наткнувшихся на него шедших сзади товарищей и, не уловив еще страшной своей догадки, еще не успев уяснить ее для себя,

продохнул сдавленным шипеньем:

— Словно на расстрел ведут, а, хлопцы?

Но тут же испугался своих слов, отшатнулся от них с твердостью мужской. Увидел потому что уверенно шедших впереди себя солдат, увидел их серые пропаленные шинели, наконец.

Вот и миновали дорожную будку, где жил до войны путевой обходчик, свернули от него чуть в сторонку, влево, остановились по команде, застыв двумя шеренгами, лицом в сторону не так уж далекой Кубани.

— На этом знакомство мое с вами прерывается. Теперь распоряжаться будет ваш непосредственный командир. Прошу любить и жаловать. — И политрук, приложив руку к фуражке, отступил в сторону, пропуская капитана. Тот приблизился, поглядывая бывалым, опытным и каким-то тяжелым взглядом поверх голов передней шеренги, будто стараясь увидеть кого-то еще там, сзади, откуда они только что пришли.

— Товарищи, — начал он, приближаясь к строю и как-то странно выговаривая слова. — Через несколько минут вы получите оружие. Кто может владеть винтовкой — возьмет винтовку. — Странной, пружинистой походкой он медленно прохаживался вдоль замершей шеренги, всматриваясь в лица и как-то неуверенно подбирая слова. — Кто знаком с автоматом — бери автомат, ну а если кто из вас пулеметчик, значит, получит и пулемет, — заключил он. Затем резко отвернулся и отошел в сторону от шеренги. Оттуда с холодным металлом в голосе прокричал: — Внимание! Кру-гом!

С короткой и властной репликой этой выдохнули неяркое пламя пулеметы на стоявших справа и слева от строя каких-то куч. И не успела догадка из мысли проклюнуться словом, как обрушилось все разом, смешалось, смерклось.

Крика и стопа наземь рухнувших, срезанных людей не смогли заглушить пулеметы. Напрасно пытался кто-то привстать — тут же прошит был смертоносными жалами и смолкнул навеки.

— Отходим! — И бешеный трехъярусный мат разодрал сырой промозглый воздух.

— Вы, трое, останьтесь, добьете!

И три пары сапог по жухлому осевшему снегу, где свежая алость крови смешалась с жирной черной грязью, в спешке, угадывая тление жизни, выбирали затылок, лицо ли среди напластанных по полю чернеющих тел.

Но на студеном снегу среди стынущих жертв, еще теплых на ощупь, оказались живые. Очнувшись на этом свете, не верили они, что живут.

Шестеро из двадцати пяти — кто с вывороченным бедром, кто с лицом, залепленным брызнувшей грязью, мозгами и кровью лежащего ничком соседа с зияющим черепом^[10].

Геннадий стих на той же ставшей для всех их братской теперь земле.

Лошадка, запряженная в подводу, дико закатывала белые с кровью по самым уголкам глазные яблоки, прядая ушами и всхрапывая, туго напрягла свитые в жгут белые простыни — построжки, дернулась в сторону и замерла, стала. Прибежавшие женщины — матери, жены и сестры погибших — в горькой муке прикусывали побелевшие губы, теребили их пятерней, вполголоса голосили, причитали.

Были в этой скорби печаль и туга, что бредут по русской земле от века. Кто выплакал слезы, чье отстрадало сердце потом, во всю жизнь? Так встретили смертным свой час сыновья Отчизны — в общем строю, с открытым лицом.

И стало так на русской земле могилой братской больше...

Сгублено деревце молодое, под корень самый подрублено, и осталась в памяти тех, кто знал мальчишку, кем-то брошенная фраза о нем: «Сложен как Аполлон!»

С гибелью Гены рухнула надежда Павла Пантелеймоновича — верил он, что сын должен был обязательно пойти по стопам отца и матери. Четче означилась у него седая прядь над правым виском, да печаль залегла на сердце.

Глава третья

БАНОЧКА МУКИ И КУЛЬ ХЛЕБА

Тяжело и больно было Павлу Пантелеймоновичу смотреть на разбитый гитлеровцами Краснодар. Много успели наследить оккупанты за несколько месяцев оккупации. За Первомайской рощей сбрасывали они в глубокий противотанковый ров тела умерщвленных в «душегубках» мирных жителей, женщин, стариков и детей, которых хватали прямо на Красной. Бывший войсковой лес Круглик с его могучими столетними дубами был варварски вырублен немцами на дрова. Старинные особняки города, его гостиницы, театры, многоэтажные жилые дома — все это лежало теперь в руинах. Вровень с черными от копоти стенами одиноко, то тут, то там торчали печные трубы.

«Все для фронта! Все для победы над врагом!» — эти еще не ставшие историей слова метровыми буквами звали на борьбу, смотря в упор на прохожих со стен уцелевших домов.

«Какая боль! Какая разруха! — думал он, глядя на все это. — Не счесть бедствий, что принесла с собой страшная война. Всюду глаз видит одно и то же — страдания жен, матерей, сирот. А сколько калек? Открывают целые артели инвалидов. Разве до этой войны кто-либо слышал про такое?»

Он старался переключиться на что-нибудь другое, отрадное, живое, что смогло бы обнадежить, дать утешение. Но мысли все вертелись возле недоброго, щемящего. Они как магнит собирали, казалось, все печали мира, все боли, выстраданные народом. «И не будет тебе утolenья в твоих скорбях», — пришла из дали памяти горькая книжная мудрость. То была несвойственная ему минута расслабления, и она тут же ушла. Истаял и этот навевший грусть внутренний голос.

— Будет! Еще как будет! — как бы споря с невидимым собеседником, возразил он. Но тут же почувствовал, как на глаза его наплыл сырой свет тумана. Это были скупые, почти неведомые ему с детской поры, когда умерла мать, слезы. Отчего они? Оттого скорее всего, что самая тяжкая, вовек непоправимая беда еще не совсем отошла в прошлое. Нет единственного их сына. И престарелый немощный отец умер от голода в занятой фашистами Ивановской. Время уже делало свою вечную работу —

оседали могильные бугорки, покрываясь каждую весну молодой травой, да горше ветер веял полынью в сухих и жарких степных просторах. Первое потрясение он перенес. Но рана, оставленная страданием в сердце, никогда не заживет. Будет она всякий раз напоминать о себе и кровоточить.

С того самого дня, когда получил весть о гибели Гены, всю дальнейшую свою жизнь будет Павел Пантелеймонович с тревогой и волнением вглядываться в лица подростков, шагающих ему навстречу по улице, на сыновей, подрастающих у многочисленных родственников, и как заклинание будет неустанно повторять простые, идущие от самого сердца слова: «Пусть даст вам судьба хорошую, мирную жизнь!»

Миновал Павел Пантелеймонович потемневшую от времени кирпичную колокольню и потерявшее купол здание Ильинской церкви. Знал он, что в начале века на копеечные кружечные сборы соорудили ее городские усердные доброхоты в честь счастливого избавления от страшного поветрия — холеры. Черной гостьей явилась она в город летом 1892 года. Пятнадцать лет собирали пожертвования. Потеплело на душе его от мысли о земляках-строителях, которых, наверное, нет уже на свете белом. Всегда так было на русской земле: отзывчивые, добрые люди собирали деньги на постройку храмов, памятников воинам, поэтам, композиторам, на помощь осиротевшим семьям, оставшимся без кормильца. И в эту войну так. Отдавали все, чтоб только помочь фронту. Сам он не раз вносил свою лепту при сборе денежных средств на танки и эскадрильи. Отдавали люди последнее — поскорей бы только разгромить и изгнать озверелых пришельцев, прогнать туда, откуда они явились.

Была весна. Стоял воскресный погожий день. Лукьяненко шел из дома. Любил он по своей многолетней привычке, чтоб немного развеяться от напряжения рабочей недели, отправиться в неторопливую прогулку по знакомым улицам, непременно завернуть на Сенной базар — «подсвежить себя вестями и слухами»; на базар, где все первые послевоенные годы кипела неугомонная, изворотливая торговая жизнь.

Поразила его унылая пестрота толпы: женщины в жакетках, перешитых из трофейных немецких шинелей, или в «модных» демисезонных пальто, скроенных из хлопчатобумажных одеял; мужчины в стеганых фуфайках, в линялых солдатских гимнастерках. Кто в чем, чем богаты, тем и рады. Да и не надевать ясе своего лучшего наряда, если даже и удалось его сохранить в оскуделом гардеробе, только для того лишь, чтоб пообтереть его в базарной толчее. Конечно, базар, «толчок», был после войны средоточием и главным и чутким пульсом оживающей городской жизни. Магазины еще были пусты, а здесь... здесь можно было приобрести

не только нужную вещь, но и предметы безумной почти что роскоши: горох, кукурузу, баночку пшеницы.

Базар пестрил незнакомыми лицами. Вот у самого входа инвалид с коляски — грудь посвечивает орденами и медалями — продает швейцарские часы с черным светящимся циферблатом и кожаные самодельные пояса. С языка его звонко и едко слетают шутки-прибаутки и потешки-усмешки.

Другой собрал вокруг себя любопытных: нахваливает оловянные палочки — моментальное запаивание продырявленной посуды. Он ловко орудует отверткой, делает ею дырки в днище старой эмалированной кастрюли, зажигает на минутку спиртовку и на глазах у всех паяет. «Ты видишь, бабка, дырка была — дырки нет! Эй, покупай, за грош бери! Хочешь — кашу, щи вари!» Еще кто-то торгует камушками для зажигалок, батарейками для карманных фонариков. А вон тот, при бороде и усицах, предлагает чудодейственную мастику для точки-правки бритв. Он тупит лезвие опасной бритвы о чью-либо подвернувшуюся под руку небритую бороду, на ремне растирает свою мастику, наводит на нем плавным взмахом жало и зазывает небритых, первых и надежных помощников в его нехитром деле. «Подставляй-ка щетину, — обращается он к добру молодцу, — побрею бесплатно, и будешь у меня как огурчик!» Покупали мастику для «точки-правки», а Павел Пантелеймонович, улыбаясь, шел дальше.

Посередине просторной площади продают патефон. Мирно вращается диск, в черное тело его дальше и дальше врезается стальная игла, и вот уже мягкий баритон ласкает слух. Голос Лещенко^[11] не спутаешь ни с каким другим. Вздыхают и плачут скрипки, и кажется, плачут они по прежней довоенной, мирной, счастливой жизни, когда все были дома и никого ни с какой войны не дожидались еще годами. Патефон собрал вокруг себя, казалось, полбазара, и «бедное сердце мамы» убаюкивало не одну исстрадавшуюся душу. «Обворовали дом! Пришел с работы — до нитки обобрали! А это вот в углу стояло, — и хозяин показал сигаркой в сторону патефона. — Не заметили, черти. Вот все, что у меня осталось. Берите! За пять сотен отдам».

Цена за пластинку баснословная, и мало кто помышлял ее купить. Павел Пантелеймонович полез было в карман за деньгами, как его больно резанули по сердцу слова продолжавшей звучать еще и еще раз песни:

*Доктора не зовите,
Сына мне возвратите.
С ним хоть одни часок побыть,*

Как тяжело мне жить!..

Он огляделся вокруг и увидел, что многие пожилые женщины, окружившие патефон, утирают платками свои повлажневшие глаза. И понял, что никогда не сможет проиграть эту пластинку дома, ведь обязательно будет ее ставить и Поля. Ну как она станет слушать простые, наивные слова с таким сильным искренним чувством? Нет, не стоит беречь незажившую рану. И он отошел прочь от соблазна. Он всегда любил слушать этого певца, но песни о бедном сердце не переносил с тех пор...

Черноокие армянки, покрытые тонкими шерстяными платками, продавали жареные пирожки. Стоял дразнящий аромат постного масла. Начиненные горохом лепешки эти привлекали голодные взоры, и он заплатил за одну штуку.

— Ешь на здоровье, дорогой, — напутствовала его хозяйка лакомого товара.

Он приценился в рядах к муке. Пол-литровая баночка кукурузной стоила тридцатку, стакан соли — полсотни, стакан манной крупы — пятьдесят рублей. Какая-то истощенная молодая женщина только что продала брюссельские кружева и тут же вырученные 180 рублей пересчитала соседке по месту — за булочку серого хлеба.

«Да, вот он какой сейчас, хлебушек, — подумал Лукьяненко. — Лежат города и поля наши в пепле, в разорении лежат... Ну что ж, не впервой... надо сделать так нужный для людей хлеб самой дешевой и вкусной пищей. Поднимем и эту махину, и станет кубанская нива хлебородной, и всем хватит хлеба. Хватит с избытком... Отпадет надобность в карточках, и люди не станут ночами до утра дожидаться в очередях драгоценного хлебушка».

Он пробрался по самому краю разноголосого торга, чтоб посмотреть, что там еще продают прямо с земли, с аккуратно разложенных мешковин. Его внимание привлекла неказистая книжка без переплета с обтрепанными стопками желтеющих листов. Старую книгу он любил, и это было сродни его чувству благоговения к прошлой своей жизни, бедной и трудной в доме отца, но тем не менее ставшей животворным и крепким основанием для сегодняшних, да и всех последующих дней его жизни. Историю он уважал и ценил, и эта книжечка привела его в волнение и неповторимым запахом страниц, и тем непередаваемым ощущением, которое называют «ароматом старой книги». Тем более что перед ним оказалось одно из

многочисленных сочинений замечательного знатока русской простонародной жизни Сергея Васильевича Максимова. «Куль хлеба и его похождения»^[12] называлась она. На титульном листе он прочитал выцветающие буквы штампа: «Иркутский сиропитательный дом Елисаветы Медведниковой», какой-то давно забытой сибирской благотворительницы. Внизу дата — «1 апреля 1913 года». Какими путями занесло эту редкостную книгу на Кубань? Еще будучи реалистом, он слушал, как на занятиях по естественной истории и географии их любимый преподаватель Платон Николаевич Зедгинидзе не раз читал вслух обширные куски из нее. Потом ему довелось взять ее в библиотеке училища, с упоением перечитывал он еще и еще раз, пытался делать обстоятельные выписки в специальную тетрадку. Все это мигом воскресло в его глазах, пока он пролистывал наспех страницу за страницей...

Увы, жизнь труженика полей, жизнь пахаря-земледельца, его тяжкая доля были знакомы ему совсем не по книжным страницам. Испытал он все ее тяготы, как говорится, «на собственном горбу». Мальчиком возил в поле навоз из скотного загона, чтоб удобрить матушку-землю, ибо навоз «пахотной земле и благодатному хлебцу — пища», а повзрослев, подросток — наравне с отцом и старшими братьями пахал кубанский тяжелый чернозем, ступал босыми ногами в теплую постельку для хлебных зерен и разбрасывал, семена, чтоб после первого же летнего зноя выйти со всей родней на жатву. А там на току работа — и не было всему этому ни конца, ни краю...

Книжка Сергея Максимова, вобравшая в себя мудрость народную и многовековой земледельческий опыт России, была для него своеобразной энциклопедией тяжкого труда русского крестьянина. Потому Павел Пантелеймонович сторговался быстренько с женщиной и, заплатив ей несколько рублей, стал обладателем этой редкости. Отныне стал считать он тот случайный поход на Сенной базар весьма удачным. Еще бы! Сделать такое неоценимое приобретение!

Покамест Лукьяненко возвращался до дому, он, чтоб не терять попусту драгоценного времени, на ходу, изредка поглядывая под ноги, стал листать книгу. И заново удивлялся и радовался то верным и точным житейским наблюдениям, то остроумным пословицам: «Ел бы богач деньги, кабы убогий не кормил его хлебом... Хлеб на столе — стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска...»

Да, испокон веку у русского человека бытует глубокое уважение к хлебным злакам, посев и жатва которых и составляли некогда основу и смысл всей отчей жизни.

За великое счастье почиталось рождение в многолюдной крестьянской семье сына: родился помощник, пахарь, наследник будущий. И верно, с рождением мальчика в семье прибавлялась лишняя прирезка пахотной и сенокосной земли.

Легко и радостно читалось ему о том, как свозили с поля последний сноп, потому что и это знакомо ему и близко. Вот с урожайными веселыми песнями сопровождают жницы хозяина в избу, а самая красивая девушка торжественно несет на руках этот сноп — дожинок, украшенный цветными лентами и ясноглазыми, милыми сердцу васильками.

Издавна с хлебом связывалось понятие о довольстве и богатстве. И новобрачных-повенчанных неспроста обсыпали зерном — ячменем или рожью — в благостный знак, чтоб молодые жили-поживали богато да добра наживали. Хлеб в народе почитался символом сытости, телесной крепости, а значит, и счастья земного.

Только вот счастье не давалось даром, не на всякого выпадало, а с большим разбором. Нашего же крестьянина никто в целом свете не смог бы назвать счастливым: дома у него столько скапливалось бед, нужды и неурядиц, что про счастье он слышал разве только в сказках волшебных. Как же часто случались в России засухи, недороды, неурожаи, а с ними приходило великое народное бедствие — голод, черная година. Не счесть их в русской истории! Заглянем в летописи, почитаем документы более близкого к нам времени — годы неурожая так и пестрят на тех страницах. За всем этим — драма целого народа. Глухая беспросветная борьба с голодом за выживание.

Зато в редкую урожайную хлебную пору землепашец наш благоденствовал. Все вышло, кажется, ладно — и закрома наполнились отборным зерном — для прокорма семьи, скотины, для урожая на семена оставлено, есть и на продажу что в город свезти. Да только нередко и тут крестьянин оставался ни с чем: безбожно обманывали его перекупщик зерна и кулак-ссыпщик. Мало ли кто еще надувал безответного простодушного землепашца!

Да... в години тяжкие с северных скудных земель нередко уходил крестьянин русский на заработок в города, в чужие места, в богатые губернии. Уходил батрачить, и там в неприветливой стороне, в изнурительном труде проходили молодые, да и зрелые годы, тут же подбиралась ранняя старость, немощи, болезни.

С изломанной грудью, с изношенным по чужим людям здоровьем, как пишет Сергей Максимов, русский человек возвращался в родную сторонку, в отцовскую деревню, чтобы здесь кости сложить, «потому что здесь

привелось ему впервые увидеть свет божий...».

И еще: «На соломе русский человек родится, на ней и помирает. Умрет он — солому, на которой лежал, выносят за ворота и сжигают».

«Да, прав писатель. Вся история нашего народа — народа земледельческого, — думал Павел Пантелеймонович, — воспитанного в мирных занятиях, в кротких нравах и в борьбе с суровой природой, показана им верно и мудро. Нелегко, с кровавым потом доставался хлеб и нашим степным труженикам — кубанцам. На заре своей многострадальной истории вынуждены были они и землю-кормилицу пахать, и на ружьишко не забывали поглядывать — всякую минуту посягательства недругов ожидали. И редко, совсем редко баловала погода нашего пахаря-воина, защитника рубежей юга России. Что с того, что осень порою хвасталась, обещая: «Я поля уряжу». Весна частенько подводила, была несговорчивой: «А я еще погляжу!» Лето же злое губило ниву суховеями. Истинным благом всегда для полей был снег. Потому что он для ростков — шуба теплая, засыпают они под ним, согретые, и не страшны тут никакие холода. Майский дождик же, сладкий и милый, — подлинное благо, и крестьянин произносит, восчувствуя: «Поддай дождя на наш ячмень, на барский хмель, на бабину рожь, на дядину пшеницу, на девкин лен — поливай ведром!» Будет, знает крестьянин, и хлеб и прядиво будет. Неспроста поется в нехитрой песенке про этот случай:

*Посей, млада, ленку,
При дорожке, при току.
Ты расти, расти, ленок,
Тонок, долог и высок...*

Шел да шел Павел Пантелеймонович по старой, выбитой, но чистой от недавних дождей улице. Мощенный кирпичом-железняком тротуар неказист, того и гляди споткнешься, а Павел Пантелеймонович идет и все вычитывает да вычитывает новые и новые яркие кусочки: «Все хорошее и высокое в человеке приобретается трудом; труд ведет вперед и людей, и народы... Истинный труд только там, где человек добывает хлеб в поте лица... а не там, где стараются обогатиться внезапно и без труда. Да и спасибо русской зиме и стуже: они по пословице — подживляют ноги».

И кто же на всей Руси не знает про самый ценный и дорогой хлебный злак — пшеницу?! Озпмая и яровая самых разных пород: простая, русская, гирка (голая и красная), арнаутка, белотурка, кубанка, усатка, одесская и

прочие. Особенный это злак. «Великий прихотник и капризник», растет оп только в том краю, где тепло длится не менее четырех месяцев в году. Неспроста на вопросы: «Еще кто друзья хлебам?» — отвечают крестьяне; «Известное дело — солнышко красное всему голова. Без него смерть настоящая. Пусть почаще солнышко на наши поля заглядывает: любим мы это».

Осень пролетела. Зима прошла благополучно для хлебов и весна. Вот и лето.

«Хорошее ноне лето послано, сухое, умное: вовремя дождем попрыскивало, вовремя солнышком присушало», — удовлетворенно рассуждает хлебороб.

И приходит наконец осень — венец всего дела, итог. Богатый случится урожай — всенародная радость и праздник. Пшеница скошена. Жнецы идут вечерять, а впереди них — красавица крестьянка. Голова украшена васильками, как и последний сноп с нивы — дожинок. Раскрасавица жница рвала последние колосья, разделяла их на две части и клала крестом на землю. Вязали жнецы преогромный сноп и сажали на него свою избранницу. Тут же плели из колосьев и васильков венки, снимали девицу со снопа, наряжали ее венками и шли всем дружным гуртом, единой семьею за ней. Она же несла в руках связанную ею фигуру в форме креста из хлебных колосьев. Так наивно, поэтично и весело праздновали конец жатвы русские пахари.

«Теперь не то. Теперь праздник урожая становится всенародным массовым торжеством, — отметил про себя Павел Пантелеймонович. — Ниву же растят нынче не одни только колхозники с учеными. Собирают хлеб теперь всем миром — и город, и станица, чтоб ни колоска, ни зернышка не обронить впустую... Жаль только, что некоторые интересные, красивые обычаи и обряды утеряны или совсем забыты. А было в них много смысла и большой поэзии».

Так, покамест Павел Пантелеймонович не спеша добирался домой, он и пролистал всю книжку, освежил память свою. Нежданно-негаданно для себя он, как и в юности, пережил все приключения, происшедшие с кулем хлеба весом в девять пудов с походом, пока не попал тот наконец на товарную биржу в северную столицу — град Петров.

— «Пожелаем нашему хлебу счастливого пути, его покупателям — приятного аппетита: хлеб рушать — на здоровье кушать», — произнес он вслух напутственные строки старинной книжки.

Случаются такие вот редкие минуты блаженства, равные счастью: он ощутил вдруг в себе могучий прилив созидательных сил. И, как в далекие

годы молодости, снова хотелось работать, не замечая времени, не зная усталости, выращивать новые стойкие и урожайные сорта хлеба, чтоб нивы наши тучнели и густо колосились, давали щедрое зерно, зерно отборное, чтоб, как говорится, ни соринки в нем, ни пылинки, чтоб соотечественники наши, весь наш многонациональный великий Союз никогда не испытывали нужды в хлебе. И на столе каждого трудящегося человека — в будни ли, в праздник ли — красовался бы хозяин всякого застолья — добротный каравай свежего хлеба!

— Расцветет кубанская нива, расцветет. Станет она рукотворной житницей и славой России, — убежденно шептал он. — Так будет...

Война обрушилась не только на его семью, она разорила их род. У старшего брата Петра в Ивановской тоже беда — не вернулся с войны муж дочки, остались на ее руках малолетние детки. Тут же решают они с Полиной Александровной взять в свою семью Любу — пусть подрастает вместе с Олей, будет ей сестричкой. К тому же ровесницы обе, вместе кончат школу, а там, может, и в институт пойдут. Хорошо бы, на агронома чтоб выучились. Потом и селекцией займутся... Думалось так Павлу Пантелеймоновичу, когда он трясся на днях по разбитой дороге из Ивановской в Краснодар. А рядом сидела, прижавшись к нему, Люба и расспрашивала бойко, что сейчас делает Оля, где она учится. Павел Пантелеймонович отвечал на вопросы девочки и все больше верил в то, что впереди еще целая жизнь, как будто даже еще и не жили они с Полиной Александровной ни в Чечне, ни в Кореновской, ни в Крымской, и не было никакой эвакуации. А в голове было одно — надо работать и работать во имя детей, во имя жизни, чтоб не было больше никогда проклятой войны.

Утренняя неспешная прогулка та, счастливое приобретение книги и несуетные мысли освежили на славу, и почудилось ему, будто выпить дали родниковой бодрящей воды.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава первая

ПОБЕДА

Весна 1943 года выдалась особенно трудной для Павла Пантелеймоновича. Вернувшись из эвакуации, он застал хозяйство селекционной станции полностью разоренным гитлеровцами. Они еще упорно цеплялись за «Голубую линию», не желая уходить из-под Новороссийска и с Тамани. Все лето продолжались ожесточенные бои в кубанском небе. Имена Покрышкина и девушек-летчиц из авиаполка Марины Расковой, которых враг прозвал «ночными ведьмами», были тогда у всех на устах. Не хватало рабочих рук. Повсюду, в каждой семье, были страдание и горе. Но духом не падал никто. Продолжалась война, и хлеб был нужен и солдатам на фронте, и в героическом тылу. Лукьяненко с утроенной энергией взялся за свое дело.

Почти перед самой войной в крае районировались сорта его селекции. Это Гибрид-622, Краснодарка-622/2 и Первенец-51. Краснодарка отличалась от исходной родительской формы по трем признакам. Во-первых, она стала более зимостойкой, чем Гибрид-622. Этого удалось достичь благодаря отбору растений с более длинной стадией яровизации. И, конечно, сорт был устойчив против ржавчины. Здесь ученым совмещены два важных признака — повышенная зимостойкость с ржавчиноустойчивостью.

Кто спорит. Краснодарка давала не совсем вкусный, крупнопористый хлеб. Но шла война, и уборочные работы проходили с большим напряжением. Единственные и главные тогда труженики в поле — старики, вернувшиеся с фронта калеки, женщины и дети — не всегда успевали управиться в срок. Но особенностью Краснодарки как раз и было то, что она могла долго стоять, не осыпалась на корню. Потому что такой она и была в свое время задумана селекционером. Это обстоятельство теперь оказалось весьма кстати, потому и выручило не одно хозяйство.

В разное время жизнь ставила перед селекцией и разные задачи. Одной из многих была работа по переделке озимого сорта в яровой. Это обуславливалось тем, что при бесснежных и морозных зимах озимые погибают на больших площадях, и тогда ничего не остается, как весной в

возможно более ранние и сжатые сроки произвести подсев яровыми на поврежденных полях.

Лукьяненко задался целью переделать озимый сорт Ворошиловка в яровую, с тем чтобы семенами этого же сорта весной подсеять участки с погибшими растениями.

В 1944 году Павел Пантелеймонович закладывает первый опыт. На делянках площадью по 10 квадратных метров каждая было высеяно несколько сортов как озимой, так и яровой пшеницы. Один посев озимой пшеницы Ворошиловская был произведен 23 марта, другие же были посеяны еще под зиму. Лишь единичные растения смогли выколоситься к лету и дали урожай. Причем выбрасывание колоса и созревание проходили неодновременно — с июня до сентября. Собранный урожай был невелик, но все до зернышка отобрали, с тем чтобы в будущем, 1945 году 30 марта высеять сто линий этих растений. В качестве контроля через каждые десять номеров росла озимая пшеница сорта Ворошиловка.

День Победы застал их с Полиной Александровной в хлопотах: весной у селекционеров нерабочих дней не бывает. Они вышли в поле, но душу заливала светлая радость: будто что-то тяжелое и страшное исчезло вдруг и солнце тут же без меры засияло во все концы. Из недалеких палисадников кричали воробьи. Со стороны въездной аллеи, усаженной белой акацией, веяло теплым ветерком. Молодой дубнячок, скорее похожий на высокие кусты, выплескивал соловьиную трель. Изредка, как бы не осмелев сыграть на волшебной флейте, пробовала неизъяснимо печальный голос иволга. Реяли над полем щуры, мелькая то зеленым брюшком, то ржавыми спинками. И тут же траурно зачернели границы делянок. Но как от печки, где выпекают хлеб, пробивался от них неистребимый пшеничный дух...

Они молча побрели с поля, хотя время возвращаться еще не подошло. Путь их лежал к братской могиле, что находилась теперь почти под окнами кабинета Павла Пантелеймоновича и в которой лежал их сын. Они наломали веточек сирени и положили их к подножию памятника. Долго не мог он оторвать жену от холодного черного камня, к которому она словно приросла. Радость Победы, и слезы, и боль — все смешалось в эти минуты, но все же преобладала великая обновляющая сила весны и надежды.

И снова труды, снова дни, наполненные кропотливой работой. Через месяц они с удовлетворением отмечали, что второе поколение озимой пшеницы Ворошиловка хорошо заколосилось. Хотя процесс колошения продолжался с 15 июня до 7 июля, это говорило о том, что они близки к цели. Конечно, выход в трубку Ворошиловки по сравнению с яровым

Тэтчер задерживался, особенно выделялась в этом отношении семья № 38. Но получены и ранние формы, такие, как семья № 27. Они ведь заколосились одновременно с контрольными яровыми! К радости от удачно завершённого труда прибавилась ещё одна — Павел Пантелеймонович награждается медалью «За оборону Кавказа». Труд селекционера этим самым был как бы приравнен к ратному. Зимними вечерами Павел Пантелеймонович давно взял за правило присаживаться к приготовленному для занятий столу и делать наброски. Он привык работать обстоятельно и на совесть, потому никогда не спешил. По многу раз сверялся со своими записями, сравнивал, обобщал. Все это содержалось у него в полном порядке. Он всю жизнь придерживался девиза, выраженного ещё в древности в латинской фразе: «Quod non est in actis, non est in mundo»^[13]. Не составляет труда написать материалы для отчёта, а вот поделиться размышлениями по поводу успешно проделанной работы — тут надо приложить старания иного рода. Начал он свою статью с объяснения целей и задач, стоявших перед ним:

«Это весьма интересный факт, указывающий на возможность получения... сортов универсального использования, одинаково пригодных для озимого и ярового посева. С организационно-хозяйственной стороны культура сортов универсального использования в озимом и яровом посеве может представлять большие выгоды уже хотя бы потому, что при изреживании озимых в результате неблагоприятных условий зимовки или выдувания ветрами, что нередко наблюдается в ряде районов края, можно будет производить подсев весной озимой пшеницы семенами того же сорта. Кроме того, некоторые из полученных нами форм яровых Ворошиловка в яровом посеве созревали на 10–15 дней позже, чем в озимом посеве».

Объясняя выгоды и необходимость создания подобного сорта, Лукьяненко пояснял: «...высевом такого сорта в озимом и яровом посеве можно будет обеспечить равномерный ход уборки и более рациональное использование комбайнов в уборочный период». Практический выход, польза от затраченных усилий — все это неперемённое условие для него, поэтому учёный говорит: «В 1949 году будет закончено сортоиспытание яровых форм Ворошиловки в озимом и яровом посеве, и в 1950 году лучшие ярово-зимостойкие сорта будут переданы для производственной оценки в колхозы».

Казалось бы, как просто и быстро! Но сколько за этими словами, цифрами и фактами предыдущей, обычной, черновой работы! Сколько поисков, терпения, выдержки и смекалки!

На следующий, 1946 год, когда он был награждён медалью «За

доблестный труд в Великой Отечественной войне», высеяли уже яровой формы Ворошиловки 65 линий. Большинство линий, как отмечает Лукьяненко, несмотря на поздний срок посева, пошло в трубку, то есть проявило все качества яровой формы.

Здесь он наблюдает интересное явление: несмотря на то, что первые два поколения уже зарекомендовали себя как яровые формы, в третьем поколении некоторые из линий так и не пошли в трубку, то есть вели себя как озимые.

При выведении нового сорта тщательно бракуются пшеничные растения, не выдержавшие экзамена на устойчивость к ржавчине. По этому поводу он замечает: «Самым важным и интересным моментом в поведении измененных форм оказалось то, что они выявили картину сильного расщепления сорта Ворошиловка по устойчивости к бурой и желтой ржавчине».

Начиная работу с озимой пшеницей Ворошиловка, Лукьяненко прекрасно знал ее свойства. И то, что сорт сильно поражался ржавчиной, было ему хорошо известно. На начальном этапе работы с полученным сортом он обнаружил, что здесь «выщеплялись сильно поражаемые, мало поражаемые и устойчивые к бурой ржавчине формы», и далее отмечает, что «формы, устойчивые во втором поколении, сохранили устойчивость и в последующих поколениях, а восприимчивые формы остались восприимчивыми».

Положительным результатом своей работы ученый-практик справедливо считает «получение устойчивых к бурой ржавчине форм из сильно расщепляющегося сорта (в прошлом устойчивого к ней) путем воспитания...». Он не без оснований называет свой успешный опыт «новым фактом в селекции, который представляет собой большой практический и теоретический интерес».

В проделанном эксперименте Павлу Пантелеймоновичу удалось проследить, как «устойчивость к ржавчине находится в зависимости от условий прохождения стадий развития». Здесь же Лукьяненко утверждает: «Одной из важных причин «порчи» сортов по устойчивости к бурой ржавчине является расщепление гибридных сортов».

Работа с переделкой сортов Ворошиловка из озимой формы в яровую помогла определить и другое интересное направление — возможность получения подобным методом сортов универсального использования, одинаково пригодных для озимого и для ярового посевов. Прослеживая поведение яровой формы Ворошиловки в озимом посеве, Лукьяненко установил, что некоторые линии яровой Ворошиловки по перезимовке не

отличались от контроля — озимой Ворошиловки. Об этом красноречиво свидетельствует случай, когда в суровую бесснежную зиму 1948/49 года с двадцатиградусными морозами на опорном пункте Краснодарской госселекстанции, расположенном в северной зоне края, яровые формы Ворошиловки имели следующий процент сохранности растений к весне: 1) озимая пшеница Ворошиловка — 75,5; 2) яровая форма Ворошиловки — 78,8.

Достижение налицо — лучшие формы яровой Ворошиловки-84 и 30 не уступали исходному озимому сорту.

В трудные годы войны, да и в не менее тяжкое послевоенное время велись работы по переделке, перевоспитанию озимой пшеницы Ворошиловки в яровую форму. Но все увенчалось победой. За успехи в селекции пшениц Лукьяненко избирается в 1948 году действительным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Павлу Пантелеймоновичу было о чем рассказать коллегам по академии. Особенно об особых природных условиях Кубани. Урожай озимой пшеницы часто гибнут там уже в начале июня, во время налива зерна. И причина тут не только в ржавчине или в полегании. К этому присовокупляются ливневые дожди при высоких температурах воздуха. Он видит выход в одном — нужно создать раннеспелые сорта, чтобы они наливались уже к концу мая, то есть к более ранним срокам.

Полученный на Краснодарской селекционной станции в результате многолетней кропотливой работы от скрещивания сорта американской селекции Канред-Фулькастер и ярового сорта аргентинской пшеницы новый сорт, названный Скороспелка, отличался в самом главном — он дал по сорок два центнера с гектара и тем превзошел в испытаниях стандарт Новоукраинку-83 на двенадцать центнеров.

Как и всегда при выведении нового сорта, прежде всего ученого интересует устойчивость растений против ржавчины. Это был своего рода «конек» Павла Пантелеймоновича, и тут он достиг исключительного совершенства. Делом этим он занимался, как правило, лично. Новые сорта Кубанская-131 и Кубанская-133 отличала прежде всего повышенная устойчивость к ржавчине.

В послевоенное время в Краснодаре велись большие работы по переделке природы сортов озимых пшениц в яровые и наоборот. Немалые выгоды для государства видел Лукьяненко в случае, если удастся внедрить в производство готовящийся к сдаче сорт Ворошиловка.

Путь в селекции, избранный Лукьяненко, был трудным, но

исключительно верным. Его имя заняло почетное место в ряду выдающихся селекционеров страны. Это единодушно признали все, кто хоть в какой-то степени знал о его работах. Павел Пантелеймонович гордился признанием личных его заслуг, заслуг сотрудников, вместе с которыми он шагал по верной дороге. Партия и народ поддерживали его позицию, значит, надо работать с утроенной энергией, чтобы оправдать столь высокое доверие, — так он понимал цель своей жизни. Так и жил.

«СЕГОДНЯ — ТЫ, А ЗАВТРА — Я!»

Оглядывая порой пройденный им жизненный путь, Павел Пантелеймонович сознавал, что сорта, выведенные им, он поднимал, как строитель по кирпичу поднимает здание. Шаг за шагом, этап за этапом — и все выше, все ближе к заветной цели. С созданием каждого нового сорта все жестче требования предъявлялись к нему. Павел Пантелеймонович придет наконец к выводу: сорту, претендующему на жизненные права, необходимо иметь самые разнообразные качества. Всего он насчитает двадцать шесть признаков, которые должны характеризовать сорт идеальный, мечту селекционеров.

Колоссальный опыт, огромный практический багаж дадут Лукьяненко право сделать такой вывод. С самого начала своей работы Павел Пантелеймонович вместе с Полиной Александровной много времени и сил тратил на отбор растений с нужными качествами. Их интересовала прежде всего продуктивность, и они обращали особое внимание на формирование куста. В работу шли растения, у которых дружно, одновременно развиваются основные стебли. Подлежали браковке растения, у которых такие стебли по мере развития отставали в росте один от другого, и возникало крайне нежелательное в практике селекционера явление, именуемое подгоном. Это ведет к неодновременному созреванию колосьев, а значит, и к снижению качества зерна в конечном счете. Кропотливейшая работа с микроскопом — наблюдение за точками роста — дала Полине Александровне многое. В конце концов при выведении сорта Скороспелка-3 им удалось отобрать такие формы, у которых точки роста (а их у Скороспелки-3 до 35) формировались и созревали одновременно. И как знать, получи этот сорт соответствующую доработку в свое время, возможно, он оставил бы далеко позади себя даже ныне существующие...

Вообще каждый сорт, выведенный П. П. Лукьяненко, для своего времени был незаурядным явлением. Недаром многие из них занимали еще

и не так давно значительные площади.

Районированная в 1953 году, Новоукраинка-84 отличалась лучшими качествами по сравнению с Новоукраинкой-83. Достаточно представить себе, в каком состоянии находились тогда наши поля, израненные войной, когда самая элементарная техника порой отсутствовала в колхозах. О применении же минеральных удобрений и говорить не приходилось. И вот в тех условиях этот сорт мог давать в среднем по краю до 38 центнеров с гектара. Замечательный сорт! Хлеб из Новоукраинки отличался великолепными качествами. Исстрадавшийся за годы войны народ получил щедрый дар от селекционера! Кроме того, это был хлеб экспортного значения, что, как известно, служит высшей похвалой любому сорту.

Новоукраинка-83 — это определенная ступень в работе П. П. Лукьяненко, показатель дальнейшего совершенствования и роста по пути прогресса. Но отнюдь не «просчета», как это попытается представить впоследствии кое-кто.

По сравнению с предшествующими сортами Новоукраинка-83 в два раза меньше полежала, в два раза меньше поражалась ржавчиной, независимо от условий перезимовки или погодных условий в весенне-летний период.

И еще одна поразительная особенность этого сорта. Качество его не снизилось за все годы возделывания. К сожалению, причины такого поведения Новоукраинки остались неизученными.

Был летний погожий день. Вместе с директором селекционной станции Пакудиным отправился Павел Пантелеймонович осматривать поля. Кроме основной территории, земли под испытаниями располагались еще и чуть поодаль. Добрались они, как обычно, на «одиннадцатом номере». Агроному неспроста нужны крепкие ноги — не один десяток километров в день приходится отмахивать. Хлеб тогда стал созревать, и Павел Пантелеймонович тут же, как это он любил делать всегда, с ходу вошел в пшеницу. Так с разбегу бросаются в желанную отраду и негу речную. Директор за ним едва поспевает. Видеть надо было, как шагал Лукьяненко! По-особому как-то он делал это, по-своему. Картина была! Выбрались наконец. На таком ходу будто и сделать ничего не было возможно, ан нет. Смотрит Захар Андреевич, а у Лукьяненко меж пальцев обеих рук колоски зажаты. Как он успел подметить и сорвать их — не понять.

Словно и не слыша восторгов, рассматривая одному ему ведомое, Павел Пантелеймонович будто сам для себя бурчит: «Попробуем-ка еще

вот эти. Что-нибудь да сделаем». И, озорно подмигнув, от радости напевает: «Сегодня — ты, а завтра — я!» Все близко знавшие ученого давно подметили, что этот напев из «Пиковой дамы» Лукьяненко предпочитает всем прочим, если ему что-то удастся.

Подошла осень. Павел Пантелеймонович немало сил потратил на то, чтобы окончательно выправить все недостатки у нового сорта. Все выходило как будто неплохо — и колос хороший, и мука отличного качества, урожайность высокая. Но что-то ему не совсем нравилось у этого сорта. Он всегда придерживался того мнения, что заботливая мать не выпустит на люди свое дитя неумытым и неухоженным. «Нет, не совсем готова Новоукраинка, тут что-то надо еще делать», — негромко, но убежденно отвечал он на восторженные «ахи» своих поклонников и доброжелателей.

Вместе с Захаром Андреевичем проходил он как-то по территории. В старом сарае перемолачивали зерно. Стучала веялка. Они подошли на шум и спросили рабочих, как идет дело. Сами набрали на ладонь уже отвеянного и среди великолепного отборного зерна тут же заметили неотмолоченные семена. Директор спросил рабочих, почему много брака. Те ответили, что этот сорт больше и не отмолачивается. Павел Пантелеймонович ничего не сказал, повернулся и вышел.

Что он такое делал с Новоукраинкой и как — этого никто не знает. Но вскоре сорт всех порадовал не только прежними своими качествами, но и отличным обмолотом. Выведенная под его руководством Новоукраинка-84 была предназначена для возделывания в северной зоне Краснодарского края, где, как правило, получают высококачественное товарное зерно. Сорт обладал лучшей зимостойкостью по сравнению с исходной формой.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

В 1957 году к Павлу Пантелеймоновичу приходит большое признание. За свои достижения в области селекции он награждается орденом Ленина и Золотой медалью «Серп и Молот». Теперь он носит высокое звание Героя Социалистического Труда. Но, как и прежде, с ранней весны до поздней осени, да и зимой частенько его видят во многих уголках края. С той, видимо, поры, когда он сам еще заведовал сортоучастками, осталась у Павла Пантелеймоновича на всю жизнь искренняя симпатия к работникам сортоучастков, к их судьбам. При первой же возможности, как только академик узнавал о нужде какого-либо агронома сортоучастка, он делал все, чтобы помочь человеку. То беспокоится, чтобы непременно обеспечили семью инвалида топливом на зиму, то хлопочет об увеличении пенсии, другому же поможет с жильем. У него были налажены давнишние связи с заведующими почти всех сортоучастков края. Держались они на истинно человеческой основе взаимного притяжения и лукьяненковского обаяния. Те, кто-знал его, отмечали прежде всего именно эту важнейшую особенность характера Павла Пантелеймоновича.

Со многими из агрономов на сортоучастках он был дружен. Такие добрые отношения на протяжении долгих лет сохранились у него и с заведующим сортоучастком в станице Абадзехской. Расположилась она на берегу короткой, но полноводной речки Белой. Мчится среди просторной долины белесый от размытых в верховьях горных пород поток, всего несколько часов назад сбегавший с ледников Фишта.

Заехали они с начальником инспектуры края по сортоиспытаниям В. В. Усенко в Абадзехскую, да там и заночевать пришлось. Было это уже в 1958 году. Вечером за чашкой чая под шум перекатываемых полноводной речкой камней сидели они у своего давнего друга на веранде и поживались. От воды в тот поздний час тянуло холодком. Павел Пантелеймонович спросил радушного хозяина, когда тот отодвигал на край стола лукошко с ежевикой и кизилом, чтоб поставить сковородку с жареными лисичками:

- А что за хлопчик, который с вами сегодня вечером был?
- Это Пучков Юра. Студент.
- Ну и как он?

— Ничего, справляется. Из города, правда, парень. Москвич! Ну, да я из него агронома сделаю. Толковый будет специалист.

— Надо бы мне на тот год пригласить его к себе, — заинтересовавшись окончательно, сказал Павел Пантелеймонович. — Понравился он мне, работающий. У нас каждый год студенты из Тимирязевки на практике бывают. Чего там, многие побега кукурузы от мышья не отличат, а таких, как этот, ни разу не присылали. Как бы его мне заполучить на тот год? Владимир Васильевич, ты напости мне потом о нем, когда в Краснодар вернемся, чтоб я похлопотал, — сказал Лукьяненко, обращаясь к Усенко.

Юрий Пучков приехал на другой год в Краснодар и проходил практику у Лукьяненко, а вернулся в Москву и через полтора месяца послал на Кубань письмо. Павел Пантелеймонович читал и думал, что пролетели у парня каникулы, и вот снова начались занятия. На последнем курсе учится, сейчас изучает частную селекцию, семеноводство, технологию сельскохозяйственных продуктов, плодоводство, разведение сельскохозяйственных животных, философию, растениеводство и организацию сельскохозяйственного производства. Учится на шофера-любителя. Эти строки живо напомнили Лукьяненко его студенческую молодость. А в конце письма он прочел просьбу:

«Хотелось бы услышать от Вас предложения, советы по дипломной работе, чтобы она была более полной. Дипломную работу я хотел бы с Вашего разрешения прислать Вам на рецензию. Я буду стараться, чтобы завершить ее хорошо».

Через некоторое время пришло из Москвы второе письмо, из которого Павел Пантелеймонович узнал, что студенческая жизнь у Пучкова идет своим ходом. Парень напористый — при всей загруженности занимается, находит время для занятий в кружке. Продолжает осваивать автомобиль. Что ж, дело это для агронома не лишнее. Лукьяненко еще раз пробежал глазами письмо и нашел строки, где молодой человек писал, что сдал экзамены по растениеводству, плодоводству, технологии сельскохозяйственных продуктов и организации социалистических сельскохозяйственных предприятий.

«Молодец, все сдал на «отлично», — подумал Павел Пантелеймонович. — А что он пишет в дипломной? Энергия всхожести и прорастания... Тема интересная, пусть трудится. Что еще? А, вот просьба: «Скоро нас будут распределять на работу. На кафедре селекции нам говорят и направляют нас на то, чтобы мы сами выбирали себе места. Некоторые из нас уже определили свое место, получили вызов на работу. Встал и передо

мной такой вопрос. Я хотел бы посоветоваться с Вами, каким путем идти мне дальше в жизнь. Безусловно, меня интересует генетика и селекция. Распределение у нас будет в феврале месяце, а выпуск в июне. Нет ли возможностей устроиться у Вас? Прошу Вас, Павел Пантелеймонович, помочь мне в этом вопросе!» О чем речь? Надо немедленно посылать запрос — этот парень будет работать с ним.

В середине апреля Павел Пантелеймонович распечатал письмо от Пучкова и увидел там заявление с просьбой принять его на работу. Значит, комиссия удовлетворила вызов, который он посылал в Тимирязевскую академию. Хорошо, пусть теперь заканчивает оформление диплома: близится день, защитится. Как он назвал тему? Да, «Влияние сроков и способов уборки озимой пшеницы на урожай и качество зерна». Не зря, значит, прошли беседы во время практики здесь, в Краснодаре, с практикантом, не пропали даром, как без толку оброненное зерно на дороге. Пусть приезжает.

Набежали горячие дни, и присуждение Ленинской премии за выдающийся вклад в развитие советской селекции застало академика в нескончаемых трудах. Сделано немало, но сколько планов впереди. Вот-вот можно будет говорить о новых сортах, отзывчивых на орошение и повышенные дозы минеральных удобрений. Но пока все это только на подходе...

ГРУСТНАЯ ПАМЯТЬ

По дороге с Сенного базара, проходя по улице Октябрьской в направлении улицы имени Горького, Павел Пантелеймонович непременно оглядывал здание бывшей церкви — памятника жертвам холерной эпидемии, выложенное из красного, теперь уже почерневшего кирпича. Тысячи жизней унесла в те годы страшная азиатская гостья.

Опустели тогда наполовину кубанские станицы. Еще мальчиком он знал всю эту историю по страшным рассказам дедушки Тимофея, да и отец не раз говорил ему об этом...

В то время в Ивановской атаманствовал Савченко. Убыль холерных по станице достигла такой угрожающей цифры, что областное начальство вынуждено было направить туда комиссию с целью выяснить на месте причину столь высокой смертности.

А дело доходило до того, что погребали по несколько человек в одной могиле. Холерные содержались в некоем подобии больницы. Рядом с

больными на полу лежали умирающие, и никому не было до них дела. Молодому казаку, приставленному к ним, было страшно входить в эту комнату — боялся сам заразиться. Ежедневно на кладбище, в той стороне, где закапывали сапных лошадей, хоронили, едва успевая отпевать, по несколько десятков жителей.

Не помогали никакие меры предосторожности — ни присыпание свежих могил известкой, ни обязательное кипячение воды перед употреблением. Беда была еще в том, что жители, боясь пуще холеры «больницы», подолгу не сообщали о заболевших родственниках. День ото дня постепенно все большее число заражалось в тесных хатах...

Вот почему всякий раз, идя на Сенной рынок или же возвращаясь с него по Октябрьской улице, он при взгляде на старое и заброшенное здание вспоминал Ивановскую и всю эту печальную историю...

А придя домой, получил очередное письмо от мачехи. «Посылаю я вам привет, Павлуша и Полина, и желаю я вам самых лучших благ. Деньги я получила 17 апреля», — ну и все прочее о себе сообщала Прасковья Емельяновна. Совсем она стала плоха. Да и годы-то, годы какие — за девятый десяток перевалило...

Через год (а шел уже 1959-й) П. П. Лукьяненко получил еще одно письмо из Ивановской от мачехи — на этот раз последнее:

«Добрый день, Павлуша, Полина и Оличка, — писала она. — Передаю я вам свой низкий сердечный поклон. Получила я деньги 14 марта, за которые очень благодарна, не забывай, Павлуша...

Как ваше здоровье, а мое здоровье неважное. Ножечки мои никак ничем не збавлю. Не знаю, что делать с ними.

До свидания. Целую крепко. Мать Лукьяненко».

С этим грустным письмом он уловил себя на том, что все чаще стали являться ему такие дальние теперь годы и ранняя, еще того времени, когда, кроме домотканой рубахи, он ничего и не знал, жизнь, вернее, крошечные лоскутки той заревой поры, что отшумела, отпела и успокоилась навеки. Что ж, отлетели и теперь никому не надобны ее заботы, и остались всего лишь поминки по ней, светлые и грустные, как все далекое, отболевшее.

В трудах на делянках, встречах, на симпозиумах и конференциях, поездках по колхозам и совхозам, казалось, похожие один на один бежали дни, из них складывались месяцы, годы.

В середине декабря 1962 года Павел Пантелеймонович получил письмо из Болгарии от своего ученика, агронома Георгия Петрова.

«Прошу принять мою большую благодарность за теплый прием,

внимание — заботы, которыми Вы меня удостоили. Предоставили тематические планы, отчеты. Ваши труды, регистры, журналы, материал в столе и особенно личные беседы с Вами дали мне возможность познакомиться близко и полно с Вашей работой и приложенными Вашими методами, Вашими взглядами по различным вопросам. Все это пополнило некоторые пропуски в моих знаниях, сделало меня более уверенным и дало возможность дооформить мой взгляд как селекционера по пшенице».

Георгий Петров признавался, сколь незабываемыми для него останутся их совместные поездки по краю, когда они смогли побывать на многих опорных пунктах, в колхозах и совхозах. Вспоминал он и о прогулках до Анапы и Сочи, которые им удавалось совершать в свободное от работы время.

Болгарский ученый сообщил Павлу Пантелеймоновичу, что его коллега в июне побывал на симпозиумах по методам полевых отчетов и по селекции и генетике в Будапеште. От него Петров узнал, что самые морозоустойчивые сорта на Украине выведены профессором Ремесло. Это Мироновская-264 и Мироновская-808, которые достигают урожайности в 60 центнеров с гектара и дали на 4–6 центнеров с гектара больше Безостой-1.

«Английский представитель задал вопрос: «Можно ли озимые сорта пшеницы переделать в яровые?» — писал Петров. — Докладчик по этому вопросу — о переделке яровых в озимые — Шандор Райки, директор института Мартонвашар около Будапешта, сказал, что это невозможно и ему неизвестны до сих пор такие результаты. Ни один из присутствующих на симпозиуме не ответил больше на этот вопрос.

Интересно, неужели ни один из присутствующих незнаком достаточно с литературой по этому вопросу или они молчали по другим причинам?

Знали ли они о переделке сорта Ворошиловка в яровую?»

Прочитав письмо, Павел Пантелеймонович улыбнулся. Кому, как не ему, было знать лучше других этот вопрос, на решение которого ушло несколько лет жизни.

МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Нынешний Кубанский научно-исследовательский институт сельского хозяйства историю имеет долгую и интересную. Из документов, да и от старожилов города Павел Пантелеймонович знал, что незадолго до революции с 1914 года начали строить опытную станцию по ту сторону

дороги, что прилегает к кубанскому берегу. Благодаря выгоды задуманного дела и предприимчивости первых организаторов с первых дней развернулась довольно-таки активная деятельность на опытной станции по опробованию и внедрению на кубанских нивах заграничной покупной сельскохозяйственной техники. Еще бы! Кубань в то время была в полном смысле слова наводнена орудиями самых разных типов и марок — плуги, локомобили, жнейки и всякие иные машины — все это ввозилось в богатый южный край для выгодной продажи из Франции, Бельгии, Англии, далекой Америки ввиду полной беспомощности отечественной промышленности. Говорят, к тому времени относится и испытание американских машин для посадки кукурузы.

Первые метелки риса в опытном деле на Кубани были также получены в то время. В силу различного рода обстоятельств увлечение рисом оказалось безуспешным. Несмотря на значительные средства, затраченные на выращивание этого капризного растения, урожай, то есть то, ради чего, собственно, и проводились опыты, оказался скудным. Всего несколько метелок риса при затраченных из войсковой казны 500 рублях! Сохранилось и дошло до него предание той поры. Он живо представлял себе эту сцену, как младший помощник наказного атамана Лебедев вызвал для отчета в свою канцелярию того, кто проводил опыты с рисом. Привстав из-за стола, он почти перегнулся через него и переспрашивает:

— Так сколько вы затратили на опыт?

— Пятьсот рублей, — ответил агроном.

— А сколько риса получили?

— Вот это. — И агроном собирается поднести Лебедеву жалкий снопок, с трудом составленный из десятка метелок, не более.

В этот миг помощник атамана изо всей силы перетягивает неудачливого испытателя палкой по плечу так, что бедняга от неожиданности орет не своим голосом и бросается к двери. Переполошенные дневальные, ничего еще толком не уразумев, надавали ему тумаков, решив, что посетитель угрожал безопасности их начальника.

— Будете знать в другой раз, сукины дети, как деньги казенные переводить, — несется вслед агроному негодующий крик.

Лукияненко, разумеется, не раз слышал об этой истории, и хотя, конечно, не мог одобрить такого рода расправу, но для себя он сделал навсегда определенный вывод. Всякая работа в области селекции, как и во всем опытном деле, должна основываться на здравом практическом смысле. Не дело селекционера заниматься экспериментами, носящими отвлеченный, откровенно теоретический характер. От результатов его

работы, то есть от созданного им сорта, зависит во многом благосостояние рядового колхозника, колхоза или совхоза, государства в целом. Да и в международной политике хлеб играет порой немаловажную роль. Так что и в этом отношении Павлу Пантелеймоновичу была понятна вся мера ответственности, которая ложится на его плечи во всякой работе по выведению новых сортов пшеницы. Это чувство хозяйского отношения ко всему, что его окружает, стремление всегда и везде выделить из многого то единственное, что составляет стержень, то есть то, ради чего ведется вся работа — ради извлечения пользы в первую очередь, — оно было заложено в нем самой природой труженика-крестьянина. Это отмечали все, кто встречался с ним или близко знал. И цепкость взгляда, и удивительную сметливость, исключительную добросовестность — все это соединил он в себе во имя все той же задачи, отбрасывая все, что несущественно, то, без чего можно обойтись. Потому что, если бы он не отсекал и не отбрасывал все, что мешало ему углубляться в суть работы, он бы так и не смог добиться столь удивительных результатов. Абсолютно никаких.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава первая

БЕЗОСТАЯ-1

В 1959 году на Кубани районируется Безостая-1. В. С. Пустовойт также порадовал непревзойденным сортом подсолнечника. Начальник инспектуры края по сортоиспытаниям В. В. Усенко чутьем профессионала уловил, сколь невиданная будущность ждет творения обоих селекционеров. В отличие от сдержанных в общем-то оценок и слов одобрения в адрес селекционеров на одном из краевых совещаний работников сельского хозяйства его смелость несколько смущала. Он заявил в своем выступлении, что все присутствующие в зале имеют счастье слышать о рождении двух шедевров, возможно и с мировым значением. На что Василий Степанович, вообще отличавшийся известным пунктуализмом и сдержанностью, когда докладчик занимал место рядом с ним, поморщился и сделал замечание. Какой, мол, еще шедевр, пусть покажет себя подсолнечник на практике, год-другой надо присмотреться.

Такая же примерно картина была и в Москве, когда Усенко докладывал присутствующим о том, что Безостая-1 представляет собой явление еще невиданное. Она способна давать, как показали испытания, на 15 центнеров с гектара больше по сравнению с Новоукраинкой-83. Председательствующий от удивления прервал выступление оратора и попросил повторить цифру. «Мы знаем, — сказал он, — что новые сорта способны дать на четыре-пять, ну на шесть центнеров с гектара больше стандарта. Но чтобы такое — на целых пятнадцать — не случилось этого, да и не может быть».

— На Кубани работают серьезные товарищи. И мы привыкли им верить. А вот то, что сейчас нам здесь рассказали, это оговорка или как понимать, товарищ Усенко? — спросил он под конец.

Пришлось еще раз отчетливо произнести цифру за цифрой. Последние слова заглушила бурная овация.

Павлом Пантелеймоновичем сорт этот создавался не один год и даже не десяток лет. Работы начались еще с 1935 года с Полиной Александровной, когда скрестили Канред-Фулькастер с Клейн-33. Уже родословная каждого из этих двух сортов не проста. Особенно сложна

генеалогия аргентинского сорта Клейн-33. Он был получен от скрещивания аргентинского сорта Венцедор с итальянским Ардито. Сорт Ардито, в то время всемирно известный как высокоурожайный, отличался ранним созреванием и имел короткую соломинку. Ардито был выведен Стрампелли путем скрещивания Ибридо-21 с отличающимся низкорослостью японским сортом Якомути, устойчивым к полеганию.

Аргентинский Венцедор произошел от скрещивания испанских сортов Рекорд и Барлета. Полученный гибрид отличался устойчивостью к ржавчине.

Итак, выведенный от скрещивания Канред-Фулькастера с Клейном-33 в 1944 году новый сорт Скороспелка-2 в том же году включается в скрещивание с сортом Лютесценс-17, выведенным на Верхнячской опытной станции. Шла кропотливая многолетняя работа по отбору нужных форм, по закреплению их за потомством. К сожалению, Полина Александровна вынуждена была расстаться с любимой работой в 1952 году. Здоровье не позволило ей продолжать начатое ими много лет назад дело. Но уже через год после ее ухода, в 1953 году, выведен сорт Безостая-4, на создание которого ушло у них немало времени и сил. Он успешно прошел государственные испытания и районирован в 1955 году. На кубанские поля готовилась шагнуть низкорослая, устойчивая к полеганию пшеница. Испытания на Краснодарской селекционной станции в те годы показали, что Безостая-4 имеет высоту стебля в среднем на 25 сантиметров ниже по сравнению с Новоукраинкой-84. Высота соломины достигала 100—110 сантиметров. Отличаясь значительно меньшей полегаемостью по сравнению с Новоукраинкой, сорт в среднем за четыре года (1952–1955) дал превышение по урожаю от 1,3 до 7,7 центнера с гектара. На Лабинском сортоучастке в отдельные годы Безостая-4 давала до 60,2 центнера с гектара (1952). Практика показала, что даже при урожае с гектара более 40 центнеров не наблюдалось полегания. Эта пшеница особенно хорошо проявила свои качества в увлажненных районах Краснодарского края. Не без гордости отмечал Павел Пантелеймонович, что «наряду с высокой урожайностью Безостая-4 отличается высокими физическими и мукомольно-пекарными качествами зерна и относится к сортам сильных пшениц».

В 1957 году, когда Безостая-4 уже занимала в крае 323 тысячи гектаров, в испытаниях находился новый, великолепно зарекомендовавший себя сорт. Он был значительно улучшен в результате широких индивидуальных отборов и отличался от исходного Безостая-4 не только по урожайности, но и, что самое важное, по пластичности. В первоначальных

испытаниях этот сорт именовался как Безостая-4/1. В дальнейшем он стал известен как Безостая-1. Предвидя будущее этого сорта, Лукьяненко писал в 1958 году, за год до районирования его: «...эта линия может стать основным сортом озимой пшеницы в Краснодарском крае». Время внесло свои коррективы в отношении этого прогноза — Безостая-1 распространилась не только по Краснодарскому краю, но и во многих странах мира, заняв площади, в общей сумме превышающие 13 миллионов гектаров. К тому же, по мысли венгерского ученого Шандора Райки, мало кто может обойтись при работе по скрещиванию пшениц без привлечения Безостой-1.

Характеризуя особенности физиологии нового сорта, Павел Пантелеймонович писал в № 1 журнала «Селекция и семеноводство» за 1961 год: «Безостая-1 относится к мягким пшеницам разновидности Лютесценс лесостепного экологического типа. Растения низкорослые с прочной, стойкой к полеганию соломиной и цилиндрическим колосом; широкие недлинные в начале вегетации светло-зеленые листья после выхода растений в трубку, так же как и стебли, покрываются очень интенсивным восковым налетом и приобретают оригинальную голубовато-белую окраску. Форма куста растений прямостоячая, кустистость общая и продуктивность высокая, урожай формируется в основном за счет довольно продуктивного колоса главного стебля».

Лукьяненко придерживался мнения, что продуктивность сорта можно определить наиболее верно, если учитывать число зерен с каждого колоса. Это его положение, которое он предлагал как критерий оценки на продуктивность, подтвердилось и на Безостой-1. Если прежние его сорта имели вес зерна с одного колоса такой: Новоукраинка-84 — 0,75 грамма, Скороспелка-3б — 0,79 грамма, Безостая-4 — 1,04 грамма, то у Безостой-1 он равнялся уже 1,12 грамма. Зерна Безостой-1 отличались тяжеловесностью, число их в колосе было значительно большим, чем у других сортов.

Сорт средне зимостойкий, поспевал на один-три дня раньше Новоукраинки-84. Проявил устойчивость в испытаниях к засушливым условиям. Если Скороспелка-3б практически никогда не поражалась бурой ржавчиной, то в этом отношении Безостая-1 несколько уступает ей.

В Безостой-1 Лукьяненко воплотил давнюю свою мечту — он добился того, чтобы как можно более благоприятным стало отношение зерна к соломе. Выход зерна по отношению к соломе стал достигать 40 процентов!

А сколько слов восторга было сказано в адрес Безостой-1, когда имели в виду ее чисто внешнее несходство с пшеницами, возделываемыми до

нее?! Когда наблюдали поле, готовое к уборке, то удивлению не было предела. Если старые сорта наливались, клонились к земле под тяжестью колосьев, то Безостая-1, имея колос, больший по весу, стояла как щетка с жесткими негнувшимися щетинками. И ни ветер, ни дождь не могут положить такие хлеба. Короткий и прочный стебель удерживает тяжелый колос.

Сорт отвечает требованиям механизированной уборки, оттого что зерно его «прочно закреплено в цветочных пленках и слабо осыпается», писал Павел Пантелеймонович.

Безостая-1 была первым в советской селекции сортом интенсивного типа. Уже к 1961 году передовые хозяйства Краснодарского края стали получать на полях, засеянных Безостой-1, урожаи в полтора-два раза выше, чем с полей, на которых возделывались прежде районированные сорта.

Да, Безостая-1... Сколько бы ни говорили об этом сорте, каких бы слов восторга и похвал ни написали, тем не менее вряд ли кто возьмется выразить истинное его значение одним точным словом. «Замечательный», «чудесный», «изумительный», «непревзойденный» — эти и другие эпитеты верны и приложимы к нему, но даже все вместе взятые они не до конца, не совсем исчерпывающе его характеризуют.

«СЧИТАЮ ДЛЯ СЕБЯ САМОЙ ВЫСШЕЙ ЧЕСТЬЮ»

Вечером 20 февраля 1964 года в обычный для него поздний час, как всегда просидев после ужина за письменным столом, — на сей раз Лукьяненко просматривал дневную корреспонденцию, затем вдыхал терпкий, как он ощущал сам, густой аромат любимой бунинской прозы. Наконец, отложив все это в сторону, принялся за то, что было главным на сегодня, к чему готовился уже не один день. Достал из ящичка стола несколько листов чистой бумаги, долго подбирал авторучку. И вот принялся составлять текст. В своей жизни ему пришлось исписать немало бумаги, целые горы, а вот такого не доводилось еще. Да и удастся ли выразить словом то, что творится в его душе?

После нескольких, отвергаемых один за другим вариантов только далеко за полночь лег перед ним лист бумаги с текстом, который и будет отправлен утром в Москву. Еще и еще раз он пробежал глазами написанное и наконец остался доволен. Удалось-таки в немногих словах выразить то, что так теснило грудь, о чем хотелось сказать: «Приношу глубокую

благодарность Центральному Комитету за оказанное мне доверие и прием меня в ряды КПСС без прохождения кандидатского стажа. Состоять членом великой Ленинской партии считаю для себя самой высокой честью.

Я постараюсь своим трудом оправдать оказанное мне доверие и буду счастлив отдать все свои силы делу партии, борьбе за победу коммунизма в нашей стране».

Давно пропели первые петухи в соседних дворах, стихла улица Октябрьская. За темными окнами стояла февральская ночь. На душе у него было светло. Вспомнилось разное — далекое и близкое. Как он был реалистом, и часто их с Василием по распутице подвозил старший брат Николай. Взобравшись на коня, усаживал заботливо одного впереди, другого сзади, и так добирались до училища. Кем стал бы брат, не умри он в тяжелом тридцать третьем? Колхозный бригадир, которого до сих пор поминают добрым словом станичные старожилы... Затем — Красная Армия, и помнит он себя переписчиком полковых бумаг, потом студенческая пора — лекции Пустовойта и Богдана, Захарова, Малигонова. Вспомнил Чечню и то, как он читал там первый раз «Казаков» и не мог поверить, что все люди, о которых писал Толстой, жили когда-то совсем рядом с Атагами — и Марьяна, и дедушка Брошка, и отважный Лукашка, и горцы — отчаянные джигиты... Под конец — страшная година войны и надежда — сын Гена, едва ступивший на порог юности...

Не было, казалось, в его жизни крутых поворотов, зигзагов, один день похож на другой, но многое промелькнуло перед ним тогда, самое важное же пришло под конец: дело его жизни, его труд не прошли даром, бесследно — все, что он делал, оказалось так нужным людям, нужным Родине, и он счастлив от такой судьбы. Потому что нет большего счастья человеку, чем стать полезным, нужным своему Отечеству. Тем более удастся если кому приумножить славу и богатство его. Испокон веку прочна этим и во все времена стоять потому будет держава наша!

Среди бумаг, лежащих в ящике его стола, Павел Пантелеймонович отвел небольшое место стопочке поздравлений. Эти несколько телеграмм, открыток и писем были дороги ему, так как напоминали о незабываемых событиях в его личной жизни.

Писали из Измаила:

«Вы человек пшеничный во всем значении этого слова на Земле. Сейчас нет человека, который не знал бы то жизненное значение для стола, которое имеет пшеница. Много чудесного и много прекрасного в истории человечества связано с этой, надо сказать, чародейкой нашей планеты. Вы отдали свои гуманные и здравые силы и мысли для этого дела. Большое и

сердечное спасибо Вам. Искренне поздравляем Вас с приемом в члены КПСС».

В другом письме он читал:

«Дорогой Павел Пантелеймонович! — Это обращался к нему Алексеев Петр Алексеевич. — Разрешите мне от всего сердца горячо поздравить Вас с большим событием в Вашей жизни, в жизни такой же большой и светлой, — с принятием в члены великой партии коммунистов. Желаю дальнейших успехов в Вашем плодотворном труде, счастья и крепкого здоровья на долгие годы.

Ваше имя хорошо известно всем сельским труженикам нашей орденоносной Чувашии.

В колхозах и совхозах республики с успехом возделываются сорта пшеницы, выведенные Вашими замечательными руками ученого-селекционера.

Я работаю пока кладовщиком республиканской базы № 2 «Сельхозтехника» на складе минеральных удобрений, являюсь заочником сельскохозяйственного техникума, готовлюсь в скором времени стать техником-механиком сельского хозяйства. В минувшем году я тоже был принят в великую семью коммунистов.

Цель моя — всегда быть достойным этого звания и оправдать его.

Еще раз поздравляю Вас, Павел Пантелеймонович, шлю мои самые наилучшие пожелания в Вашей жизни.

Приезжайте к нам, на родину космонавта А. Николаева. Будете желанным и дорогим гостем».

Чувашия... Родина «космонавта номер три» А. Николаева, только что завершившего свой полет. Вспомнился день 12 апреля 1961 года, полет Юрия Гагарина, когда всерьез подумалось о том времени, когда, быть может, станут засеивать пшеницей освоенные планеты. Ведь если будут люди жить там, значит, без хлеба не обойдутся! В конце концов, хлеб был, есть и всегда будет незаменимой пищей человека.

А в стопке поздравлений — еще одно письмо, от однокашника по реальному училищу Никиты Рыженкова:

«С большим наслаждением слушал по радио сообщение о том, что ЦК КПСС принял тебя в партию.

Прошу принять от меня самое сердечное поздравление со вступлением в члены Коммунистической партии.

Желаю тебе доброго здоровья, долгих лет жизни и успехов в твоей большой научной работе. Восхищаюсь твоими достижениями. При случае передавай привет твоему брату Василию».

1964 год был радостным для него вдвойне: тогда же его избрали действительным членом АН СССР. И в связи с этим он получил немало поздравлений.

И снова вспомнил друга юности Никита Рыженков. Он писал: «Горячо поздравляю тебя с избранием действительным членом АН СССР (состоявшееся 26 июня с. г.) и желаю тебе новых успехов в научном поиске, великом и полезном для страны.

Письмо твое я получил и очень рад ему, рад, что не забыл своего школьного товарища. Ведь мы последний раз виделись, когда оканчивали реальное училище в 1919 году.

Прошло 45 лет, а как светлы в памяти эти годы, когда мы учились в реальном училище, а после официальной части вечера собрались в квартире Ладыгина (где я квартировал вместе с Хазарьянцевым.) Утром следующего дня я уехал из Ивановской. После поступил в Политехнический институт в г. Краснодаре, его не окончил, работал в своей станице в школе II ступени преподавателем математики, потом изменил математику, стал работать преподавателем механизации сельского хозяйства в техникуме сельского хозяйства в городе Шацке (тогда Московской области). В Великую Отечественную войну 5 лет в армии, затем опять в техникуме в этом же городе. При очередной поездке в Краснодарский край заеду в Краснодар и при случае заверну к тебе. Хочу встретить тебя и прежних товарищей по училищу. Приятно вспомнить то время, когда были молоды, не прочь, чтобы это время начать сначала, но сие уже неповторимо».

Уже после октябрьских праздников из далекого воронежского села Ширяева пришла весть от Нины Андреевны Стукаловой. Это был ответ на письмо, отправленное им колхозникам этого села еще в начале марта 1964 года. Н. А. Стукалова писала:

«Когда я получила Ваше письмо, весть о нем с быстротою молнии разнеслась по селу. Его ждали. Чуть свет ко мне повалили во. двор колхозники. Просили прочесть. Я им прочитала. Старики неграмотные, как бы не доверяя мне, брали Ваше письмо в руки, вертели в руках. Родовались все, что ученый мир идет нам на помощь. Потом мы все, кто был во дворе, человек 70, повалили с письмом к председателю колхоза Дьякову Алексею Андреевичу. Дьяков у нас председателем недавно. Молодой, энергичный 33-летний председатель и поддержал нас, и Ваше письмо прочел со вниманием, но его не поддержали наши местные районные и областные кабинетные чиновники. Дьяков нам ответил: «Будем сеять обязательно!» А когда кинулись достать яровой пшеницы на посев, то оказалось, что ее в

области нет. Эти чиновники хотели от нас отбиться. Но не тут-то было... Мы узнали, что яровая пшеница есть... в Солонке. Поехала я к председателю Калачаевского райисполкома Копытину Александру Ефимовичу просить яровой пшеницы на посев. «Александр Ефимович, дайте нам на посев яровой пшеницы», — сказала я. А мне в ответ: «Что вы, что вы, не будем сеять яровую пшеницу. На посев ее в области нет, ее выедает черепашка, совка, долгоносик, и она у нас не родится».

А я ему в ответ: «Для черепашки, совки — химия! До каких пор вы нас будете горохом кормить? Народ боролся, три столетия лилась кровь за землю, за волю, за хлеб, а вы нас теперь горохом кормите?»

А он мне в ответ: «А разве горох плохой? Это вы не умеете горох варить. А ну как, расскажите мне, как вы варите горох?»

Копытин уселся поудобней в кресло и ждал, чтобы рассказать мне, как я не умею горох варить. Копытин улыбался, а я заплакала. Это слезы были не мои, не одной личности — это слезы народа. Вспомнишь, какие бои проходили на наших полях, и до того обидно становится, что на этой политой кровью земле стали сеять вместо яровой пшеницы горох. Издеваясь над нами, Копытин сказал:

— Не скрою, 7000 га вымерзло озимой пшеницы, мы эти 7000 га насеем ячменем и горохом...

Собрали мы с гектара по 6 центнеров. Теперь у нас 360 пудов своей пшеницы. При Вашей поддержке мы возродили яровую пшеницу. 360 пудов своей пшеницы — это на первый случай неплохо. Если ее вовремя и по-хозяйски посеять, то она даст теперь больше».

Далее в письме была изложена просьба к Павлу Пантелеймоновичу написать председателю колхоза Дьякову, одобрить его начинание с яровой пшеницей, выбрать свободную минуту и дать советы по агротехнике — нужна ли глубокая вспашка, на какую глубину вспахивать землю и т. п. А еще от имени колхозников Стукалова просила Лукьяненко выступить в Москве, поддержать с высокой трибуны посевы яровой пшеницы в Воронежской и других областях.

Горько было ему читать подобные строки, но они придавали ему уверенности, подстегивали в работе. Благодаря таким письмам он знал, как велика нужда земледельца в новых сортах, ценных рекомендациях ученых, и оттого торопил себя, работал с полным напряжением и возрастающим чувством ответственности.

Глава вторая

СТАРЫЙ СПОР

Именно в пору невиданной еще славы Безостой, когда, по выражению большого знатока сельского хозяйства и его проблем писателя Юрия Черниченко, гектары, засеянные Безостой, красноречиво свидетельствовали сами за себя, Лукьяненко выступил с изложением основ своего метода в журнале «Агробиология» (№ 2, 1965 г.).

Он обратил внимание читателей на усилившиеся в то время тенденции ставить на первый план теорию мутагенеза. Будучи блестящим практиком, он в первую очередь спрашивает сторонников метода мутагенеза пшеничных семян, где, когда и кто вывел новые сорта пшеницы таким путем. Пусть даже не в нашей стране. Но найдутся ли подобные примеры в мировой практике? И снова аргументы, против коих не возразишь: лучшие сорта мировой селекции опять же выведены традиционным способом — путем скрещивания, воспитания и отбора.

Если говорить о достижениях, ставших возможными благодаря этому методу в нашей стране, то можно упомянуть Новоукраинку-83, полученную от скрещивания сорта Украинка с канадским сортом яровой пшеницы Маркиз. Районированный в 1945 году, этот сорт отличался хорошей урожайностью (по тем временам) и хорошими мукомольно-хлебопекарными качествами. Достаточно напомнить, что в послевоенные годы сорт занимал площадь свыше миллиона гектаров.

А Безостая-1? В-ее родословной сорта из разных стран (Аргентина, Италия, США и другие).

Необязательно при скрещивании отдаленных эколого-географических форм сорта должны быть из разных стран. Хорошие результаты может давать и скрещивание наших, отечественных, географически отдаленных форм. Именно таким путем были получены Одесская-3 (академик Ф. Г. Кириченко, Л. П. Максимчук и другие), отличающийся высокой урожайностью и высеваемый на площади в 5 миллионов гектаров.

Быть может, лучшие сорта зарубежной селекции выведены особым, нам неизвестным путем? Нет, все тем же методом отдаленной гибридизации, методом отбора.

Всем известна роль японских сортов в выведении низкорослых,

высокоурожайных сортов. Сорт Сан Пасторе-14, к примеру, занимает в Италии основные площади посева; снискавший себе мировую славу канадский сорт Маркиз получен от скрещивания галицийского сорта Редфайф с индийской пшеницей. Словом, все лучшее, что создано в нашей стране, в странах Америки, Европы, — все это выведено традиционным методом скрещивания.

Лукьяненко приходит к выводу, что «гибридизация географически отдаленных форм является эффективным современным методом селекции, с помощью которого создаются наиболее жизнеспособные сорта, завоевавшие наиболее широкий ареал в производстве».

В этой фразе вся суть работы Лукьяненко в селекции. Результатом всех его достижений всегда было внедрение в производственную сферу сортов, выведенных под его руководством. Все это при обязательном, ощутимом в масштабах всей страны экономическом эффекте.

Лукьяненко считал самым важным достоинством метода гибридизации отдаленных эколого-географических форм тот факт, что он «позволяет планомерно, непрерывно повышать продуктивность сортов».

Говоря о Безостой-1, академик продолжал: «Сорт Безостая-1, районированный в 1959 году, дал в среднем за 6 лет по 50,6 ц с 1 га и превысил Новоукраинку-83 на 15,6 ц с 1 га или на 51 %, а сорт Украинка примерно в два раза».

И снова данные, на этот раз с Лабинского сортоучастка: «...урожай сорта Безостая-1 в 1962 году составил 65,8 центнера с 1 гектара, а Украинки — только 35,5 центнера, то есть здесь новый сорт дал прибавку урожая, составившую 30,3 центнера с 1 гектара».

Нет слов, трудно переоценить значение сорта Безостая-1. Вот что писал о нем сам Павел Пантелеймонович: «С внедрением в производство сорта Безостая передовые хозяйства Кубани почти удвоили урожайность и стали получать по 40 центнеров и более с 1 гектара, а площади, занятые этим сортом в производстве в 1969 году, составили около 6 млн. гектаров. Он является первым сортом озимой пшеницы советской селекции, который начал широко внедряться в ряде зарубежных стран (Румынии, Болгарии, Венгрии и др.). В некоторых из них он уже занимает свыше половины всех площадей посева пшеницы».

Но и это еще не все. Производственный успех Безостой-1, кроме всего прочего, был сопряжен и с другими выгодными сторонами. Как известно, полегание хлебов на протяжении всей истории возделывания пшениц на Кубани было тяжким бичом для земледельца. Казалось бы, и налились хлеба на славу, и вот-вот косить можно, а пройдет перед самой жатвой

ливень, ветром покрутит вдобавок ниву — и полег хлеб, доброй части урожая недосчитаются труженики. Все тут было виной тому — и тучный кубанский чернозем обвиняли, и избыток дождей, и слабую, тонкую да высоченную соломинку, которая не в силах удержать веса налитого колоса. А вот Безостая выдерживает — урожай в два раза выше предшествующих сортов, но она стоит, не кланяется никому — ни при ветре, ни под ливнями — как с гуся вода — за счет прочной соломины, за счет короткого стебля, за счет удивительной способности поглощать минеральные удобрения, а следовательно, и максимально укреплять свой организм, полностью мобилизовать все ресурсы на формирование тяжелого, полновесного колоса.

Лукьяненко, помимо всего прочего, утверждал, что способ отдаленной гибридизации таит в себе неисчерпаемые возможности. Дело в том, что от гибридов уже возделывающихся, уже запущенных в производство и занимающих большие площади, можно и должно получать новые сорта, более урожайные, более устойчивые к разного рода заболеваниям.

Этот способ имеет исключительно важное значение для селекции пшеницы, в то время как в практике выведения новых сортов кукурузы метод двойных межлинейных гибридов уже не дает желаемых результатов в деле повышения урожайности. Если использование подобного метода позволило на начальном этапе, как считали его сторонники, поднять урожайность кукурузы на 25–30 процентов, то теперь этого от уже новых гибридов ожидать не приходится, а о большей урожайности их можно говорить лишь в сравнении со старыми, уже давно не возделывающимися сортами. В селекции же пшеницы «метод скрещивания отдаленных географически форм и направленный отбор позволяют непрерывно повышать продуктивность сортов».

Уже в то время Лукьяненко и его сотрудниками были получены десятки новых линий, которые сулили быть перспективными — они превосходили Безостую-1 по весу зерна с одного колоса, сочетая этот важнейший показатель с устойчивостью к болезням, неполегаетостью, хорошим качеством зерна и т. д.

Павел Пантелеймонович никогда не замыкался в узком кругу своих научных пристрастий. И здесь, в этой своей статье, он остался верен себе. Отдавая предпочтение методу гибридизации отдаленных географически форм, он отдает должное и другим.

Да, ничто не стоит на месте, и никто не может поручиться за то, что способ, великолепно зарекомендовавший себя в течение даже не одного десятка лет, не устареет уже завтра. И потому Павел Пантелеймонович

обстоятельно и беспристрастно говорит и о другом пути в селекции — методе экспериментальных мутаций. В конце концов вопрос стоял так: ставить под угрозу самое главное, ради чего, собственно, и существует селекция — производство зерна, но зато дать дорогу прогрессивному, новому, сулящему переворот, и, возможно, коренной, в производственной сфере и в самой селекции пшеницы.

Дело в том, что на страницах наших газет и журналов стали появляться статьи, в которых последний метод стал преподноситься как чуть ли не панацея от всех бед.

Но во-первых — о новизне. Людям непосвященным могло показаться, что они являются свидетелями действительно нового, невиданного еще метода. Ничуть не бывало.

Еще в 1927 году, как пишет в своей статье Лукьяненко, опыты по экспериментальной мутации — воздействие рентгеновскими лучами на семена пшеницы — были проделаны у нас в СССР Л. Н. Делоне и в следующем году А. А. Сапегиным, затем этой работой начинают заниматься ученые США (Стадлер и др.), в Швеции (Х. Нильсон-Эле и О. Густавсон — конец 20-х годов).

И здесь неминуемо как бы сама собой напрашивается такая параллель — более сорока лет изучается искусственный мутагенез у пшеницы, и в этот же период примерно столько же применяется ставший давно традиционным метод гибридизации, воспитания и отбора. Но как же разнятся они между собой, как контрастны! Один по прошествии сорока лет все еще находится в стадии изучения, а другой шагает по планете, даря людям все новые и новые сорта, которые из лаборатории ученых перекочевывают в производство. И прав Лукьяненко, сделав вывод, что, несмотря на такой сравнительно большой промежуток времени — целых 40 лет! — ни одного сорта пшеницы ни в одной стране мира способом мутагенеза не выведено...

Еще Вавилов в свое время говорил о методе экспериментальных мутаций, «что рекомендовать этот метод для широкой селекционной практики пока нет оснований, тем более что внутривидовая и межвидовая гибридизация дает неизмеримо большие возможности для селекции. Теоретически, конечно, путь получения мутаций представляет большой интерес, и в этой области надо упорно работать некоторым из наших центральных учреждений. Возможно, будут найдены новые пути овладения изменением генотипа. Пока этот раздел находится в начале экспериментальной разработки».

Вавилов знал о том, что делается в селекции в этом направлении, и потому замечал, что «нельзя не отметить с точки зрения селекционера получение таким путем, преимущественно форм биологически малоценных. Подавляющее большинство форм уступают исходным родительским формам».

Как ученый, обладающий универсальными знаниями в области биологической науки, Вавилов был осведомлен и о том, что сторонники этой идеи уже в самом начале своих экспериментов пришли к единому мнению — о невозможности подменить главный метод селекции — гибридизацию и отбор — генными мутациями у пшеницы. При этом Вавилов ссылаясь на опыт таких американских исследователей, как Стадлер и Меллер, на опыт отечественного нашего ученого А. А. Сапегина.

От этого течения ожидали очень многого. Но прошло несколько десятилетий, а о каких-либо существенных достижениях говорить не приходится. Пока что подтвердился вывод Вавилова о том, что метод экспериментальных мутаций не дал того, чего от него хотели.

Лукьяненко, обращаясь к истории мировой селекции за четыре последних десятилетия, замечает, что новые сорта растений, полученные таким путем, исчисляются единицами, среди которых, однако, нет ни одного сорта пшеницы. Но и среди культур, относящихся к второстепенным, не встречаются сорта, выведенные с помощью мутаций и отличающиеся высокой урожайностью. Шведский опыт выведения подобным образом овса, превышающий предшествующие исходные формы продуктивностью на 6—10 процентов, показывает то, что, применяя традиционные методы в селекции, селекционеры этой страны вывели значительно более урожайные сорта, под которыми и находятся основные площади посева в Швеции.

Позиция Лукьяненко вызвала большой резонанс как в ученом мире, так и среди агрономов-практиков и тружеников села. Ему писали, отмечая его высокую гражданскую принципиальность в науке, в жизни, во всех делах.

Обращались к нему студенты, преподаватели и профессора. Это утверждало во мнении, что он отстаивает истину, и придавало сил.

Глава третья

ДЕЛА И ЛЮДИ

В октябре 1965 года Павел Пантелеймонович приехал к брату Василию на встречу выпускников Ивановского реального училища. Полвека пролетело!

Немало времени пронеслось над безвестной некогда станицей Ивановской с тех пор, кар проследовал через нее гонимый Пушкин. Говорят, сосланный за участие в декабрьском восстании сначала в Сибирь, а потом на Кавказ знаменитый в свое время Александр Бестужев-Марлинский писал здесь «Амалат-Бека». В какой-то из казачьих хат квартировал поручик Тенгинского полка Лермонтов. И пушка екатерининской эпохи, установленная напротив Дворца культуры, больше напоминала потемневший от времени самовар, нежели грозное в свою пору оружие. Напрасно силился представить себе в этот миг Павел Пантелеймонович сокрытое от него время — карапуз, удачно оседлавший немое жерло, никак не хотел расслышать, о чем настойчиво просит его молоденькая мамаша.

Тут же, неподалеку, стоит и другой памятник. Скромный, поставленный сразу после войны гражданской, он оштукатурен, выбелен известкой. А тогда, в те первые годы, его венчала фигура рабочего и крестьянина. Он припомнил рассказ отца о том, как этот памятник открывали. Со временем сооружение обветшало, и фигуры были сняты для ремонта и увезены то ли в Славянскую, то ли в Краснодар. Слышал он, что идут хлопоты, чтоб в ближайшем будущем восстановить этот дорогой сердцу каждого станичника обелиск в первозданном виде. И память о Никифоре Донцове, о кузнеце Григории Примушко, жене его, схваченной по дороге на Славянскую в августе восемнадцатого года покровцами, о земляках, имена которых он медленно прочитывал, по-стариковски щурясь, — обо всем том бурном времени память эта постукала в его сердце. Он отошел от братской могилы. Медленно ступая, успел отметить для себя, что на краю дороги, напротив обувного и хлебного магазинов, сиротливо стояла единственная подвода, а то все больше мотоциклы, мопеды, машины. Он не дошел до базарчика и свернул на улице Седина к дому, где жил теперь брат его Василий. Названа так она в память о борце за народное

счастье, который жил здесь в начале века, затем переехал в Екатеринодар, перед революцией был редактором большевистской газеты «Прикубанская правда». Как и сыну его Глебу, не довелось Митрофану Карповичу дожить до народной победы. Оборвала ее белогвардейская пуля в восемнадцатом году...

Стояла глубокая осень. Но за голубым частоколом забора он сразу же увидел буйство георгинов, кустики японской вишни, рядки винограда, где висели нетронутые кисти, оставленные на случай его приезда. Сквозь листву он угадал несколько ульев и подумал: «Только сейчас, на пенсии, вспомнил Василий про занятие и увлечение отца и деда. Еще один пасечник в нашем роду!» К калитке спешила Анна Григорьевна, жена Василия.

Отшумели встреча и шутки, и позади шумное усаживание перед фотоаппаратом, разговор со старшим братом Петром. Оставил он теперь свою работу колхозного весовщика. На стене хаты прикрепят памятную дощечку с надписью, чтоб всякому любопытному прохожему довелось прочесть о том, что проживает здесь почетный колхозник. Оттрудился... Но все еще крепок и в силе, в своем, как говорят, уме...

Возвращались в Краснодар сразу же после обеда — надо было заглянуть в институт. На переднем сиденье рядом с шофером сидел учитель пения Иван Павлович Лявин. Судьба оказалась немилосердной к нему — с годами ослеп, и не узнать теперь того жизнерадостного, подвижного Ивана Павловича, который обучал их в реальном.

Сидящий рядом с ним односельчанин Г. Е. Сердюков мало-помалу разговорился и, пока ехали по прямой асфальтированной дороге на Краснодар, успел напомнить Павлу Пантелеймоновичу далекое время юности.

— Деникин приближался к Кубани, и дела белого воинства с каждым днем становились все хуже. Дезертирство началось повальное. Белые вот-вот собирались объявить мобилизацию и учащейся молодежи.

Я был постарше вас всех и знал, что меня могут призвать сразу же после летних каникул. Платон Николаевич говорил со мной об этом не раз, так как я был его помощником в классе — учился, как вы помните, неплохо, это мне давалось легко. Если б не Зедгинидзе, не знаю, смог бы я доучиться или бросил. Отец мой в Динской был драгале^[14], зарабатывал маловато, и мне приходилось туго. Да еще за квартиру платить надо. Вот мне и порекомендовал наш классный наставник двоих отстающих подтягивать, сынков торговца одного. Мне сначала непонятно было, как это можно за репетиции еще и деньги брать. Но Платон Николаевич строго мне

приказал, чтоб плату назначил самую высокую, иначе отец их не посчитает репетитора солидным и знающим свое дело. Благодаря репетиторству я и смог доучиться в реальном...

За окном машины двигались и отлетали прочь перепаханые на зиму клетки полей, темно зеленела люцерна, нежились на недолгом солнышке озими. Давно миновали абрикосовую лесополосу. Перед машиной взлетали и застывали на месте в порыве налетевшего ветра похожие цветом на засохшие чернила грачи, на макушках самых высоких деревьев раскачивались белобокие сороки. Все это невольно отмечал зоркий глаз Павла Пантелеймоновича. А сосед той порой продолжал:

— Отец мой как чувствовал. Зачем, говорит, тебе самому ехать? Мы с матерью подвезем тебя до Ивановской. Ты пойди проведай, что там и как в станице, а мы подождем тебя здесь. Чтоб домой поехать спокойно.

Ну, добрались благополучно, остались на подводе отец с матерью ждать.

Нет, Павел Пантелеймонович, мне и до сих пор кажется, что у меня на роду было написано счастье. Только вхожу я в станицу, навстречу мне Зедгинидзе. Как он испугается! Поташил меня к забору и говорит: «Ну, где твоя голова? Да тебя уже ждут не дождутся со дня на день. Тебе надо явиться на призывной пункт».

Тут я назад, ходу из станицы. Прибегаю к отцу с матерью, а они только увидели меня, как заплачут, — запричитают оба в один голос.

Развернули подводу на Динскую. Там я побыл несколько дней, да кто-то донес, и меня записали вольноопределяющимся. Повезли в Армавир. Добрался туда, стал присматриваться. Узнал, что скоро пошлют нас под Царицын. Помнил все время наказ батки — чуть что, бежать домой, а там найдется место на хуторах, пока красные придут. Уже все видели, что белым осталось жить недолго. Раздобыл я чистые бланки у адъютанта на увольнение, попал на вокзал. И тут началось. Куда подойти, с кем заговорить? Я в погонах вольноопределяющегося — с солдатами как будто не положено быть на одной ноге, а офицерам я тоже не пара. Поезда ждать надо было часа три, ну я и подсел все же к офицерам. Они в карты играли, не обратили на меня никакого внимания. Предложили чай, я отказался. Не знаю, как я дождался отправления на Екатеринодар, как вошел в купе. Ехал вместе с полковником. Он долго присматривался ко мне, потом стал вовсе костерить казаков за то, что они откололись от добровольцев, обещал перевешать всю раду. Объявили проверку документов, и я понял, что близко город и надо, пока не поздно, спрыгнуть с поезда. Так и сделал. Представляю, как бранился полковник, когда я так и не вернулся к нему в

купе из туалета.

Страшно вспоминать про ту пору. Чего только мне не пришлось пережить тогда! И девушкой переодевался — стыдно говорить, и в этом наряде по старенькому мостику переходил на другой берег, и в погребке насадился — всего пережил! Ох и время было — только вспомнить...

А под Новый год пришло письмо от Василия. Неугомонный характер у брата. Вот и теперь хлопочет, от имени всех выпускников реального училища надумал поздравить их любимца и первого наставника:

«Попалась приличная папка цвета бордо. С ней я пошел к граверу, и он мне к папке прикрепил металлическую планку, на которой выгравировал: «Платону Николаевичу Зедгинидзе в день 85-летия 25—2—66 года...»

Не знаю, как для тебя, но для меня и для всех, с кем я обменялся мнениями, встреча оказалась прямо-таки потрясающе-радостным событием. Она заинтересовала многих учителей и учеников бывшей нашей школы, которую мы посетили 10 октября вечером. Это было воскресенье, и все яке много учителей и учеников собралось в школе для встречи с нами.

В районной газете появилась заметка об этом событии «Через полвека», и даже краевое радио сообщило о состоявшейся нашей встрече...»

ЗЕМЛЯ РОЖАЕТ

Есть на Кубани места, особенно дорогие для Павла Пантелеймоновича. К ним и отношение у него особое. Там, где в Кубань впадает Лаба, на плодородных черноземных угодьях раскинулись гектары колхоза, о котором и пойдет речь. Вернее, о бригадире колхозном Михаиле Клепикове. Человек это цельный, в этих местах и родился, идея и увлеченность у него одна — земля.

Не секрет, что Лукьяненко, как никто другой, умел продвигать свои сорта в жизнь. И в этом тоже был его немалый талант. Попробуйте уговорите хлеборобов, внушите им, что сорт ваш сулит им выгоды! Сомнительно очень, чтобы так вот взяли да и поверили на слово. Надо, мол, еще попробовать, как оно будет на практике, надо присмотреться к сорту, «обкатать» его в условиях производства. Отсюда и неспешность, и постороннему глазу кажущаяся нерасторопность. Но за всем этим кроется ответственность хозяина прежде всего. У него план, с него будут спрашивать, от него зависят судьбы людей. А рисковать судьбами — кто же

это возьмется?

Но Павлу Пантелеймоновичу верили. Он кого угодно мог уговорить внедрять свои сорта, и от этого все были в выигрыше.

В его работе второстепенного, лишнего никогда не было. Все важно — и сорт вывести, и дать ему путевку в жизнь, и доказать его преимущество.

Вот почему он до последнего своего дня вникал во все мелочи сам. Ежедневно, приходя на работу, лично расставлял не только сотрудников лабораторий, но всех рядовых исполнителей на делянках в поле. И так день за днем, год за годом. Лично разъяснял, показывал и контролировал, перепроверял и сверял. Так проделывалась вся работа — от самых, казалось бы, мелочей до тончайших измерений и наблюдений. И все это не из желания «власть употребить», не из недоверия, а оттого, что ко всякой работе своей, к обязанностям приучен был с детства относиться честно, боковых ходов не искал, а упрямо шел своей трудной дорогой.

Если говорить о земле, то к ней отношение у Павла Пантелеймоновича было особое. Это была та «самая жгучая, самая кровная связь», говоря словами поэта, от предков в наследство доставшаяся связь с землей-кормилицей, матушкой нашей землей.

Разговор ученого с известным всей стране рационализатором, бригадиром комплексной бригады Усть-Лабинского колхоза, задавшимся на ту пору достичь трехсотпудового урожая, был неспешным, обстоятельным. Говорили о том, что волновало каждого из них. И не только их. Был 1965 год. Наше сельское хозяйство, освобождаясь от последствий субъективизма, волюнтаризма, начало перестраиваться на новый лад. Этому в решающей степени способствовал мартовский Пленум ЦК КПСС и его решения.

Лукияненко интересовало, как относятся люди к Безостой-1. До него дошли слухи, что кое-кто даже у Клепикова сомневался в превосходных качествах ее, что она-де как таковая вовсе и не является «сильной» пшеницей и тому подобное. Клепиков и его бригада осуществляли на практике рекомендации ученого, и поэтому он дознавался, требуя прямого и честного ответа на свой вопрос. Немало наслышан он о том, что и почвы, мол, истощаются, и агротехника возделывания новых сортов несовершенна, да и сам сорт Безостая-1 не так уж и хорош. Но более всего интересовал Павла Пантелеймоновича вопрос о предшественниках, о том, после каких культур засеивалась Безостая-1 и какие урожаи она дает.

Клепиковская практика как нельзя лучше убеждала, и это еще и еще раз утвердило его во мнении, что не получить качественного зерна, особенно если имеешь дело с Безостой-1, когда будешь сеять ее после того,

как возделывались либо кукуруза, либо подсолнечник, да и вообще пропашные предшественники. Дело можно поправить, если вносить в период колошения нужное количество азотных удобрений. Но лучший хлеб — по пару, по травам. Здесь Безостая-1 дает превосходное по качеству зерно.

И как было не восторгаться Павлу Пантелеймоновичу, как не потеплеть глазам его, слушая рассказ Михаила Клепикова — и потому еще, что был тот ровесником погибшего сына его Гены, но главное — видел Лукьяненко, что судьба сорта попала в руки крепкие и надежные. Такому можно всегда верить, не подведет.

Михаил же Клепиков запомнил навсегда и для себя отметил то особенное, бережное отношение к земле, которое как нельзя лучше характеризует внимание заботливого хозяина ко всякому живому существу. Шел разговор об урожае. Клепиков замахивался на неслыханное — наметили его хлопцы по триста пудов взять с гектара, то есть по пятьдесят центнеров.

— Надеемся получить, — сказал Клепиков.

— Получить? Принять, Михаил Иванович. Как у нас говорят? Произвести столько-то пудов с гектара... Получить столько-то центнеров... а земля не производит, друзья мои. Она рожает. Земледелец, хлебороб помогают ей в этой материнской ее миссии.

Вот в это «не производить», «не получить», а «земля рожает» много смысла. вложено Павлом Пантелеймоновичем. И главное тут, что земля — живой организм, надо соблюдать законы ее жизни, не нарушать их, а, зная, использовать. Но не быть, однако, всего лишь алчным потребителем. Не «бороться с природой», не «покорять» ее, хвастаясь своими победами, а жить в кровной связи с ней, помогая ей в «материнской ее миссии». Мысль далеко не праздная, особенно в наши дни...

В Москве проходил XXIII съезд нашей партии. Впервые в своей жизни Павел Пантелеймонович был делегатом высшего партийного форума.

Кого только не встретил он тогда! И с кем бы ни говорил, у всех одна общая тема — как сделать жизнь нашего народа еще краше, что надо сделать для улучшения сельского хозяйства. Жил он в гостинице «Москва». И вот в один из вечеров, когда он присел отдохнуть в холле, к нему подошла уже немолодая женщина. Он, кажется, где-то видел ее, но сразу не мог припомнить где. И лишь когда она первая обратилась к нему, он тут же спросил:

— Вы Малинина?

— Она самая, — подтвердила она с той необыкновенной простотой, какая может быть только у людей очень честных и порядочных.

Немало он слышал и читал в газетах об этой удивительной русской женщине, которой гордится по праву наша страна. Вот уже сколько лет возглавляет она колхоз «12-й Октябрь» в Костромской области и нет лучше ее хозяйства, нет богаче по всей области. Немало ей пришлось пережить и выстрадать. Шутка ли — идти с родным колхозом с самого первого шага хозяйства?! Первый орден Ленина получен ею в 1944 году за участие колхоза в выведении знаменитой костромской породы.

— А мы с вами коллеги к тому же, Прасковья Андреевна, — заметил Лукьяненко, — вы тоже имеете отношение к селекции, только в области животноводства.

— А как же? Потому мне и интересно с вами говорить сейчас — мы ведь тоже сколько труда положили, когда буренушек своих выхаживали...

И дальше рассказывала — удивительный рассказчик Малинина... Про военное лихолетье и про голодные годы после войны. Разруха, голодно и холодно — бабы в плуги впрягались и пахали, пахали...

Он всматривался в черты ее лица и глазам не верил. Сколько ей лет? Нет, глаза у Малининой полны света, бодрости и веры. Годы не смогли ничего с ней поделать — такая же все боевая, все так же полна надежд и планов — о своем колхозе как рассказывала!

Долго они проговорили с ней в тот вечер. И в шутку ли, всерьез, но предложил он тогда попробовать сеять в костромском колхозе Безостую-1.

О многом было переговорено, и осталось у Павла Пантелеймоновича впечатление от встречи с настоящей русской женщиной — из тех, о которых Некрасов еще писал...

Не думал, не гадал, конечно, Павел Пантелеймонович, что эта замечательная русская крестьянка через много лет найдет все же случай побывать в Краснодаре, на его родине, и обязательно приедет в институт, где работал. Войдет, когда его уже не будет в живых, в его рабочий кабинет, превращенный в музей, станет рассматривать вещи, фотографии, документы, образцы пшениц, выведенных под его руководством. И напишет потом в книге отзывов простые слова, замечательные, идущие от самого сердца слова — там же писали о выдающемся ученом и космонавте — «хочется преклонить свою голову перед величием человека, который столько сделал для увеличения урожайности пшеницы», и члены иностранных делегаций, группы учащихся, колхозников, — там Прасковья Андреевна оставила свои слова: «...Мне выпало большое счастье побывать в Краснодаре и быть в институте ученых, где работал тов. Лукьяненко П. П.

Ведь с Павлом Пантелеймоновичем встречалась я в гостинице «Москва», когда была на XXIII съезде. Он многое рассказал о своей работе и рекомендовал его сорта пшеницы сеять у нас в Костромской области, и я никогда не забуду его слова...»

А вскоре после съезда, когда Павел Пантелеймонович вернулся в Краснодар, снова пришло письмо из родной станицы от брата. Василий Пантелеймонович писал, что, когда он был в Москве, они со старшим братом Петром собирались навестить к нему после съезда. Затем излагалось письмо из Тбилиси, где сын Платона Николаевича Зедгинидзе рассказывал о чествовании отца, как пришло поздравление восьмидесятипятилетнему учителю из Ивановской. Были тосты за кубанцев, многочисленная родня пела и плясала. Заканчивалось письмо брату так:

«Дальше он писал, что у него об Ивановской сохранились хорошие впечатления, когда «и макуха казалась вкуснее хлеба», и изготовление чернил из бузины, и походы с тазами и кастрюлями для шума против саранчи, и многое другое...».

Глава четвертая

ПАМЯТЬ

Запомнился Павлу Пантелеймоновичу один из последних приездов в Ивановскую. То было в последних числах августа, в холодный воскресный полдень. Пошли они с братом Василием к одному из многочисленных родичей, долгожителю станицы Ивану Пантелеймоновичу Рижко, благо дома их неподалеку, в двух шагах один от другого.

Они застали Ивана Пантелеймоновича во дворе — он вышел к ним, отряхивая вилы, — уже десятый десяток пошел, а только что перекапывал, готовил к зиме виноградные междурядья.

Длинный чистенький старик, глаза голубые и светлые. Белая-белая борода, усы, голова — все белое.

— Доброго здоровья, Иван Пантелеймонович!

— День добрый, Василий Пантелеймонович. А кто это с тобой, что-то не помню? Или вижу плохо? Беда!

— Брат мой, Павел.

— А, академик, тот, что в Краснодаре живет... Ну, пройдемте в хату, чего ж тут. — И он, как бы извиняясь, развел руками.

Сидя на табуретке, Павел Пантелеймонович слушал, как этот много повидавший на своем веку человек отвечал на вопросы Василия. Ушел Рижко Иван Пантелеймонович на службу в 1900 году. Подумать только — его еще и на свете не было! Полк стоял в Тифлисе. Служить пошел грамотным — к тому времени кончил пять классов. Конечно, тогда таких среди казаков на пальцах пересчитать можно было. В сотне только четверо могли читать-писать письма. Главное занятие там — обучать джигитовке. Трудно представить сейчас, но тогда-то он чудеса творил — на коня, когда тот полным наметом идет, мог во весь рост встать, а иногда, если удавалось, после этого схватывал шапку с земли на всем скаку. Получал призы на смотрах и играх, именное оружие, серебряные часы «Павел Буре» вручали не раз. Большое дело для полка сделал — столько обучил джигитовке. Не все ж умели...

Когда ходил в школу, классный наставник выпорол его раз за то, что отец не успел оказать учителю какой-то нужной ему услуги. Строгий был вообще человек — чуть что, бил линейкой, ребром по ладони!

— А кого вы из родни нашей помните? — спросил Василий.

— Деда вашего, — отвечал он тут же. — Да кто же его не знал?! Работник был — во! И все у него водилось. Ты спроси лучше — чего у него не было? — И, пригибая несильные уже пальцы один за другим, перечислил: — Отара овечек, хоть маленькая?.. Имелась. — Он победно пригнул мизинец. — Пчелками занимался? А как же! Все, помню, хлопотал с дуплянками своими да с ульями. Так и ждали, как праздник придет, медовый спас, — идем к нему прямо из церкви. Да и на яблочного спаса по двору на зеленом шпорышу выстилал дорожками ряднинки, тарелочки наставлял с медом, и всем, кто ни пришел, — угощение! И когда это он успевал все? У него и байдочка там на лимане плавала своя — побежит, вентерю повытрусит — и есть у него рыбка. Никогда рыбу не заготавливали, не жадничали, а ловили по надобности только, чтоб на сегодня-завтра, а там свеженькой иди подлови. Трудягой жил ваш дед.

Тогда я жил не здесь, да и ваш дом не там строился, где сейчас батькин стоит. То есть не знаю, стоит ли, я давно не хожу никуда дальше двора. Вы в другом месте жили, там, за лиманом, Петро и Николай родились в нем, а ты уже в новом родился, ты не помнишь. И Павло там родился.

ЭТАПЫ РАБОТЫ

Большую часть жизни Лукьяненко посвятил работе с мягкими пшеницами. И достиг в этом деле выдающихся успехов. Когда, случалось, ему говорили, что твердые пшеницы, быть может, могли быть все же предпочтительнее в условиях Кубани, потому что из них, мол, и хлеб получается высшего качества, и на макароны они годятся, то он только хмурился, но спокойствия не терял. А сомневающимся советовал обратиться к крупнейшему знатоку жизни пшеничного растения профессору Носатовскому, который писал по этому поводу:

«В русской, особенно популярной, литературе подчеркиваются более высокие хлебопекарные достоинства твердых пшениц по сравнению с мягкими. Исследования Всесоюзного института растениеводства показывают, что это утверждение неверно. Кроме того, хлеб из твердой пшеницы быстрее черствеет, чем из мягкой.

На юге Советского Союза, где возделываются твердые пшеницы, население издавна выращивало твердые пшеницы для продажи, а мягкие — для собственного потребления».

Для Лукьяненко мягкие пшеницы стали, вне сомнения,

перспективными. Как и предпочтительнее оказались гибридные формы, причем озимые, а не яровые. И именно гибридные. Это, конечно, не было новостью в биологической науке, так как полностью соответствовало дарвиновскому утверждению о том, что самоопыление, притом в условиях природы длительное, представляет собой несомненный вред. Объяснение этому довольно простое — при самоопылении каждое новое поколение все в большей степени теряет от своих приспособительных возможностей, постепенно происходит неминуемое обеднение наследственной основы.

Совсем другое дело — поколения от семян, полученных в результате перекрестного опыления. Такие семена, как правило, отличаются повышенной урожайностью и большей устойчивостью к неблагоприятным условиям среды. Эти сорта лучше зимуют, они более устойчивы к различного рода заболеваниям.

Развивая метод скрещивания отдаленных географически форм, Лукьяненко уже в самом начале своего пути в селекции творчески применил его при скрещивании пшеницы.

Существовавший до этого способ опыления был малоэффективным и трудоемким. К тому же следует принять во внимание то, что сам процесс скрещивания крайне ограничен во времени (период от опыления до оплодотворения у пшеницы продолжается не более трех часов), Лукьяненко был впервые применен и предложен уже знакомый читателю метод, который впоследствии стал известен среди специалистов как «бутылочный».

И все же, как известно, произвести скрещивание двух сортов — это еще далеко не начало нового сорта. Пройдут годы и годы, прежде чем селекционер сможет убедить себя в том, что он только подошел к созданию нового сорта. Но и это еще полпути. С делянок института сорт должен перебраться на государственные сортоучастки, там зарекомендовать себя в условиях, приближенных к производственным. И только после таких испытаний сорт сможет внедряться в производство.

Но бывает, когда сорта приходится снимать с производства уже после внедрения их на поля. К сожалению, случаи подобного рода нередки, и потому ответственность за создаваемые сорта непременно отличала Лукьяненко — и тогда, когда он только что начал свой путь в селекции, и позже, когда в него уверовали до той степени, что и мысли не допускали, будто может с новым сортом случиться, непредвиденное. Его осмотрительность, житейскую мудрость в этом вопросе отождествляли порой с чертами характера в последние годы — некоторой замкнутостью, неприязнью к пустословию и излишней трескотне и парадности.

Многие годы Павла Пантелеймоновича интересовал вопрос: сколько качеств должен заметить селекционер у нового сорта? Много. Но есть главные, те, без которых не будет путевки в жизнь. Прежде всего это то, ради чего создается сорт, — он обязан обладать более высокой урожайностью, продуктивностью по сравнению с уже районированными. Как правило, в довоенные и первые послевоенные годы при урожайности нового сорта всего лишь на 1–2 центнера с гектара больше, чем у прежних, он уже получал «зеленую улицу». Теперь к этому вопросу подход иной. За последние годы требования к селекции значительно изменились. Только гарантированная прибавка урожая на 5–6 центнеров с 1 гектара (как минимум) сможет обеспечить будущее новому сорту пшеницы.

Однако продуктивность зависит от многих причин — от погоды в первую очередь. Например, перезимовка хлебных растений. От того, как озимые хлеба перенесут зиму, зависит, по существу, будущий урожай. И в этом вопросе есть много неясного, не до конца выясненного до сих пор.

Известны в практике случаи полного сохранения пшеничных посевов даже после того, как температура зимой доходила без малого до сорока градусов мороза, притом без снегового покрова. Но после внезапных оттепелей, а затем по возвращении холодов растения погибали от незначительных морозов. Это явление специалисты объясняют тем, что сорт во время зимней оттепели, обладая высокой чувствительностью к потеплению, вышел из состояния покоя и стал расти. Возвратятся морозы, пусть незначительные, и застигнут растения врасплох. Исследователи считают, что энергия роста в весенне-зимний и ранний весенний сроки должна быть сведена на нет. Отсюда правило: чем более морозостоек сорт, тем меньший прирост у него.

К сожалению, до сих пор на большой территории нашей страны наблюдаются случаи вымерзания озимых хлебов, что заставляет весной производить дополнительные затраты, подсеять озимые хлеба яровыми.

Павлу Пантелеймоновичу известно, что его сорта не отличаются повышенной зимостойкостью, он знает, как много внимания исследователи уделяли вопросу подготовки пшеничного растения к условиям зимовки, вопросу закалки и сколько еще здесь загадок. Большая заслуга в разработке этого вопроса принадлежит нашим советским ученым Максимову, Туманову, Васильеву. Книга Васильева была переведена на английский язык и издана в Англии.

Туманов, например, считает, что закалка состоит из двух процессов. Первая фаза закалки — растение в условиях задержанного роста накапливает сахара путем ассимиляции и снижает трату их на дыхание. Это

накопление в растении ведет к повышению морозоустойчивости. Протекает она на свету при температуре минус 15— 0°. Туманов прав, утверждая, что эти температуры и являются благоприятными для закалки.

Вторую фазу он связывает с периодом действия температуры и света. Растение, пройдя первую фазу закалки, вторую проходит при более пониженных температурах, теперь около нуля. В этот период уменьшается содержание воды в растении, что также приводит к повышению концентрации клеточного сока.

Пониженное содержание воды в клетках растений считается одним из факторов морозостойкости.

Что ж, в результате исследований специалисты пришли к выводу, что зимостойкость более высокая у растений, содержащих меньше воды в своих клетках.

Но это только теория и один из признаков, по которому следует вести отбор для будущего сорта пшеницы...

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

По наблюдениям фенологов, последние дни мая в Краснодаре уже не принадлежат весне. И хотя они отмечены бывают последним пышным всплеском — цветением белой акации, это уже не новизна острых зеленых стрелок гиацинтов с нарциссами и тюльпанами, не легкость газовых косынок на плакучих ивах — в душном дурмане белой каши чувствуется дыхание азиатской жары...

Цвела белая акация. Она разносила по городу пряный приторный запах. Множество фонарей освещало кинотеатр, и массивные круглые колонны его четко вырисовывались на фоне темной бахромы высоких деревьев. В кронах громко кричал сверчок, соревнуясь и забивая скрежет трамвайного вагона на повороте к виадуку. После духоты зрительного зала воздух показался особенно чистым и влажным. Такой бывает только ранним утром в далеком поле. На кончиках свисающих веток акации сверкали живые светлые капли. Просочившись под чугунное литье решеток водосточных ям, где-то внизу еще журчала последняя вода. Под ногами уже лежала успевшая съежиться и пожелтеть вчера еще медовая кашка. То тут, то там на глаза попадались яркие конфетные обертки, окурки, затоптанные коробки «Примы», бумажки от мороженого «Пломбир».

Остановка трамвая пестрела от черных зонтов и разодетой молодежи. Да, был то конец мая. Цвела тогда белая акация. В акациях громко кричал

сверчок, соревнуясь и забивая скрежет вагонов на повороте к виадуку.

«Отцветет пшеница, и начнется лето», — подумалось ему, когда он вошел в трамвай. На табло стадиона светились цифры 0:0. За виадуком, на зеленых лужайках прогуливали овчарок, и боксеров, и собак всяческих иных пород.

Возле желтой пивной бочки роились неумные любители. Громоздились в небо огни телевизионной вышки, повиснув там красными пятнами.

В который раз поймал он себя на мысли о хлебе и приказал себе думать о другом. Сразу же обступили его кадры фильма Кристиана Жака, который только что посмотрел. И сразу на него дохнуло смрадом и спесью нацизма, сытого, тупого и наглого.

— Я сказал — Сенека! — эти слова нацистского офицера, беспардонно ввалившегося на вечеринку французов, долго не шли из головы Павла Пантелеймоновича в тот вечер.

И когда он шел мимо памятника Победы, раскинувшего крылья солдатской накидки под двумя вековыми дубами, замершими в почетном карауле, на него, как и всегда в подобных случаях, нахлынула волна воспоминаний о сыне. То как сидел тот еще совсем маленьким у него на коленях — было это на берегу моря в Анапе — и просил еще и еще раз «покатать на лошадке», а то уже крепким, хорошо сложенным юношей, на вид чуть старше своего возраста. И как однажды его по бугорку снега разыскала мать, привезла домой на подводе, на которой ездила встречать детей из школы, и его долго растирали сухим жгучим снегом, потом надевали вязанные шерстяные носки и поили горячим чаем...

— Я сказал — Сенека! — И волчья морда нациста, отвратительно ослабившись, отлетела во тьму...

Он уснул наконец, подложив ладонь под левую щеку.

СЛУГА НАРОДА

Дел все прибавлялось с годами. В их числе — дела депутатские. Немаловажное значение Павел Пантелеймонович придавал этой работе. Ведь это часть его гражданской совести — жить интересами и заботами людей, верящих ему, надеющихся на него, что он придет на помощь, не отмахнется, не отложит в долгий ящик. Никто не упрекнет его — вход к нему в кабинет всегда свободен. Никто и никогда не высиживает в его приемной часами — он знает цену времени и потому ценит его у других.

Всякий, начиная от простого рабочего и вплоть до самых высокопоставленных, может входить к нему и являться попросту, без каких-либо церемоний. Слух о его доступности и душевной щедрости разнесся по кубанской земле, и вот уже к нему тянутся люди, совершенно не имеющие никакого отношения ни к институту, ни к нему самому. Иногда среди них оказывались те, кто оступился, свернул с правильной дороги — и им охотно подавал руку Лукьяненко, разумеется, строго взыскивая с них за содеянное.

Один молодой человек обращался к нему в сентябре 1969 года с такими словами:

«В 1965 г. окончил семь классов в дневной школе и в связи с материальными трудностями поступил на предприятие. Нас в семье трое, я самый старший, отца у нас нет, так что матери с нами было нелегко. Я рано вышел из-под ее контроля, перестал прислушиваться к ее советам. Это стало сильно проявляться, когда я поступил на работу. Хотелось казаться старшим, т. е. самостоятельным, что ли, стал курить, понемногу выпивать. Преступление случилось в октябре 1967 г.

Будучи здесь, я все трезво проанализировал и взвесил, понял, что прежде всего во всем виноват сам. Как известно, человек не рождается преступником, он им становится в силу определенных обстоятельств... Пробыв здесь год и три месяца, я не имею ни одного нарушения режима содержания, отлично работаю.

В честь 50-летия ВЛКСМ мне присвоено звание «Передовик производства», участвую в общественной жизни колонии, заканчиваю 8-й класс, учусь хорошо. В будущем мечтаю получить среднетехническое образование и жить как миллионы советских людей. И я Вас очень прошу помочь мне, если Вам не безразлична судьба запутавшегося человека».

«Надо помочь этому парню», — решает Павел Пантелеймонович. Кривая дорожка никому еще пути истинного не указывала, а если человек тянется к лучшему, если понял свои ошибки, такому следует протянуть руку. И он пишет ему слова ободрения и мужества, искренне желает до конца разобраться в своей жизни.

Читая депутатскую почту, Лукьяненко с благодарностью помнил о том, что народ не раз оказывал ему свое доверие. Он избирался депутатом и краевого и Верховного Советов. В последние годы представлял трудящихся Майкопского избирательного округа в Верховном Совете СССР. В Майкоп теперь приезжал не только по делам научным, но и для исполнения своих депутатских обязанностей. За него единодушно отдавали свои голоса и русские, и украинцы, все жители многонационального города. И конечно,

адыгейцы. Давно канули в вечность времена, когда задавленных нуждой, голодом и нищетой, обуреваемых религиозными предрассудками горцев стравливали с казаками, а казаков с горцами власть имущие. Сегодня адыгейский народ, опираясь на плечо старшего брата — великого русского народа, строит новую счастливую жизнь.

К своим депутатским полномочиям Павел Пантелеймонович относился серьезно, с пониманием их значимости и ответственности. Если к нему обращаются, значит, нуждаются люди в его поддержке, помощи, защите от несправедливости. Как не помочь, к примеру, пенсионерке, проработавшей более двадцати лет на одном предприятии ушедшей отсюда на заслуженный отдых. Просит она теперь разрешения на постройку сарайчика для хранения дров, а ей отказывают. Разве такой человек не заслужил более внимательного к себе отношения? Или вот — в детском садике более ста детей, но хранить продукты для пищеблока негде. Неужели нельзя помочь им приобрести, на худой конец, холодильник «ЗИЛ-Москва»?! Нужно решать и такие проблемы! И появляются на бланке депутата Верховного Совета СССР слова с просьбой, советом, пожеланиями.

В последний день, когда ушел Павел Пантелеймонович с работы и уже больше никогда не вернулся в свой кабинет, среди прочих бумаг, среди неоконченных полевых журналов и заметок он оставил листок с наброском заявления об оказании помощи и предоставлении квартиры агроному, работавшему тогда на одном из сортоучастков края.

ВЕЛИКИЙ ПОЧВОВЕД

Не за тридевять земель, но все же не рукой подать от Кубани до Кировоградской области. Тем приятнее было чувство волнения, когда Павел Пантелеймонович читал письмо с Украины. Не потому только, что писали именно к нему, а оттого, что слова, высказанные в письме, навели высокие мысли. Да и как могло быть иначе?! Одно дело, когда о Докучаеве он слышал из уст одного из любимейших своих учителей, Захарова, и совсем иное — если об этом удивительном человеке — и через полвека! — напомнили ему простые колхозники. Значит, недаром прошла вся жизнь Василия Васильевича, выходит, идеи его и сегодня жизненно важны.

Хлеборобы с Украины писали ему, что их колхоз находится на границе лесостепи и степи. Хозяйство расположено на плодородных черноземах. Однако скудное количество осадков, частые суховеи нередко были

причиной низких урожаев. Но труженики полей не сидели сложа руки. На землях, занимаемых их хозяйством, в конце прошлого века по инициативе Докучаева были заложены лесополосы площадью около тридцати гектаров. Колхозники хорошо оценили значение лесополос, и за годы Советской власти на всей территории был создан мощный заслон на пути суховеев. В хозяйстве давно поняли, что насаждения играют не последнюю роль в повышении урожайности сельскохозяйственных культур.

Из этого письма Павел Пантелеймонович узнал, что в знак благодарности Докучаеву в Доме культуры колхоза колхозники решили открыть докучаевскую комнату, где собираются установить его бюст и стенд с портретами видных ученых нашей страны, посвятивших свою жизнь развитию сельскохозяйственной науки.

И далее объясняли, зачем понадобился и его портрет, непременно с дарственной надписью. Он читал строку за строкой, и думы его были о сорте и его возможностях при соблюдении севооборота и, наконец, о людях, претворяющих в жизнь вековые мечты:

«...выведенный Вами сорт озимой пшеницы Безостая-1, выращиваемый с 1965 года на всей площади посева в колхозе, самая высокоурожайная среди всех сортов озимой пшеницы, возделываемых в нашем хозяйстве.

Колхозники нашего колхоза убедились, что выведенный Вами сорт Безостая-1 сделал революцию в производстве ценнейшей продовольственной культуры — озимой пшеницы.

Уважаемый Павел Пантелеймонович, еще раз убедительно просим Вас выслать свой портрет...»

Имя Василия Васильевича Докучаева было так же свято для него, как и имена Тимирязева, Мичурина, Вавилова, навсегда оставшихся гордостью отечественной науки. Оно было дорого ему с юношеских лет.

Его особенно поразила — давно, когда он еще был учеником Ивановского реального училища, — книга Апостолова «Географический очерк Кубанской области» и, в частности, одно место — он его запомнил тогда наизусть и при случае нередко цитировал своим молодым сотрудникам: «Редко можно найти во всем мире такую богатую страну, которая была бы одарена в почвенном отношении богаче Кубанской области...»

Он знал с детства труд землепашца, труд в поте лица от зари до зари, познал цену хлебу, любил степь трудной, верной любовью, но первое, так сказать, теоретическое обоснование, первое философское обобщение относительно родной степи, о ценности и богатстве ее он вычитал в

хорошей старой книжке. Оттуда же он узнал, что давным-давно, в незапамятные, теперь уже почти сказочные времена, на Кубань приезжал знаменитый почвовед Василий Васильевич Докучаев, учение которого он затем досконально освоил в институте и прекрасно помнил, многие строки из его научных трудов.

Павел Пантелеймонович шагал среди колосющейся пшеницы — от участка к участку, от поля к полю, вдыхал знойный степной воздух, медово веющий над землей, слушал и высокую трель жаворонка, и работу тракторных моторов. И вдруг до реальности зримо представил и самого Докучаева, и весь его давний путь, проделанный в августе 1878 года по бурьянной кубанской степи. В памяти всплыли целые куски из книги гениального почвоведом «Южные окраины Черноземной России: «Мне лично удалось пересечь поперек (около 300 верст с запада на восток) почти всю землю черноморских казаков, начиная от Тамани и кончая станицей Кавказской... Как известно, почтовый тракт протекает здесь по наиболее высокой местности, вдоль правого берега Кубани, по водоразделу между ней и рядом речонков, направляющихся отсюда на северо-запад к Азовскому морю и оканчивающихся там большей частью глухими лиманами».

И Павел Пантелеймонович в который раз воочию представил себе весь колоссальный, невероятный труд подвиг, совершенный одним удивительным русским человеком — Василием Васильевичем Докучаевым, труд, который под силу разве что большому коллективу! Образ Докучаева, его незабвенные труды, его лихорадочная, поспешная жизнь, будто он боялся не успеть завершить задуманное, скромный, но оттого не менее великий научный подвиг ученого непременно давали ему новый прилив творческих сил, всегда вдохновляли, восхищали, делали собственную его жизнь, работу и борьбу более целенаправленной, а душу — мужественной...

Пшеничные колосья, подобно крепышам-карапузам, каждый своим тугим и плотным тельцем тянулись к его рукам, и он, поглаживая их на ходу по головкам, огляделся вокруг, «Ишь ты! Заливается как!» — вслух подумалось Павлу Пантелеймоновичу. Прикрыв глаза ладонью, он тщетно пытался высмотреть в бездонной сини незримого небесного певуна.

В РОДНЫХ СТЕНАХ

Павел Пантелеймонович никак не ожидал, что день его семидесятилетия будет отмечаться столь широко и торжественно. Приехали

из Ивановской братья Петр и Василий. Гости из Москвы, Ленинграда, из Киева, из многих областей и республик. Многочисленные телеграммы, поздравления по телефону из многих городов страны от ученых, колхозников, от незнакомых людей. Он так переволновался в тот день, что не смог досидеть до конца торжественного заседания. И когда исполнивший текст поздравительной песенки артист склонился с эстрады, чтобы вручить юбиляру на память слова, он не увидел Лукьяненко ни в первом, ни во втором ряду.

На другой день, сидя вечером дома, он пригласил своего друга Владимира Васильевича Усенко. Тот принес с собой необыкновенный подарок. В течение нескольких последних лет он снимал Павла Пантелеймоновича незаметно и во время поездок по краю, и в дни работы различных симпозиумов и конференций, в моменты встреч с зарубежными учеными.

Усевшись поудобнее, он попросил начинать. Цветной этот фильм действительно лучшее из того, что осталось теперь для нас об академике Лукьяненко. Вот он осматривает великолепное поле озимых хлебов и, как настоящий хозяин волнующегося под ласковым ветром массива, сливается с ним, и мы видим как бы одно неразлучимое целое, словно поле и он вместе с ним являют собой единую плоть... Много приятного промелькнуло перед его взором, но вот, наконец, увидев себя в кадре, он попросил вернуть его:

— Владимир Васильевич, это кто?! Неужели я такой толстый стал?! И когда ты меня видишь, я тоже тебе кажусь таким?

— Да нет, Павел Пантелеймонович, вы вовсе не такой уж толстый, как вам представляется. А если и полный, тоже не беда, думаю, что любите, наверно, хлеб из Безостой, да?! — нашелся Усенко.

И оба расхохотались.

День 70-летия запомнился Павлу Пантелеймоновичу еще и тем, что поздравить его в институт пришел и давний приятель его Иван Сергеевич Косенко, профессор Кубанского сельскохозяйственного института. Большой знаток и друг зеленого мира, он в знак глубокого уважения к Лукьяненко, его заслугам и подвигу предложил Павлу Пантелеймоновичу принять от него подарок — саженец секвойи, растения с далекого Американского континента. Дерево это считают символом долголетия: посадит его человек и станет жить столько, сколько будет расти этот исполин.

Угодья Кубанского сельскохозяйственного института примыкают вплотную к землям их исследовательского учреждения. Место под него —

было отведено в начале шестидесятых годов на тогдашней окраине Краснодара. Теперь же здесь ничего не узнать. Стараниями таких энтузиастов, как Иван Сергеевич Косенко, бессменного директора дендрария Ирины Александровны Уманцевой, работников института, деятельным участием студентов на сравнительно небольшой площади, занимаемой парком, возник своего рода ботанический сад.

По красоте и количеству видов растений нет, пожалуй, во всем зеленом городе места, которое можно было бы сравнить с этим чудом. Здесь хорошо прижились деревья и кустарники, собранные со всех концов земли. Сосны из Крыма, Грузии, реликтовые сосны — выходцы из далеких тысячелетий. А сколько видов можжевельника! Многие его разновидности сравнивают с кипарисом. И не зря. Конечно, стелющиеся стволы можжевельника донского или казачьего ни с чем другим не сравнишь и не спутаешь. Строгие ряды голубых елей далеко вокруг себя пропитывают воздух горьковато-лимонным ароматом. Аккуратно пострижены бордюрчики из туи и падуба. В любую пору изысканно-благородны самшитовые куртины. Платановые аллеи, кленовые, липовые, великолепные розарии, плантации сирени, посадки дуба черешчатого и пирамидального. В искусственных озерах к осени расцветают нежные лотосы, плавают кувшинки.

Круглый год в оранжереях института благоухают и плодоносят тропические цветы и деревья — там и ананасы, и дынное дерево, и гроздь бананов, золотятся на кронах апельсины, лимоны, мандарины. Великолепная лаборатория для исследовательской работы, для практики! С первыми днями института нынешние времена и сравнивать нечего: есть здесь два учебно-опытных хозяйства — одно животноводческое, другое растениеводческого направления. А сколько молодых людей из Азии, Африки, Латинской Америки теперь приезжает обучаться самой мирной профессии на Земле!

Несмотря на занятость, не раз и не два довелось Павлу Пантелеймоновичу в последние годы побывать в этом учебном заведении. Его избрали здесь членом ученого совета, да и по другим делам заходил нередко: его аспиранты учились в институте, а студенты проходили практику у них. Выступал он и с лекциями. И всякий раз в этих стенах посещала его какая-то неясная мысль. Быть может, чего-то все же сельскохозяйственному институту недостает? Нет, справедливо называют самый крупный в республике, да и не только в ней одной, сельскохозяйственный вуз «кузницей кадров». Готовят в нем специалистов не только для Кубани, но и для всей зоны Северного Кавказа. Учатся здесь

студенты Украины, Казахстана, Поволжья. Партия и правительство не жалеют средств для укрепления материальной базы института, открываются новые факультеты. Ученые много делают для того, чтобы в колхозах и совхозах были отлажены и введены в действие самые передовые технологические процессы, внедряют свои изобретения в производство. Среди профессорско-преподавательского состава есть авторы учебников, по которым обучаются студенты сельскохозяйственных вузов страны. Это так.

А перед глазами плыли одна за другой картины из прошлого, трудного времени, сценки из его студенческой жизни. Они преклонялись перед ними, своими наставниками, души не чаяли в профессоре Захарове, уже тогда как на кудесника смотрели на Пустовойта, надо же — на руках пронесли до самой теплушки отъезжающего на работу в Крым профессора Лойдиса?! И, глядя на переходящих по длинным коридорам с лекции на лекцию сегодняшних студентов, подумал: «Поклоняются же сегодня кому-то и они, перед кем-то благоговеют!»

Кажется, совсем недавно здесь трудился профессор Носатовский. На протяжении многих лет Павел Пантелеймонович трудился с ним бок о бок.

Антон Иванович Носатовский... Что знал он о нем? Уроженец станицы Гнилоаксайской, долгое время работал в Донском сельскохозяйственном институте. Перебравшись на Кубань, с 1937 года возглавлял в Краснодаре кафедру растениеводства. Носатовский продолжал и в новых для него условиях исследования, которым была посвящена вся предыдущая работа на Дону. Это были разработки вопросов биологии и агротехники яровой и озимой пшеницы.

В 1943 году, весной, по возвращении из эвакуации Антон Иванович застал полностью уничтоженные лаборатории. Начинать пришлось, как и всем, с нуля.

Вспомнилось время после эвакуации, те редкие случайные встречи на конференциях и деланках, находившихся по соседству. Видел он тогда Антона Ивановича осунувшимся и разбитым. Знал Павел Пантелеймонович, что в эти минуты мучает Носатовского сердечный приступ, — чувства отца, потерявшего сына, никогда не притупятся, и это так знакомо ему...

В первые же годы после войны Носатовский дал теоретическое обоснование оптимальным срокам посевов озимой пшеницы на Кубани, внес предложение о бесплужной подготовке под озимую пшеницу по пропашным предшественникам. Эта идея нашла потом широкое применение в сельскохозяйственной практике.

Лукьяненко хорошо знал и ценил вклад, внесенный профессором Носатовским в копилку отечественной сельскохозяйственной науки. Потому и с особым вниманием отнесся к его книге, когда та вышла вторым изданием в Москве. Он писал в предисловии к ней:

«Среди работ по биологии пшеницы монография профессора, доктора сельскохозяйственных наук А. И. Носатовского «Пшеница (биология)» является наиболее полной. В ней излагаются результаты тридцатилетней работы автора по культуре пшеницы. В работе с достаточной полнотой обобщены исследования и других ученых страны, посвященные биологии этой культуры.

Монография получила высокую оценку среди ученых и агрономических работников производства. Она была переиздана в Китае, Польше и Венгрии. В настоящее время монография А. И. Носатовского «Пшеница» стала библиографической редкостью...»

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Глава первая

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Молодежь стала тянуться в Краснодар и из других стран. Несколько лет провел в исследовательском институте венгерский аспирант Ласло Сунич. Он уехал в родную Венгрию и будет там на практике применять опыт, который перенял от самого Лукьяненко в Краснодаре. Прошло время, и вот он пишет своему учителю письмо, полное теплоты и благодарности. Из него Павел Пантелеймонович узнал, что его питомец уже работает в Мартонвашаре в отделе селекции, рядом с ним трудится и его жена Людмила, она также занимается селекцией. Как это здорово, когда и жена идет по жизни бок о бок с мужем — каждую минуту чувствуешь ее поддержку и совет! Это он знал по своему опыту. Было приятно узнать о том, что Суничи получили хорошую квартиру, Павел Пантелеймонович улыбнулся, когда прочел, что Ласло теперь живет «в пяти минутах ходьбы от главного корпуса института». Он живо представил себе эти места, в которых довелось побывать не один раз, — и музей Бетховена, где, по преданию, композитор давал уроки музыки, и старинные здания, стены коих до самых крыш увиты зеленью, и потому видна только красная черепичная крыша да окна. Представил своего давнего доброго друга Шандора Райки, как они с ним ездили в Ивановскую посмотреть хату, где он родился. Давно никто не живет в этом длинном строении начала века. Заглянули в окна — там все та же русская печка, а за ней кладовка. Двери и окна выкрашены все той же темно-синей масляной краской, и только две иконы, составленные на пол — одна большая, другая поменьше, — напоминали о чужих людях, еще недавно живших здесь. Да пара пыльных кирзовых сапог и масса окурков разной величины — вот что осталось на месте шумной и веселой детской его жизни, когда в прохладе высоких тополей таилась иволга и в чистый родниковый голос нет-нет да и врывался ее резкий вскрик. На сухую макушку старой шелковицы прилетела серая горlinka, и далеко вокруг в горячем солнечном свете разносится ее скороговорка. На камышовой гребешок сарайчика присядет, порхая, угод, сверкнет белыми пестринками оперения и золотом короны. Издали и не разберешь, как линия длинного клюва переходит в острый хохолок. У самого входа в конюшню выются шилохвостые ласточки, с

забора взлетает и виснет над землей, часто мельтеша крылышками, серый сорокопут, высматривая добычу. Полдень. Белеет от солнца в такой час густая лебеда вокруг сухой навозной кучи, вянет крапива за сараем, а под плетнем, купаясь в золе, терпеливо сзывает цыплят квочка. Неподалеку, стоя на одной ноге и зорко поглядывая по сторонам оранжевым глазом, нехотя вскрикивает петух...

Отогнав нахлынувшие видения, Лукьяненко вернулся к письму. Ласло Сунич писал, что еще во время работы в Сегедском институте он предложил выпустить книгу о Лукьяненко с включением некоторых статей ученого...

И конечно же, как и все селекционеры, его воспитанник пишет с тревогой о погоде и о состоянии посевов: «Посевную кончили. Но осень очень неблагоприятная. Всходы плохие, если где появились. Но почти везде зерно лежит в земле. Уже два с половиной месяца нет дождей. Как бы нужен был дождь!»

И наконец, строки письма, что заставили пережить те минуты, какие знакомы всем учителям и врачам — людям, ставящим человека на ноги и возвращающим им жизнь, исцеляющим недуги. «Дорогой Павел Пантелеймонович! Мне очень приятно вспоминать время, когда я мог быть в Вашем отделе, работать и учиться под Вашим руководством. Ваши советы всегда были своевременны и очень-очень мне необходимы. Жаль, что это хорошее время прошло. Оно, пожалуй, было самым лучшим». И он вспомнил, как сам когда-то благоговел перед профессором Богданом, сколь обязан был, и всегда это чувствовал, Пустовойту тем, что во многом благодаря их примеру и влиянию выбрал свою дорогу раз и навсегда. Поэтому слова, написанные ему венгерским аспирантом, стали так близки и памятны ему, так хорошо знакомы!

Нужно сказать здесь, что этот год принес ему немало доброго. Уже в начале 1971 года он получил письмо с благодарностью от работников ордена Ленина совхоза «Кубань» Кавказского района. Оно дорого ему не только потому, что это знак уважения и внимания. Было здесь что-то более важное. Вот что писал Павел Пантелеймонович в ответном письме:

«...Я радуюсь и горячо поздравляю вас с большой победой — преодолением рубежа урожайности озимой пшеницы в 50 центнеров с гектара! По 53,2 центнера с гектара этой культуры на всей площади еще никто никогда у нас не получал. Это поистине богатырский урожай!

При посещении вашего хозяйства в прошлом году на меня произвели большое впечатление чарующий вид ваших пшеничных полей и любовно выхоженные чеканные квадраты пропашных культур».

В наш век науки и техники мало кто удивляется, быть может, даже самым высоким урожаям. А Павел Пантелеймонович как никто иной знал тяжесть и ответственность крестьянского труда, потому что с детства усвоил, что где-где, а на поле булки не растут. Оттого он и продолжает письмо, памятуя, что земля и хлеб требуют неусыпной заботы и ласки, они как привередливое капризное дитя:

«Да, видно, любят ваши люди землю и растения! Иначе таких полей и такого урожая не было бы».

Наконец-то приходит время, когда его сорта, дающие на сортоучастках при испытаниях урожаи до 80 и более центнеров с гектара, и в производственных посевах стали превышать пятидесятицентнеровый рубеж. Велика сила сорта, но и он, оказывается, еще не все решает. Теперь особенно стало важно, чтобы каждый занятый производством хлеба понимал и знал хорошо жизнь почвы и жизнь растения, его особенности на определенных стадиях и т. д. Только тогда возможен максимум отдачи.

А то ведь доходит и до курьезов. Выйдет на трибуну какой-нибудь руководитель хозяйства и говорит, что вот, мол, в этом году какой урожай слабый — чуть больше двадцати центнеров Безостой-1, собрали. Надо бы, неплохо бы, говорят, заполучить и новый, более урожайный сорт. Вот тогда и поговорим, возьмем и покажем себя!..

Хмурясь, Лукьяненко слушал подобные выступления, да и думал: «Какая огромная разница! 80 центнеров с гектара на сортоучастке и 20, ну пусть 30 в производственных условиях. Всего 30! Надо искать выход». А тут и выработка четких, обязательных для каждой зоны, каждого хозяйства сроков посевов. Чего греха таить, сеют ведь кое-где все еще от сентября до декабря. Как тут не вспомнить ответ М. И. Калинина на вопрос колхозника, когда лучше сеять хлеб: «Лучше всего в один день посеять». Уже давно известно, что слишком ранние августовские посевы приводят к снижению урожайности, да и качество хлеба страдает — растения подвергаются нападению разного рода хлебных вредителей, к зиме они, как правило, перерастают, плохо закаляются. В результате хлеб часто вымерзает на больших площадях.

Павел Пантелеймонович знает, что и поздний посев также приводит к отрицательным последствиям. Растения не успевают набрать силы и погибают на больших площадях, а бывают случаи и почти полной гибели озимой. Выход один. Сеять надо в оптимальные сроки, чтобы растения смогли хорошо подготовиться к зимовке и с наступлением весны тронуться в рост.

Другой путь, считает он, — это совершенствование агротехники

возделываемой культуры. Если специалисты всех уровней справятся с этими задачами — высокий урожай гарантирован. Слов нет, никто не застрахован пока от вечно изменяющихся погодных условий. Здесь, разумеется, год на год не приходится. И все же практика, опыт говорят только об одном — у того, кто правильно использует агротехнические приемы, где вовремя сеют и убирают, выполняют рекомендации ученых, там и в самый, казалось бы, трудный по погодным условиям год собирают урожаи намного большие, чем в хозяйствах, где по каким-либо причинам хотя бы в какой-то мере не соблюдаются уже перечисленные требования.

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Селекция пшеницы давно уже перешагнула границы между странами и стала делом интернациональным. Нет теперь, пожалуй, уголка на земном шаре, где бы селекционеры брались за создание нового сорта, не зная и не используя достижений в этой области в других странах — на Западе ли, на Востоке. Да и зачем повторять путь, пройденный уже до тебя, зачем изобретать колесо, когда оно уже есть? Это одна сторона дела. А вот чувства и стремления помочь не только своему народу иметь гарантированные урожаи с хлебного поля, но и облегчить участь миллионов страждущих в так называемых странах развивающихся — этим руководствуются все в большей мере виднейшие селекционеры планеты, отдавая подчас всю энергию, весь энтузиазм свой выполнению благороднейшей задачи — решению хлебной проблемы.

Павел Пантелеймонович в последние годы стал обращать внимание на подвижническую деятельность одного из самых заметных селекционеров в области выведения новых сортов яровой пшеницы мексиканского ученого Нормана Борлауга. Он ценил его и как неутомимого труженика, замечательного организатора и оптимиста, создавшего в условиях Мексики короткостебельные высокоурожайные сорта яровой пшеницы, который стяжал себе славу отца «зеленой революции».

Все началось с того, что Борлауг передал в дар индийскому народу 100 килограммов семян выведенной им пшеницы. Через несколько лет ученые Индии, Пакистана и Филиппин, проведя огромную работу по адаптации и внедрению в производство предоставленных им сортов, смогли наконец передать семена долгожданной культуры на обширные поливные поля. Весь мир заговорил об успехах в этих странах как о начале «пшеничного переворота», а досужие западные журналисты пустили в оборот

прижившийся на страницах газет и журналов термин «зеленая революция».

В 1971 году корреспондент «Литературной газеты» обратился к Павлу Пантелеймоновичу с просьбой прокомментировать, что же такое представляет собою «зеленая революция».

Конечно, существо вопроса, как никому другому, Лукьяненко было понятным. Кому, как не ему, пристально следившему за всеми достижениями в мировой практической селекции, столь близок и понятен этот вопрос. Тем более что с Норманом Борлаугом он не раз встречался на симпозиумах и конгрессах. Мексиканский селекционер приезжал и в Краснодар, чтобы своими глазами посмотреть на «чудодея» Лукьяненко на той самой земле, где у него год за годом выходят на поля сорта, удивляющие мир. Что ни говори, а мексиканские сорта дают всего лишь до тридцати центнеров с гектара (это потолок), а лукьяненкоовские порой и за шестьдесят, особенно последние — Аврора и Кавказ. Да и Революция в Индии и Пакистане смогла увеличить урожайность только до тринадцати с половиной центнеров с гектара, всего в два раза больше, чем прежде.

Думая о Борлауге, Лукьяненко высказал в интервью корреспонденту «Литературной газеты» замечательную мысль. Она давно волновала его, и он не мог об этом не упомянуть:

«Надо сказать, что в прессе часто появляются статьи о научных открытиях и технических новинках. Конечно, новейший сверхзвуковой лайнер и обнаружение новой атомной частицы — события важные и интересные. Но вот о работах селекционеров пишут мало — вроде бы тема не романтическая, а в новом сорте пшеницы не так зримо воплощены достижения прогресса, как, скажем, в синхрофазотроне диаметром в два километра.

Однако беспрецедентное решение Нобелевского комитета, присудившего премию агроному, доказывает, что в колосе сегодняшнего хлеба — в том, какова его урожайность, где он растет, кого накормит — сконцентрирована не только научная мысль, но и ее мировая значимость. Сегодняшний хлеб — плод совместных усилий ученых всех стран, их международного сотрудничества, имеющего свою историю».

Сам Павел Пантелеймонович много сил и энергии в последние годы своей жизни отдал международному сотрудничеству в области селекции пшеницы. Об этой стороне его деятельности свидетельствуют как многочисленные поездки к зарубежным коллегам, так и визиты в Краснодар делегаций из многих стран, то участие, которое он принимал в работе международных симпозиумов, и неоспорим большой личный вклад, привнесенный нашим замечательным ученым в это дело. Он много

размышлял о развитии контактов между селекционерами, связей, призванных служить не только взаимному пониманию и сотрудничеству, но и служащих единой, общей для селекционеров всех стран цели — продвижению селекции по пути дальнейшего прогресса. Как человек высокого гражданского долга, коммунист, он мыслил масштабно, заглядывая далеко вперед. «Ведь конечная цель всего человечества, — говорил он, — избавить население нашей планеты от постоянной угрозы голода, от постоянного недоедания, которые, к великому сожалению, испытывает на Земле один миллиард человек. И вовсе не перенаселение является причиной бедствий теперешнего и будущего поколений в большинстве развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Тяжелое наследие колониализма и тот социальный строй, позволяющий незначительным в процентном отношении социальным группам завладеть в конце концов результатами общественного производства, являются этой причиной. Тут мало что решает филантропическая деятельность, пусть и ярко одаренных, честных личностей. Даже таких, как, скажем, Норман Борлауг... Нужны коренные социальные преобразования общественного строя, как это имело место у нас. Прежде всего это решит многие кричащие проблемы «третьего мира». А там уже слово и за селекцией, когда вплотную можно будет приступить к решению продовольственной проблемы».

Да, селекционеры всего мира должны наконец объединить свои усилия, делиться информацией о своих достижениях, поставив на службу человечеству все свои знания и немаловажные открытия. Этой вот идеей и руководствовался Лукьяненко, отправляясь на конгрессы и симпозиумы, будь то София или Прага, Лондон или Париж, Анкара или Шведская королевская сельскохозяйственная академия.

Глава вторая

ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ

Всего три дня ему довелось пробыть в Париже. Жить пришлось в небольшой гостинице «L’Avenir», где все напоминало XVIII век. И только лифт, в который они попадали, войдя во двор, был «гостем» двадцатого столетия. Рядом, совсем неподалеку, Люксембургский сад. Говорят, это сердце Латинского квартала, в котором обитают студенты.

В свободное время после шумного дня вдвоем с дочерью они отправлялись прогуляться по бульвару Сен-Мишель. Тут же знаменитая на весь свет Сорбонна. По бульвару прохаживаются «миди» и «макси», «мини» и чопорные франты в костюмах классического покроя — от всего этого смешения и пестроты рябит в глазах. На решетке у метро спят несколько молодых людей довольно-таки странного обличья — предлинные волосы, живописные лохмотья, долженствующие, по видимому, означать лишь то, что эти особы все же одеты. Возлежащих хиппи полиция безуспешно пытается препроводить подальше от столь людного места...

Да, весел, беззаботен Париж по вечерам, когда манит прохожих загадочным мерцаньем свечей, роскошными витринами дорогих магазинов. Вот люди сидят за столиками кафе, что расположились прямо на тротуаре. Часами потягивают они через соломинку аперитив и абсент и кажутся неотъемлемой частью городского пейзажа. А тут вдруг смолкли струны гитары, и парень, только что исполнявший нехитрые песенки, обходит круг слушающих с беретом в руке. Звон гитарных струн сменяет иной звук. Это падают мелкие монеты — награда за импровизацию. Не раз наблюдали они с дочерью Ольгой такие сцены и в метро, и в парках столичного города.

И только на другое утро, когда отправлялись в Версаль, где находилась опытная станция, они увидели другой Париж. Теперь он наблюдал то, что буднично и понятно. Вереницы автомобилей самых разных марок и габаритов вдруг скапливаются то там, то здесь, образуют глухие пробки. В длинных шлейфах отработанного газа надолго безмолвствуют заокеанские лимузины и роскошные «ситроены», из окон которых с задних сидений тоскливо поглядывают холеные псы, покорно выжидают демократические «рено» и «пежо». Не без гордости парижские гиды рассказывают им, что

площадь всех машин Парижа больше площади улиц города. Кажется, все от мала до велика уехали за руль и мчат неведомо куда.

На набережной Сены у букиниста они среди старинных томиков и фолиантов увидели и русские книги — Бунина, Шмелева, Ремизова. Улучив минутку, смогли выбраться к Эйфелевой башне. Вместе с дочерью Павел Пантелеймонович поднялся на вторую ее площадку, откуда они смогли полюбоваться панорамой ночного города. На Монмартре задержались у громадины Сакр-Кёр и там вплотную столкнулись со знаменитой парижской богемой. Со всех концов света съезжаются сюда безвестные пока художники, писатели, артисты — искать себе славы. Запомнились почему-то гарсоны с красными полотенцами, и красные же зонты над столиками уличного кафе, да то, как ходили в Лувр, посмотрели наконец «Джоконду».

Во все время той поездки во Францию, особенно находясь в пути, он непременно что-нибудь обдумывал. И тогда, когда непосредственно выполнял свое дело, встречаясь с французскими коллегами, и по дороге в Версаль или Дижон, или на существующую уже более двухсот лет селекционную фирму Вильморен, об основателях которой читал еще до войны у Николая Ивановича Вавилова, и когда девушка-гид, она же шофер, выпив перед дорогой порцию аперитива, как ни в чем не бывало садилась за руль, и они мчались на изрядной скорости, не нарушая, к счастью, дорожных правил. Десять дней, с третьего по двенадцатое июня 1971 года, находился Павел Пантелеймонович во Франции. Он приехал сюда работать, знакомиться с методами получения высокоурожайных сортов пшеницы.

За это короткое время ему удалось посетить Национальный центр научных исследований по сельскому хозяйству в Париже, Центральную опытную станцию генетики и улучшения растений в Версале, опытные станции Центра сельскохозяйственных исследований в Клермон-Ферране, Монте-Лимаре, Дижоне и, конечно, знаменитую фирму Вильморен.

В Версале Лукьяненко заинтересовался методикой выращивания растений в теплицах. В Клермон-Ферране обратил внимание на новейшие карликовые сорта пшеницы, собранные из разных стран мира. Он отметил в своей записной книжке, что эти сорта можно порекомендовать нашему ВИРу для пополнения коллекции. Тогда же, во время той поездки, он отмечает, что шведское оборудование для ускоренного определения лизина с применением красителя может представить определенный интерес для наших исследовательских учреждений. По мнению Павла Пантелеймоновича, заслуживает внимания при селекции на устойчивость к ржавчине использование применяемого на французских опытных станциях

следующего метода. Это создание на селекционных посевах инфекционных фонов. Достигается оно путем обсева питомников наиболее восприимчивыми к разным видам ржавчины сортами, с искусственным заражением их популяциями видов ржавчины.

К осени, когда ночи стали совсем холодными и дикий виноград на балконах запылал багрянцем, уже к самому севу были получены от любезных французов долгожданные семена и фотографии, которые живо напомнили ему Париж и Версаль и прекрасную поездку во Францию. И Лукьяненко пишет письма в Дижон Ж. Коллеру из Национального института агрономических исследований, Л. Хеллеру из Национального союза зерновых кооперативов в Париже на авеню Мак-Магон, а также в Версаль на Центральную станцию генетики и селекции растений П. Орё, приславшему образцы семян для коллекционного питомника.

Глава третья

ТРИУМФ

Немного времени прошло с тех пор как районировали Безостую-1. Однако этот сорт успел утвердиться не только на огромных площадях юга нашей страны. Он стал занимать значительные площади в странах социализма. И не было меры благодарности автору чудесной пшеницы от тружеников и ученых как пашей Родины, так и из-за рубежа. Наперебой приглашают Лукьяненко приехать и посмотреть поля, засеянные Безостой, хотят услышать непосредственно из его уст советы по возделыванию, просто поговорить с глазу на глаз.

Письма из всех уголков страны и из-за границы, в которых сообщалось о Безостой, у Павла Пантелеймоновича хранились отдельно. Просматривая их, он делал пометки в отдельной тетради, сравнивал, обобщал. Вот письмо от агронома Гено Бытева из Болгарии, работающего близ Бургаса. Еще в ноябре 1965 года он писал, обращаясь к Лукьяненко:

«Я агроном. 10 лет испытываю разные сорта озимой пшеницы. В то же время я занимаюсь селекцией озимой пшеницы.

Я хочу создать сорт, который будет приспособлен к условиям нашего района — сухая осень, бесснежная зима с температурой ниже -17° , а весна с регулярными суховеями.

Я выбрал из мировой селекции самые цепные, с которыми сейчас работаю.

Без преувеличения могу сказать, что Ваши 2 сорта — Безостая-1 и Скороспелка-3б прижились в нашей стране. Благодаря им и улучшенной агротехнике в нашем хозяйстве с 60-го года урожаи непрерывно увеличиваются.

Нужно отметить, что для руководства моей работой я пользовался Вашими научными методами. У меня не было возможности познакомиться с Вами, но как агроном я горд, что отчасти знаком с Вашими трудами в области селекции. Я радуюсь, что Ваши методы для скрещивания пшеницы очень помогли мне. А Ваша статья в «Правде» (23 августа 1965 г.) — ценное указание для успешного выращивания пшеницы в следующем году».

«Надо помочь этому агроному», — решает Павел Пантелеймонович и

дает распоряжение отослать в братскую страну семена испытываемых сортов, подготовленных к производству, по 10–20 граммов.

В канун нового, 1966 года из города Кирова от профессора Смирнова, работающего в сельскохозяйственном институте на кафедре селекции и семеноводства Лукьяненко получил поздравительную открытку. Профессор Смирнов делился с автором Безостой той радостью, что этот замечательный сорт в северных условиях во время проведения конкурсных сортоиспытаний показал рекордный урожай, какого никогда не знали северные широты, 47 центнеров с гектара. На плодородном же участке урожай Безостой был еще выше: 53 центнера с гектара получено для размножения.

Год за годом Безостая совершала триумфальное шествие, облюбовывая все новые и новые тысячи гектаров. Появились и другие сорта селекции Краснодарского научно-исследовательского института, выгодно отличающиеся от Безостой-1, но замечательный сорт не сдает позиций, а, наоборот, с каждым годом все больше и больше завоевывает симпатии земледельцев. Уже в сентябре 1968 года ученик Лукьяненко Георгий Петров сообщает в Краснодар:

«Дорогой Павел Пантелеймонович!

Мне приятно Вам сообщить результат Ваших сортов у нас. В этом году, несмотря на большую засуху, сорт Безостая-1 дал прекрасные результаты. По всей стране получен урожай 23 центнера с гектара, в Толбухинском округе выше 35 центнеров с гектара. Много хозяйств собрали с больших площадей по 60 центнеров с гектара и больше».

Великолепно зарекомендовала себя Безостая-1 в Венгерской Народной Республике в 1968 году. В феврале следующего года в одном из отчетов, поступивших из этой страны, сообщалось, что такого урожая хлеба страна не знала на протяжении целого столетия, за исключением единственного года, когда урожай был несколько выше. И это несмотря на то, что хлеб был убран с площади на 1 миллион гектаров меньшей по сравнению со средней площадью, занятой под пшеницами в предвоенные годы, а население страны по сравнению с тем периодом выросло на 1 миллион человек.

«Эти результаты, — сообщалось далее, — зависят от ряда причин: направленное использование доброкачественных семян, в основном советских сортов озимой пшеницы, и широкое использование минеральных удобрений в первую очередь.

Советские сорта Мироновская-808, Скороспелка-36 и главным образом Безостая-1 — последний, получивший распространение по нашему

предложению в венгерском земледелии — в 1968 году высевались на площади, превышающей 80 % всех посевов пшеницы в Венгрии».

Неизмеримо возрос к этому времени авторитет Павла Пантелеймоновича. Ему доверяли не только лишь работы, связанные с регионом Северного Кавказа. Он решал теперь задачи в области селекции не только в масштабах страны. Ему было поручено координировать и направлять работы по выведению новых сортов и у наших друзей в странах социализма. Поэтому в одном из ежегодных отчетов директор ведущего исследовательского института в Венгрии Шандор Райки писал ему о том, что, несмотря на сильную засуху в апреле 1969 года, средний урожай озимой пшеницы в стране оказался все же немногим более 27 центнеров с гектара. Отрадно было получить такую весть Павлу Пантелеймоновичу, тем более что эта небольшая страна после многолетнего перерыва смогла теперь вывезти 600 тысяч тонн хлеба в Ливан, Чехословакию, Англию, Швейцарию и Италию. В одном из писем венгерский ученый сердечно благодарит Лукьяненко за участие и опыт, которым он щедро делится, за Безостую: «...счет на пакетики, Павел Пантелеймонович, получите, примите их в качестве подарка от тех, которые счастливы хотя бы скромнейшим образом возратить добро, полученное от Вас...»

О том же, как показали себя в испытаниях новые сорта, сообщал профессор Никифор Чапойю. Он писал в отчете за 1969 год из Румынии, что из зарубежных сортов, которые были включены в сортоиспытания по урожайности, превысили Безостую-1 сорта Аврора, Кавказ и Юбилейная-50. В условиях этой страны Аврора и Кавказ отличались — они хорошо противостояли ржавчине, но созрели на 3–4 дня позже, чем Безостая-1. Румынский селекционер отмечал, что при возрастающих дозах азота содержание белка и клейковины в зерне постепенно увеличивалось, а вот количество лизина в расчете на 100 граммов муки оставалось неизменным.

Павел Пантелеймонович недавно вернулся из Румынии. Поездка была весьма полезной, так как широкий обмен накопленным опытом всегда на пользу и дает выгоду обеим сторонам.

Успехи друзей, безусловно, радовали Лукьяненко. Но главные заботы, конечно, были о том, как обстоят дела у нас, на родных полях. Он пристально следил за этим и всегда был в курсе того, какие сорта и на каких площадях высеваются в нашей стране. Накануне нового, 1972 года он получил информацию из Москвы о состоянии дел в отечественной селекции и использовании ее достижений на практике.

Картина складывалась такая: его сорт Безостая-1 и сорт, выведенный

академиком В. Н. Ремесло — Мироновская-808, занимали примерно 70 процентов всего озимого клина страны. Весом был вклад и таких известных наших селекционеров, как В. Н. Цыцин, Ф. Г. Кириченко, А. А. Горлач. Они создали немало ценных и удачных сортов. Не прекращал дальнейших поисков и Павел Пантелеймонович.

Появились и уже возделывались в производственных посевах на значительных площадях такие сорта краснодарской селекции, как Аврора, Кавказ, Ранняя-12 и другие. Однако признание и слава Безостой продолжали возрастать. Об этом красноречиво говорили сообщения, которые приходили к Павлу Пантелеймоновичу из разных уголков нашей необъятной Родины. Из села Мерке Джамбулской области Казахской ССР в конце февраля 1970 года сообщали, что многие годы колхозы и совхозы Меркенского района возделывали единственный сорт озимой пшеницы Украинка. В местных условиях в период уборки урожая в первой декаде июля обычно бывают северо-западные ветры. Как люди ни старались, в такую погоду хлеб осыпался и терял до половины урожая.

Впервые в 1964 году хозяйства посеяли выведенный в Краснодаре сорт озимой пшеницы Безостая-1. При одинаковых условиях в хозяйстве получили урожай значительно выше, чем дал его сорт Украинка. В последующем ежегодно расширялись площади посева озимой пшеницы сорта Безостая-1, а площади озимых посевов Украинкой сокращались.

На сегодняшний день там возделывается озимая пшеница на площади 52 тысячи гектаров, из них на поливе около 6 тысяч гектаров полностью засеваются только сортом Безостая-1, он получил постоянную прописку в районе.

«Наслышаны об Авроре, о Кавказе, — подумал Павел Пантелеймонович. — Понятно их желание — хотят побыстрее получить семена, засеять их этой осенью... Но подойдут ли условия Казахстана для этих пшениц? Ведь если Безостая дает там всего лишь по 14 центнеров с гектара, то как покажут себя Аврора и Кавказ? Они-то создавались совсем для других зон...»

С Украины в конце июня того же года колхозники сельскохозяйственной артели из Херсонской области писали ему, что их колхоз имени Кирова расположен в 65 километрах от города Херсона и имеет 5250 гектаров пахотных земель, из них 1850 гектаров озимой пашни. Это хозяйство одним из первых в Херсонской области начало культивировать Безостую-1.

«В первый год мы имели 10 га элитного посева, — писали они. — В то время у нас в основном проводились посевы озимыми пшеницами сортов

Одесская-16, Белоцерковская-198, Мироновская-264, Одесская-24. В течение двух лет с начала размножения благодаря высокой урожайности, устойчивости к полеганию и болезням пшеница Безостая-1 заняла 100 % посевных площадей в хозяйстве.

На поливе пшеницы Одесская-51, Юбилейная не выдержали влажного режима и сильно полегли. Безостая-1 отлично себя чувствует, и удивительно — не наблюдается ржавчины. Видны на урожай значительно лучше, колос в среднем на 1,2 см крупней.

Наш коллектив лично Вам и Вашим помощникам очень благодарен за такой золотой подарок сельскохозяйственным работникам, как выведенный Вами сорт озимой пшеницы Безостая-1».

И тут же просьба прислать семян Авроры и Кавказа. Но Павел Пантелеймонович ловит себя на мысли, что спешить с рекомендациями относительно внедрения этих сортов все же пока не стоит. Хотя отовсюду о них идут самые лестные отзывы, он чутьем опытного специалиста улавливает и понимает, что последнее слово скажет время. Не надо торопиться. Пока что следует продолжать работу над Авророй и Кавказом. Безостая же еще сможет послужить.

Конечно, слова подобных посланий говорят сами за себя. Труженики полей писали в Краснодар к Лукьяненко, преисполненные чувства восхищения и благодарности. И это лишь небольшая часть писем о Безостой-1. Удивительно, но и сегодня сорт этот после более чем двадцатилетнего возделывания продолжает служить как нам, так и нашим друзьям во многих странах, дает ежегодно устойчивые, гарантированные урожаи. Быть может, имея в виду счастливую судьбу этого сорта, селекционеры нередко задаются вопросом: каким путем следует развиваться селекции, что целесообразней — бесконечно выводить все новые и новые сорта, что связано со значительными материальными затратами, или сохранять и улучшать старые, хорошо зарекомендовавшие себя?

МОСКВА

В начале февраля 1972 года Павел Пантелеймонович находился в Москве. Приезжал он туда нередко. На этот раз темой его выступлений были достижения и перспективы в селекции пшеницы. Сделав на одном из совещаний краткий обзор сложившейся ситуации в связи с селекцией пшеницы в нашей стране, крупнейшем производителе пшеницы как

озимой, так и яровой, он отметил, что у нас под пшеницей занято 65 миллионов гектаров, то есть одна треть всей мировой площади. Говорил он о Безостой, что она вновь отличилась в международном испытании, которое организовал американский селекционер профессор В. Джонсон, в 1969–1970 годах заняла первое место по урожайности и по адаптации, по приспособлению к разным экологическим условиям.

После одного из своих выступлений Павел Пантелеймонович весь вечер бродил по Москве. Как и всегда, направился он первым делом к Красной площади. Миновал грузный квадрат гостиницы. Шел по бывшей Варварке (ныне улице Степана Разина) и нет-нет да и останавливался: манила, обвораживая, невыдуманная краса старины — тесовые теремные крыши палат, зияли черно звонницы, спокойно белели нерушимые стены.

Знал он, что если повернуть назад, миновать остатки Китайгородской стены, то можно выйти к Ильинским воротам, где стоит памятник героям Плевны, освободителям Болгарии от османского ига. Он хорошо помнил ивановских стариков, которые участвовали в той борьбе. Потому и запечатлелись в памяти начертанные на одной из сторон сооружения слова: «...Атце зерно пшенично над на землю не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, мног плод сотворит».

Вот и Василий Блаженный: замер в свете вечерних фонарей всей громадой своих шатров и колоколен. В полутьме он угадывал каменную кладку фундамента, темные прутья ограды. Рядом Минин с Пожарским поднимают щит на защиту державы от посягновения проходимцев. В самом начале площади неподалеку от собора — возвышение в форме каменного круга с бордюром, Лобное место. Слева от Спасской башни — маленькая, неприметная башенка. Изящная и островерхая, притаилась она, как бы и не решаясь напоминать о себе времени.

Пошел десятый час вечера. Он побродил немного по площади, по ее полированной сотнями тысяч ног брусчатке, чтоб дожидаться смены караула у Мавзолея.

Наконец под густой медный гул курантов, разбавленный звоном серебра, из глубины Спасских ворот стали расти звуки чеканных шагов. Вот показался и наряд. Площадь сама собой стихла, прихлынув разноязыкой толпой к маршрутной дорожке караула. Еще и еще всматривался он в лица молоденьких, похожих друг на друга, как близнецы, солдат. И в который раз пришло к нему ясное сознание величия Отечества, чувство гордости за свою Родину. Именно здесь, на Красной площади, где так ощутимы и ход времени, и вся глубина национальной нашей истории, он в который раз давал себе слово быть достойным своего великого

времени, в какое ему посчастливилось жить, и все свои силы, знания, опыт отдать народу, чье предназначенье столь велико.

Разные стояли вокруг него люди: и шумные туристы из Англии, и флегматичные светловолосые скандинавы, и наши колхозники из Средней Азии в тибетейках, сибиряки в пушистых шапках. И разные, конечно, чувства испытывали эти люди, стоя у Мавзолея. Одни — с осознанием гордости за свою страну, другие — с недоумением и удивлением, видимо открывая нечто новое для себя в эту минуту.

Вдоль кремлевской стены прошел Павел Пантелеймонович в сторону Исторического музея. В Александровском саду постоял у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата. Миллионы советских людей приходят к этому священному месту, и каждый вспоминает о своих близких, родных, погибших или пропавших без вести в прошлую войну. В те недолгие минуты, стоя возле огня, он снова мыслью был вместе с сыном. Попали на глаза кисти рябины в саду — кровь, любитесь ли мерцаньем разлитого золота на куполах Кремля — и снова Гена стоит перед ним как живой, все такой же мальчишка. «Старею», — подумал Павел Пантелеймонович, отгоняя настойчивые мысли.

И он вспомнил прошлые свои приезды в столицу. С братом Василием он впервые приехал сюда в тридцать первом году. Сил хватало на многое, бродили подолгу. Поехали в Останкино. Гуляли по старинному парку. Стояла теплая осень. Желтые листья кленов опадали, светясь на лету под мелким дождиком. Скульптуры уже оказались укрытыми на зиму, и вместо них стояли торчком ящики.

Робко оглядываясь по сторонам, боясь ступить лишний раз на диковинный в разводах паркет, с изумлением слушали они неторопливый рассказ пожилой женщины-экскурсовода. Все, что видели они, — и паркет, и гобелены, и чудесные поделки, — все это сделано было руками русских умельцев, а не привезено из каких-либо далеких стран. Это явилось открытием и удивляло. И конечно же, восхищало — народ наш проявил гений свой не только на поле брани, лучшие умы его преуспели не только в одних лишь научных открытиях и изобретениях, не только дошел он до Великого океана. Нет, не потому только велик он. А все наши дворцы, соборы, все произведения русского зодчества, по праву ставшие достоянием народа, не о том ли скажут пытливого разума?

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Глава первая

ПИСЬМА И КОНФЕРЕНЦИИ

В начале мая 1972 года в институт из Пакистана пришло любопытное письмо. Его автор, адвокат и вместе с тем фермер Мохд Ахмаль Хан писал Павлу Пантелеймоновичу о том, что однажды, просматривая ежемесячник «Советский Союз», встретил статью о том, что в СССР академиком Лукьяненко создано два новых высокоурожайных сорта пшеницы — Аврора и Кавказ. И далее продолжал: «Мне трудно найти подходящие слова, чтобы выразить мое уважение к Вашему труду и к тому, сколько пота пролито Вами, чтобы создать такие сорта. Это огромный вклад в решение проблемы питания человечества. Научные работы подобного размаха, проводимые во всем мире такими людьми, как вы, позволяют устранить угрозу голода и голодной смерти, которая стоит сейчас перед человечеством. Я совершенно уверен, что благодаря таким людям, как Вы, страждущее человечество в будущем не столкнется с угрозой голода. Вы открыли новые горизонты для развивающихся стран и их страждущих масс».

В конце было сказано: «Сам я мелкий фермер с 30 га земли. Для меня было бы большой честью, если бы Вы были так любезны и в знак дружбы между народами Пакистана и СССР прислали мне через Ваше посольство или другим путем десять килограммов семян каждого из сортов Авроры и Кавказа. В моей стране они получают новое имя — сорт «Лукьяненко».

Пакистанец просил дать ему рекомендации о сроках посева, наиболее подходящих для возделывания, почвах, удобрениях, режиме орошения для краснодарских пшениц.

Поблагодарив его за любезное письмо и столь благожелательный отзыв о своей работе, Павел Пантелеймонович писал: «Действительно, селекция играет важную роль в обеспечении человечества продуктами питания. Однако универсальных сортов, которые бы в одинаковой степени в любых природных условиях проявили бы свою высокую продуктивность, не существует. Поэтому и наши новые сорта озимой пшеницы Аврора и Кавказ, дающие у нас очень высокие урожаи зерна, для условий Западного Пакистана могут оказаться мало приспособленными».

Действительно, для тех мест, где живет адвокат, озимые, довольно

позднеспелые, сорта не подойдут: ведь там испокон веку сеют яровые. Аврору и Кавказ же следует высевать только осенью. Потом, возможно ли там применение орошения, будут ли внесены высокие дозы удобрений. «К тому же наши сорта имеют красную окраску зерна, — думал Павел Пантелеймонович, — а у них предпочтительны белозерные сорта». И все же он решает удовлетворить просьбу и в знак дружбы между нашими народами отправляет по десять килограммов озимой пшеницы Аврора и Кавказ.

Вскоре семена были отосланы из института в Пакистан. Павел Пантелеймонович хорошо знал от иностранных аспирантов из Африки и Азии о проблемах питания, существующих в развивающихся странах. Не зная горами время, думал он, когда все человечество вынуждено будет наконец-то объединить свои усилия, чтоб взяться за ликвидацию угрозы голодной смерти от неурожаяев.

Еще в первых числах февраля и в конце марта Павел Пантелеймонович получил письма из Соединенных Штатов. Они были написаны доктором Джонсоном из университета в штате Небраска. В них сообщалось о том, что с 5 по 10 июня 1972 года в Анкаре будет проходить международная конференция по озимой пшенице. Павла Пантелеймоновича пригласили принять в ней участие. Из Турции американский профессор собирался заехать на неделю в Краснодар — его интересуют работы по селекции озимой пшеницы.

В начале марта Лукьяненко приехал в столицу Турции. Доклад, сделанный им в Анкаре, назывался «Некоторые итоги селекции озимой пшеницы в СССР и тенденции дальнейшего ее развития». Много внимания в нем было уделено проблеме зимостойкости. Вопрос этот представляет немалый интерес, так как и на территории СССР в зонах возделывания озимых пшениц нередко годы с бесснежными и морозными зимами, когда температура в узле кущения понижается до —24, — 28 °С. А это приводит к гибели растений.

Поэтому советская селекция, отмечал Павел Пантелеймонович, ищет пути дальнейшего повышения зимостойкости озимой пшеницы. На очереди дня стоит задача создания потенциала зимостойкости, который бы выходил за пределы вида мягких пшениц. Уже многие годы селекционеры всего мира пытаются соединить свойства пшеницы с зимостойкостью ржи.

Павел Пантелеймонович отметил, что селекция озимых пшениц в последние годы достигла несомненного прогресса. Совсем недавно еще потолок урожайности был 25 центнеров с гектара, теперь же не редкость

урожаи до 65 центнеров с гектара.

В наши дни международное сотрудничество играет важную роль в деле дальнейшего прогресса в области селекции пшеницы. Поэтому, подчеркнул в своем докладе Лукьяненко, крайне важно расширение такого сотрудничества. Проведение международных испытаний озимых пшениц, инициатива которых принадлежит Джонсону, по мысли Павла Пантелеймоновича, является одной из полезных форм этого сотрудничества.

На конференции в Анкаре, проходившей в сугубо деловой атмосфере, ее участники с большим вниманием отнеслись к докладу профессора Джонсона. Это было сообщение на тему «Изучение питательных свойств пшеницы в университете штата Небраска». Он говорил о том, что в мировой коллекции пшениц департамента сельского хозяйства США имеется 12 тысяч образцов мягкой пшеницы с содержанием протеина в зерне от 7 до 20 процентов, но что количество лизина в зернах пшеницы недостаточно с точки зрения потребностей организма в нем. И все же профессор Джонсон был настроен оптимистически. Он считал, что высокая урожайность зерна и высокое содержание протеина являются в определенных пределах совместимыми признаками.

Что же касается международного питомника по сортоиспытанию озимых пшениц, то он был организован по инициативе профессора Джонсона с целью изучения адаптации сортов озимой пшеницы в различных широтах, при различной длине дня, дозах удобрений, влаги, поражаемости болезнями. Этим путем организаторы питомника пытались выявить лучшие сорта пшеницы, которые можно было бы рекомендовать к использованию в практической селекции. Особое внимание обращалось на гены, контролирующие высокое содержание лизина и протеина. Одна из важнейших задач питомника — выявление самых продуктивных сортов с наиболее широкими приспособительными возможностями. Таким сортом, как известно, стала Безостая-1.

На конференции в Анкаре Павел Пантелеймонович постоянно находился в центре внимания своих зарубежных коллег. Где бы он ни появился, вокруг него и сопровождавшей его дочери Ольги непременно собирались и те, с кем связывала его долголетняя творческая дружба, и те, что познакомились с ним впервые. Когда наконец выдался свободный от заседаний денек, он попросил, чтобы его свозили в местечко Эскихишер, отстоящее от Анкары на расстоянии более пятисот километров. Многие часы езды по каменистой дороге в дождь и грозу туда и обратно — и все для того, чтобы взглянуть, в каком состоянии, как чувствуют себя посевы

Безостой на турецкой земле. У него остались неплохие впечатления от осмотра полей, и обратный путь ему показался вовсе не таким утомительным и скучным.

В один из тех дней, когда участники симпозиума в Анкаре по намеченной программе посетили опытные участки, доктор Джонсон, находившийся неподалеку от Лукьяненко, в шутку заметил:

— А все-таки, несмотря на то, что ваша Безостая является непревзойденным шедевром, мы постараемся создать лучший сорт! Что вы на это скажете?

— Что ж, давайте! Давайте соревноваться! — сказал Павел Пантелеймонович, и слова его потонули в дружном веселом смехе.

Тогда же, прощаясь, многие участники конференции высказали пожелание: следующий форум провести в Краснодаре. Кое-кто решил взяться за изучение русского языка, чтобы свободнее общаться с краснодарскими селекционерами и понимать не только слово «Безостая»...

Сразу после конференции в Анкаре Джонсон посетил, как и обещал, Краснодар. Павел Пантелеймонович со своими сотрудниками был рад показать все, что интересует зарубежного коллегу. Они беседовали о проблемах селекции, о перспективах ее. Павел Пантелеймонович рассказывал о том, каких успехов достиг его коллектив и что они наметили на ближайшее будущее и на более отдаленные сроки. И конечно, не забыли сфотографироваться на память...

А потом еще долго шла переписка между Павлом Пантелеймоновичем и Джонсоном. В одном из писем Лукьяненко попросил сообщить примерную стоимость микромельниц, производительность и название фирмы, выпускающей их. Упоминание о возможности покупки в США микромельниц для лабораторных исследований зерна на качество является весьма показательным для деятельности Павла Пантелеймоновича. Где бы он ни бывал, в какой бы уголок земли ни попадал, он всюду сам в первую очередь интересовался и новинками техники, обслуживающей ' нужды селекционной работы, делал подробные записи в своей книжке, присматривался, прислушивался. К этому же он призывал и своих товарищей по поездкам. Павел Пантелеймонович не уставал повторять им, что они прежде всего полпреды своей науки, своей Родины, а не праздные туристы: «Присматривайтесь ко всему хорошему, что бы можно было взять на вооружение. Возьмем все, что послужит на пользу нашей стране». Здоровая крестьянская расчетливость, взгляд на вещи прежде всего с точки зрения их практической пользы — это всегда отличало Лукьяненко, и

таким его запомнили все близко знавшие его.

ВСЕ ВЫШЕ, И ВЫШЕ, И ВЫШЕ

Если бы Павла Пантелеймоновича спросили, любит ли он свою работу, он бы, пожалуй, сразу и не нашелся что ответить. Потому что хлеб — это дело всей его жизни, основное занятие многих поколений его предков. И, подобно им, Лукьяненко воспринимал свои занятия как нечто само собой разумеющееся, бесспорное, раз и навсегда данное ему.

Павел Пантелеймонович в своей работе по выведению знаменитых сортов руководствовался мичуринским учением о скрещивании географически отдаленных форм. Он писал: «И. В. Мичурин впервые научно обосновал принцип скрещивания географически отдаленных форм и своими выдающимися практическими результатами доказал его высокую эффективность. Он показал, что гибриды, получаемые от отдаленных скрещиваний, легче всего приспособляются к условиям местного климата, при более благоприятном сочетании тех свойств, которые предъявляются к этим гибридам».

И Николай Иванович Вавилов, человек, перед которым преклонялся Лукьяненко, был сторонником гибридизации отдаленных эколого-географических форм. Именно он указывал в свое время, что «для коренного улучшения пшеницы огромное и решающее значение имеет планомерное использование их мирового разнообразия».

С самого начала практической деятельности в селекции Лукьяненко безошибочно определил свой путь и верное направление; сумел сделать для себя исключительно важный вывод: только этот и никакой другой принцип позволит ему создать самые жизнеспособные сорта, наиболее ценные в хозяйственном отношении, которые и получат со временем широкое распространение в производстве.

Именно использование этого метода, последовательно применяемого в КНИИСХе, позволило, как писал Лукьяненко, «преобразовать сортовой состав озимой пшеницы Кубани и других областей Северного Кавказа». В результате такого переворота экстенсивные, малопродуктивные формы пшениц были окончательно вытеснены высокопродуктивными.

Лукьяненко берет на вооружение принцип и руководствуется им всегда: достичь выведения новых сортов по возможности в кратчайшие сроки при минимуме затраченных материальных средств.

Конечно, когда Павел Пантелеймонович говорил о том, что уровень

урожайности с внедрением сортов его селекции повышался, как правило, на 25 процентов, разумеется, он не сбрасывал со счетов общего подъема уровня нашего земледелия, повышение общего уровня агротехники. Кто же станет отрицать, что без этого было бы невозможным повысить потолок урожайности почти в два раза за сравнительно небольшой период. Шутка ли — с внедрением в производство Безостой-1 лучшие хозяйства Кубани стали собирать по 50–60 центнеров зерна с гектара!

Случались годы, когда урожайность и в пятьдесят центнеров с гектара не на сортоучастках, а на обширных площадях мало кому казалась диковинкой. А Пржевальский сортоучасток в Киргизской ССР доказал еще большие возможности сорта — там урожайность Безостой достигла 85–95 центнеров.

Поистине было чем гордиться Павлу Пантелеймоновичу: в подъеме земледелия в стране немалую роль сыграли сорта, созданные под его руководством. И, оглядывая мысленным взором нивы Кубани, он уже видел то время, когда их реальностью станет урожай в 40 центнеров с гектара. И это при значительных не использованных еще резервах. По-прежнему даже в урожайные и благополучные годы бросается в глаза пестрота урожая как в целом по краю, так и (что особенно обидно и кажется непростительным) на полях одного и того же хозяйства. В общем-то такая картина легко объяснима: как правило, виной бывает самое элементарное несоблюдение приемов агротехники. И ничего не находят в таких хозяйствах лучшего, как сослаться на неблагоприятные погодные условия или, допустим, вспышку ржавчины...

Павел Пантелеймонович хорошо знал не только силу своих сортов, но и их требовательность. Он прекрасно понимал, что не сбросить со счетов недобор урожая в годы с черными бурями, например, с суховеями, засухой, бесснежной зимой. Все это так. Но как быть с огрехами, допущенными по вине, по оплошности специалистов при возделывании пшеницы? Ведь тут сводится на нет труд сотен и тысяч людей. Несомненным благом он считал проведение тщательной, кропотливой работы в хозяйствах, работы подготовительной, черновой, но направленной на одно — получение наивысшего урожая. По своему опыту он знал, как нелегко хлеборобская наука дается практикам-агрономам, сколько сил, времени, внимания и знаний она требует, каждый раз задавая новые и новые вопросы. И решать их надо умело и в срок.

Лукьяненко всегда склонен был считать, что селекционеры еще не вправе полагать при создании своих сортов, будто они приблизились к идеалу. Каждый новый сорт имеет свои уязвимые места, свою ахиллесову

пята. Взять, хотя бы вопрос о зимостойкости. Перезимовка пшеничных растений все еще доставляет немало неприятностей земледельцам. Ведь они вправе высказать справедливый упрек в адрес ученых и селекционеров — до сих пор еще не создан сорт, гарантирующий успешную перезимовку хлебов. Время от времени в разные годы с неодинаковой силой вымерзают довольно-таки внушительные площади, занятые под озимыми.

В селекции нет мелочей. То, что сегодня кажется незначительным, завтра может превратиться в угрожающее явление. Об этом говорит опыт как отечественной, так и мировой селекции.

В своей работе ученый уделял большое внимание вопросу зимостойкости озимых пшениц. Немало часов пришлось ему и Полине Александровне просидеть над книгами, чтобы побольше узнать об этом периоде в жизни растений, проделать тысячи опытов. Селекционеры называют зимостойкостью способность пшеничных растений противостоять условиям зимы. Но путь к разгадке успешной перезимовки, ее механизма лежит через многие трудности. Это и собственно вымерзание как результат воздействия низких температур, что довольно часто встречается при бесснежных и малоснежных зимах, и гибель растений в результате образования ледяной корки над ними, которая крайне затрудняет жизненно важные для растений процессы, и так называемое выпирание, когда корни пшеницы «выпираются» над уровнем почвы, в результате чего они в дальнейшем в значительной степени теряют жизнестойкость.

Чем же, однако, объясняют ученые относительно слабую зимостойкость озимой пшеницы? И Лукьяненко вновь перебирает старые и совсем свежие вырезки из газет и журналов, просит подобрать для него соответствующую литературу в читальном зале. Его коллеги — академик ВАСХНИЛ П. М. Жуковский, профессор А. Ф. Шулындин и другие склонны считать, что слабая зимостойкость озимых хлебов, по-видимому, связана с их происхождением. В последнее время все более ученые склоняются к выводу, что родиной озимых пшениц является Передняя Азия и Кавказ. Таким образом, она уже по своему происхождению не смогла приобрести генов устойчивости к успешной перезимовке. Как знать, быть может, и справедливо предположение, что озимая пшеница, продвигаясь все дальше в северные края, будет отличаться большей морозостойкостью.

Павел Пантелеймонович в своей селекционной практике немало сил потратил на то, чтобы выяснить взаимозависимость таких двух необходимейших свойств пшеницы, какими являются зимостойкость и продуктивность. Он еще и еще раз изучает взгляды и гипотезы ученых различных направлений.

Многие считают, что высокопродуктивные сорта неизбежно должны отличаться пониженной зимостойкостью.

Как противоположность этому существует мнение, что зимостойкость сорта зависит от чисто физиологических особенностей (мелкоклеточная структура тканей, замедленный рост в осенний период и весной, глубокий период покоя, мелкие листья и мелкое же зерно)...

Совсем иная картина наблюдается у сортов высокоурожайных: они с наступлением теплой весенней погоды быстро трогаются в рост, листья у них крупные, а также большими размерами отличаются клетки, у них более крупное зерно и т. д.

Все эти предположения и позволили Шулындпну высказать мысль о том, что совместить в одном сорте противоположные свойства весьма трудно.

Подобно многим своим коллегам, Павел Пантелеймонович бился над этой проблемой не один год. Опыты в КНИИСХе утверждают его во мнении, что при скрещивании Безостой-4 и Безостой-1 с другими сортами, отличающимися повышенной зимостойкостью, отобранные растения с отличной устойчивостью к морозам, к сожалению, отличаются и низкой продуктивностью. И, что уж совсем плохо, они в значительной степени поражаются ржавчиной.

Однако вопреки прогнозам от подобных скрещиваний удалось все же выделить несколько семей, удачно сочетающих признаки родительских пар. Они представляли и практический интерес. Это стало рождением нового сорта, самого морозостойкого из всех когда-либо выведенных краснодарскими селекционерами. Он получил название Краснодарская-39.

Что же, какие качества отличают этот новый сорт? Прежде всего замедленные темпы роста и ранней весной, когда после кратковременных так называемых «февральских окон» зачастую возвращаются зимние холода. Сорта, обладающие повышенной реактивностью на потепление, трогаются в рост и, как правило, вымерзают на больших площадях именно в этот период. Новый сорт, выведенный в КНИИСХе, отличается и стелющаяся форма куста. Как только наступает устойчивая теплая погода, у растений этого сорта начинается активная вегетация, и уже через некоторое время внешне эти посевы неопытному, неискушенному глазу довольно трудно отличить от Безостой-1.

Таким образом, Краснодарская-39 наиболее удачно унаследовала от одного из родителей (Саратовская-3) два важнейших признака — морозостойкость и засухоустойчивость. При этом сохранились почти все ценные качества Безостой-1. Этот сорт при всех своих достоинствах имеет

хорошие, хотя и уступающие Безостой хлебопекарные качества и отличается устойчивостью к грибным болезням.

Вся ценность этого сорта, по мнению практиков, заключается в том, что при нормальных условиях он способен давать урожаи, не уступающие Безостой-1, но если случится суровая малоснежная зима с засушливой весной, то как знать, посоперничает со знаменитой Безостой...

Глава вторая

НЕРАЗРЫВНЫЕ УЗЫ

Во время одной из поездок по краю Павел Пантелеймонович вместе с Пустовойтом остались ночевать в районной гостинице. Зимние сумерки располагали к беседе, и они с Василием Степановичем разговорились мало-помалу. Связывала их не только многолетняя творческая дружба — ведь первым увлечением Пустовойта была пшеница. В тот вечер многое сказали они друг другу, вспомнили прошлое...

Представил Павел Пантелеймонович себе давние времена. Уроженец украинского волостного села Тарановка, что стояло при тракте, Василий Пустовойт после окончания сельскохозяйственного училища в Деркачах под Харьковом, в последний раз оглянулся на училище, где провел несколько незабываемых лет, и с легкой грустью подумал: «Прощайте, милые Деркачи! Прощай, отчий дом!» И вот он уже в Екатеринодаре, работает преподавателем сельскохозяйственной школы, открытой в 1906 году там, где шумел густой листвой войсковой заповедный дубовый лес Круглик. Он читает ученикам общее и частное земледелие и сельскохозяйственную механику. Неугомонный, энергичный, страстно влюбленный в свое дело, молодой человек буквально засыпает канцелярию атамана Кубанского казачьего войска рекомендациями — как сеять, как выращивать, как удобрять поля, чтобы получать богатые урожаи. Через четыре года после приезда на Кубань — в 1912 году — по его настойчивой рекомендации здесь же, при школе, открывается опытно-селекционное поле «Круглик».

В 1926 году в Краснодаре он публикует книжку тиражом 500 экземпляров под названием «Краткий очерк о масличном подсолнечнике за период 1912–1925 гг.», где излагает результаты своих кропотливых опытов и исследований, до того мирно покоившихся в его толстой клеенчатой тетради с научными записями и цифровыми выкладками и таблицами. 67 семейств подсолнечника были исходным материалом, с которым вдумчивый экспериментатор начал свой труд, чтоб путем селекции создать новые сорта этого ценного растения, богатого маслом. В 20-е годы «Круглик» становится сердцем всей селекционной работы на Кубани. Именно здесь Василий Степанович творит все новые и новые сорта

ценнейших культур.

Кроме традиционного способа выведения новых сортов путем отбора, под руководством Пустовойта проводится и большая работа по гибридизации пшениц. Старались отобрать растения, устойчивые к ржавчине, так как к тому времени это заболевание настолько распространилось, что представляло собой угрозу довольно серьезную.

Стали тогда пробовать на кубанских полях сорта из других областей. В середине двадцатых годов была рекомендована озимая Украинка. Вывели ее на Мироновской госселекстанции. Хотя Павел Пантелеймонович был в то время довольно молод, но и он хорошо помнит плакат и на нем молодую, пышущую здоровьем женщину. Держит она в руках большой каравай. И был на том листке призыв: «Якщо хочеш мати дебели жінку, сий пшеницу Українку!»

Тут и должен был, казалось, прийти конец начинаниям Пустовойта, так как новый сорт победил по конкурсу все выведенные им в «Круглике». Но это только придало ему решимости. Ведь он всегда считал, что Кубань обязана иметь свои сорта, потому что здесь довольно своеобразны и почвенные и климатические условия. Работая вместе с женой, Василий Степанович увеличивает объем опытов, набирает большой штат сотрудников. Он вовлекает в испытания зарубежные сорта, особый интерес проявляет к канадским. По его собственному признанию, дел было так много, что ученые нередко и ночевали в поле, не имея возможности отлучиться.

В сентябре 1928 года на одном из краевых совещаний, посвященном важнейшему производственному вопросу — как поднять урожайность, Пустовойт говорит о селекции как молодом деле на Кубани, отмечает, что оно идет медленно из-за скудной материальной базы, и тут же горячо поддерживает высказанную другими селекционерами мысль о том, что кубанские опытные станции почему-то «не обслуживают непосредственно хлеборобов». Василий Степанович убежденно заключает свою речь: «Нужны средства, нельзя оставлять опытные учреждения в ненормальном положении полной материальной необеспеченности...» Видимо, кое-кому из местного начальства не совсем пришлось по вкусу столь предметное указание Пустовойта на причины, являющиеся основным тормозом в работе «Круглика». И вскоре он почувствовал какое-то недоброжелательное давление сверху.

Василий Степанович с улыбкой вспоминал тот давний случай из своей практики, когда он рекомендовал казакам станицы Петропавловской, которые терпели убытки от пыльной головки, протравливать семена, и как

один почтенный старик пластун возразил ему и был поддержан голосами других станичников. Но когда поспела пшеница, те, кто последовал его указаниям, собрали намного больше, и только тогда петропавловские хлеботорбы оценили его разумные практические меры, признали и в знак благодарности даже приняли в казаки: выдали бурку и земельный пай! Вот как бывает в жизни!.. «Что и говорить, в подсолнечник я влюблен, — говаривал иногда В. С. Пустовойт, — но прежнее мое мнение совершенно твердо и непоколебимо: озимая пшеница является главной полевой культурой Кубани...»

В октябре 1930 года селекцией озимой пшеницы занялся ученый агроном-полевод Павел Лукьяненко. Он начал с того, что получил из «Круглика» целый «чувал» — огромный мешок семян Гибрида-622, около 80 килограммов, привез его на подводе на селекционную станцию и засеял им опытные делянки. Лукьяненко приступил к своей работе, ставя перед собой вопрос остро и масштабно. Вот что записал он тогда в дневнике: «Вопрос о двух колосьях вместо одного — самый жгучий, самый коренной политический вопрос, который предстоит решить нашей стране, чтобы избавиться от голода. Люди не должны думать о хлебе, как не думают о воздухе, которым дышат, о воде, которую пьют...» Не подлежит сомнению, что удивительная работа опытного кубанского селекционера Пустовойта, его любовь к полю, к кропотливому и терпеливому выращиванию хлебных всходов, вдохновенный образ ученого, как и его прекрасные лекции в институте по общему земледелию, которые он с восторгом слушал, сыграли немалую роль в судьбе Лукьяненко.

Совершенно очевидно, что для Пустовойта озимая пшеница всегда представляла огромный интерес, который к этой культуре у него никогда не ослабевал. Он продолжал оставаться до последних дней своей жизни не только выдающимся специалистом по селекции подсолнечника, но и видным авторитетом по вопросам селекции озимой пшеницы. Не случайно близко знавшим обоих ученых коллегам запомнились слова, сказанные Павлом Пантелеймоновичем после одного из совещаний:

«...Я затрудняюсь сказать, что Василий Степанович любит больше — пшеницу или подсолнечник. Во всяком случае, не знаю ни одного совещания по пшенице, на котором бы не присутствовал и не участвовал активно в работе Пустовойт».

Все, кому доводилось общаться с Пустовойтом или Лукьяненко, а тем более те, кому пришлось бок о бок работать с ними, — все они в оценке взаимоотношений между обоими учеными — и что касалось сугубо научных контактов, и чисто человеческих качеств, сходились в одном —

это была дружба людей, глубоко преданных науке, любящих прежде всего то дело, которым каждый из них занимался всю жизнь.

Вообще же отношения между двумя учеными можно охарактеризовать как взаимное уважение предельно чутких, внимательных друг к другу людей. Хотя закадычными друзьями их, конечно же, никто бы не назвал. Василий Степанович исключительно сдержан, корректен, педантичен до сухости, до мелочей. Павел Пантелеймонович — человек совсем иного склада — молчалив, неразговорчив, но прост, добродушен, отзывчив к людским нуждам. К себе, к своей особе недостаточно внимателен.

Их отношения были далеко не идиллическими. Порою некая тень пыталась пробежать между ними. Но к чести как того, так и другого, всякий раз они не давали себя вовлечь в недостойную игру. В пору высокой и продолжавшей расти славы Безостой какой-то из поклонников Пустовойта прислал ему копию своего «послания», которое он отправил в Москву. В том письме незадачливый автор задавал вопрос: почему этой славой, по праву, мол, принадлежащей Пустовойту, воспользовался Лукьяненко? Но ни для кого и никогда не было секретом, что Василий Степанович долгие годы занимался выведением ржавчиноустойчивых гибридов и в 1930 году передал годами накопленный материал, ценнейший в селекционном отношении, начинающему тогда селекционеру Лукьяненко... Пустовойт собственными руками написал опровержение, в котором категорически отрицал какую бы то ни было свою причастность к созданию шедевра мировой селекции — Безостой-1.

Подобного рода недоразумения, как ни странно, возникали и по поводу самого названия сорта — Безостая. Общеизвестно, что в пятидесятые годы колхозник-опытник одного из колхозов края Г. Т. Шкода путем скрещивания озимого сорта Ворошиловка с найденной в посевах сорта Мелянопус-69 яровой безостой пшеницей получил новый сорт озимой, который назвали Безостая-Шкода. Урожайность в сортоиспытаниях по своей северной зоне сорт показал на два центнера выше районированных на то время и вскоре получил путевку в жизнь. О сорте упоминалось тогда и в газетах, но удержаться хотя бы на несколько лет в производстве он не смог. Само собой разумеется, Безостая-1, выпестованная под руководством Лукьяненко, с ним ничего общего не имела и не могла иметь. Однако находились злые языки, которые и тут пытались судачить, делать недвусмысленные намеки. Но, как говорится, собаки лают, а караван идет дальше...

Есть одно обстоятельство и, быть может, самое важное — Лукьяненко и Пустовойта отличала исключительная преданность своему делу. Они и

мысли не допускали, что эту свою работу можно кому-либо передоверить, какое-то звено ее ослабить.

Казалось бы, ну что дает селекционеру такое дело, как чтение лекций на ежегодных курсах по апробации новых сортов? Каждый год до шестисот агрономов со всей Кубани съезжалось на эти курсы. Занятия подобного рода мог бы проводить кто угодно из огромной массы специалистов. Но ни Лукьяненко, ни Пустовойт не передоверяли этого дела никому, не отдавали его ни в чьи руки. Они понимали, что от того, насколько их рекомендации по возделыванию новых сортов дойдут до рядовых исполнителей, тех, что непосредственно претворяют их идеи в жизнь, испытывают их на практике, — от этого в конечном счете зависит судьба не только выпестованных ими детищ, но и в целом урожая. Вот почему они всегда принимали самое активное участие в работе курсов и всей душой стремились обратить внимание слушателей на ту или иную особенность нового сорта.

В 1957 году академик П. П. Лукьяненко за выдающуюся селекционную деятельность по выведению новых сортов пшеницы был удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением Золотой медали «Серп и Молот». В. С. Пустовойт один из первых тепло поздравил коллегу.

Многим памятни слова Павла Пантелеймоновича, сказанные им на праздновании восьмидесятилетия Пустовойта 15 января 1966 года, когда один из ораторов, тогдашний ректор Кубанского сельскохозяйственного института П. Ф. Варуха, произнося здравицу в честь юбиляра, упомянул: «Не забывайте, пожалуйста, Василий Степанович, что вы наш питомец. Вы когда-то были нашим студентом, и мы гордимся этим». Павел же Пантелеймонович, поднимая свой бокал, сказал тогда: «А я хочу сказать, что мне на всю жизнь запомнилась первая лекция в сельскохозяйственном институте. И лекция это была ваша, Василий Степанович, по общему земледелию».

Виновник торжества услышал, пожалуй, самое сердечное и приятное. Такое воспоминание глубоко его растрогало. И если слова предыдущего оратора именинник воспринял сдержанно, то после выступления Лукьяненко лицо его, обычно бесстрастное, засветилось от благодарности.

Последние несколько лет ученым довелось жить в одном и том же девятиэтажном доме на улице Пушкина, где поселились научные работники города. Изредка встречались они то в подъезде, то в скверике под высокими разросшимися кленами, там, где в памятные им обоим времена возвышался теперь уже не существующий бронзовый монумент Екатерины с запорожцами, созданный в 1907 году по проекту знаменитого

скульптора М. О. Микешина. Чуть пригреет солнце, и на кустах сирени лопаются почки, матери и бабушки прокатывают по дорожкам в колясках грудных детей, летают над еще голыми клумбами проснувшиеся ранние бабочки, а в трещинках асфальта уже светятся острые травинки. В такую погоду кажется, что вся округа изнемогает от оглушительного воробьиного крика, как и черная земля под весенним солнцем. Возятся с игрушками малыши, присматривают за ними бабушки, прохаживаются степенно или дремлют на скамейках завсегдатаи-всезнайки; пачки свежих газет под мышкой, порою о чем-то важном спорят друг с другом, не замечая прохожих, которые торопливо пересекают по диагонали зеленый четырехугольник старинного сквера.

В выходной день отыщет Павел Пантелеймонович на кухне хозяйственную сумку, опустится в лифте и отправится в ближайший магазин за хлебом. По душе ему после напряженных занятий совершить небольшую прогулку, а по дороге зайти в этот уголок, походить по аллеям, похрустывающим ракушкой, полюбоваться зеленым весенним облачком ивы в углу сквера и проплывающими в ветвях высоких деревьев облаками. Во время такого моциона он нередко виделся с Василием Степановичем, также вышедшим прогуляться и подышать свежим воздухом.

— Вы спешите? — спросит он, бывало.

— Да нет, дышу, — ответит Василий Степанович, поблескивая голубыми сквозь стекла очков глазами. — А где это вы французских булочек взяли? — пошутит тут же.

— В булочной Киор-Оглы, — отвечая на шутку, найдет Павел Пантелеймонович.

И пойдет-пойдет разговор — воспоминания о прошлой городской жизни, об общих знакомых, о политике речь зайдет, о философии. И. как всегда, кончится селекцией, избранницей их общей.

— Вы, уважаемый Павел Пантелеймонович, отбили-таки у меня заветную любовь мою, пшеничку, — лукаво поглядывая, скажет Василий Степанович. — Увы, что же я мог поделать? Вы были моложе меня. Понимаю теперь, почему возлюбленная моя досталась вам!..

— Заветное наше слово — хлеб. Говорено о нем, переговорено сколько! — отвечает Павел Пантелеймонович. — Читайте вот сейчас новую книгу о пшенице, рекомендую ее своим сотрудникам — «Пшеница и ее улучшение». Переводная. Как замечательно сказано там: для ботаника пшеница — злак, для химика комплекс органических соединений, генетик видит в ней загадочный организм, для земледельца это работа, а для заготовителя — обычный товар... Там у них, на Западе, конечно, пшеница

еще и товарная культура для фермера, и фрахт для транспортировщика, и имущество для банкира, и козырная карта в международной игре для политика. Но все же самое ценное, самое главное — это то, что пшеница всегда была, есть и будет великолепным, не заменимым ничем иным источником питания для миллионов людей на планете!

— Хлеб да каша — пища наша, — вставит Василий Степанович, явно показывая, как мил и дорог его сердцу такой разговор.

— Хлеб да с маслом, особенно постным, каша — пища наша, — на лету перефразировав поговорку, живо заметит Лукьяненко. — Нет, поверьте мне, далек я от всякой лести, Василий Степанович, но сорта ваши — подсолнечник Передовик и Армавирский-3497, под которыми у нас в стране, если не ошибаюсь, засеваются ежегодно до трех миллионов гектаров, — это ли не чудо! И масличность семян в сухом зерне пятьдесят пять процентов. Подумать только!

— Нет, а мне всегда удивительны ваши успехи, — прервет его Пустовойт. — У вас с самого начала был верный путь: вы первый указали на вредоносность ржавчины, вы взялись скрещивать географически отдаленные формы, в результате чего и получили более жизнеспособные гибриды с широкой перспективной наследственной основой. У вас есть шедевр — ваша Безостая-1.

— Может быть. Но мне видится будущее: уверен, появятся еще более продуктивные сорта. Но изменится и сам человек, возделывающий поле, возрастет его земледельческое мастерство. Наше сельское хозяйство оснатится еще более совершенной техникой. Я верю, что урожайность озимой пшеницы в семьдесят центнеров с гектара не будет редкостью...

— Да, перспективы у селекции огромны.

— Мечтаю о ста двадцати центнерах с гектара!

— Возможности почти безграничны, — повторяет, уже думая о чем-то ином, Пустовойт. — Жаль только: вот уйдете на пенсию, и селекция пшеницы на Кубани затопчется на месте. Ведь вы как никто знаете, что она, простите, держится на бескорыстной любви к делу, на энтузиазме, на самопожертвовании, если хотите. Нужно всю жизнь проработать на одном месте, не прыгать с места на место, быть однолюбом, подвижником. А много ли таких вы встречали?...

— Мои ученики... — делает попытку возразить Павел Пантелеймонович.

— Да, ученики... Конечно, конечно, — подхватит Василий Степанович, — вспомните, как вы работали вначале, когда переехали в Краснодар, тогда был совсем не тот размах. Это сегодня целые НИИ,

великолепные лаборатории с новейшим оборудованием, десятки, сотни сотрудников. Твори! Вот как изменилась жизнь. Но в нашем деле нет какого-либо предела, вершины достижений. Сегодня это неслыханный сорт, а завтра практик-агроном отвергнет его, потому что жизнь не стоит на месте, требования к сорту повышаются с каждым днем. Да и природа не дремлет, насылая на поля и полчища вредителей, и сонмы невидимых глазу болезней. Не будем говорить о непредсказуемых стихийных бедствиях — они почти ежегодно наносят значительный урон культурным растениям...

Был октябрьский день 1972 года. Более грустного дня в своей жизни Павел Пантелеймонович не мог, пожалуй, припомнить. Возвращаясь с похорон Василия Степановича, он чувствовал такую опустошенность, какой давно не испытывал. Находившемуся с ним в тот вечер Владимиру Васильевичу Усенко признался:

— Знаете, я что-то плохо чувствую себя. За этот год так устал, что, кажется, не отдыхал вечность. Думаю поехать в Крым. Мне нравится там — красиво. Правда, врачи не советуют. Ну да все равно поеду.

И неожиданно после целого дня воспоминаний о покойном снова вернулся к нему:

— Нет, Владимир Васильевич, такого человека, как Василий Степанович, Кубани еще долго ожидать. Да и не только одной Кубани. Не каждому народу ждать таких людей — одного на целое столетие.

Ровно через неделю, 20 октября, Павел Пантелеймонович поехал в санаторий.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Решился, взял наконец Павел Пантелеймонович путевки. Давно так не хотелось отдыхать, как сейчас, хотя врачи и не очень советуют ему ехать. Говорят, повременить бы надо, сердце не нравится им, что ли. Но он настоял на своем. В Ливадию с Полиной Александровной добрались из Новороссийска по морю.

Осень в тот год выдалась мягкая, золотая пора увядания, казалось, застыла в прозрачных далях. Днем — спокойная синь моря и дальние линии берегов, после ужина — тишина парка посреди цветочных газонов, ухоженных клумб, непривычных для глаза пальм, миртов и сосен.

А по ночам в Гурзуфе исполинская луна бледнела светлой медузой над спящим морем, и мерные вздохи его выносили на берег запах глубин, настоящий на йодистых водорослях, сырой и прохладной гальке, рыбной

лузге. Волна откатывалась, и вода ее проливалась меж мелких камешков в прибрежный песок. Эту негромкую песню воды можно было слушать часами, ни о чем не думая и никуда не спеша. Так было, так есть. И всегда будет так. Будет, пока восходит день за днем солнце и смеется луна — будет все так же набегать волна, откатываться и пропадать среди камней, просачиваясь в песок. День за днем, год за годом.

Каждый вечер из санатория он спешил к телефонным автоматам и набирал краснодарский номер. Скучал по дочери. Он разговаривал с ней из душевой кабины, спрашивал о внуках Тане и Жене. Встречавшие их с Полиной Александровной на дорожках парка знакомые шутили: «Скажите, Павел Пантелеймонович, сколько вам лет! Выглядите вы лет на десять моложе ваших!» Они решили остаться здесь еще на несколько дней. Против обыкновения он не захотел отъезжать домой раньше срока.

Вечером шестого ноября случилась беда. Сразу же после ванны почувствовал себя плохо. Через минуту в коридорах только и слышалось: «Инфаркт! Инфаркт!» Полина Александровна не отходила от него ни на минуту. Благодаря ее заботе и вниманию врача, оказавшегося к тому же земляком Полины Александровны, Павла Пантелеймоновича вывели.

Выздоровление шло медленно. Не зря говорят: «Здоровье уходит пудами, а входит золотниками». За всю свою жизнь Павлу Пантелеймоновичу почти не пришлось обращаться к врачам за помощью — казак, здоровый, сильный организм. Род их вообще отличался крепостью и долголетием. Бабушка дожила до столетнего возраста, сестры тоже жили долго — одна даже за девяносто лет; отец на девятом десятке умер, да и то от голода в войну; один из двоюродных братьев в Ивановской, глядишь, скоро до ста лет дотянет. Ему также грех было бы жаловаться на свое здоровье.

На перрон краснодарского вокзала он сошел с большим трудом. Встречавшая дочь испугалась, взглянув на него, но виду не подала. Перед ней был совсем другой человек, постаревший, разбитый болезнью, с тусклыми глазами на осунувшемся лице. Да, глаза были совсем не те, блестящие, живые. Они, казалось, потухли и поблекли.

Лежать пришлось долго. Но уже через короткое время стали звонить с работы, спрашивать, как поступить; принимать ли такого-то на работу, а если да, то с каким окладом, читали пришедшие в институт письма и телеграммы. Чтобы не беспокоить Павла Пантелеймоновича лишним раз, по его просьбе к дивану, где он лежал, подвели телефон, и он, не вставая, мог теперь отвечать на звонки.

Но как только он почувствовал себя лучше, сразу же начал собираться

в институт. Разве усидишь в четырех стенах, когда на дворе весна, когда начинается дело, которого ждали всю зиму, на полянках кипит работа и вообще столько забот, а он будет нежиться?!

В феврале 1973 года, когда Павел Пантелеймонович все еще чувствовал себя неважно, он получил письмо из Мексики от Нормана Борлауга, который летом прошлого года так и не смог присутствовать на конференции по озимой пшенице в Анкаре. Причиной тому, как узнал теперь Павел Пантелеймонович, были, кроме всего прочего, болезнь и внезапная смерть одного из ближайших помощников Борлауга, который проводил большую работу по скрещиванию мексиканских и чилийских пшениц с различными сортами, в том числе и с Безостой, Авророй и Кавказом. Мексиканский ученый считает, что эти пшеницы смогут проявить себя в условиях Аргентины или в южной части Чили. В конце письма доктор Борлауг интересовался, не может ли Лукьяненко порекомендовать сорта, устойчивые к некоторым болезням. Приглашает на одну-две недели в Сонору. Конечно, было бы интересно побывать там. Вот только здоровье что-то подводит. Врачи не советуют перенапрягаться, и сам он понимает, что чувствует себя неважно...

Не сразу ответил Павел Пантелеймонович на это письмо — мешали заботы, да и сердце пошаливало. Он выразил готовность сотрудничать с международной организацией, которую представлял мексиканский ученый, — ведь там испытывались и сорта мягкой пшеницы. Семена интересующих нобелевского лауреата сортов он вышлет. Приехать же в Сонору, к сожалению, не может, скорее всего это исключено. А вот если такая возможность появится у Борлауга, то он ждет его в Краснодаре в начале июня. Тогда они и питомники осмотрят, и вопросы совместной работы обговорят.

В дни вынужденного бездействия Павел Пантелеймонович с увлечением изучал пятый том сочинений Н. И. Вавилова. Вопросы селекции пшеницы, взгляд на них великого ученого всегда представляли для Лукьяненко живой интерес. Эта книга сразу же стала для него настольной. Но не только научные труды читал он в ту пору. Его заинтересовал роман Поля Виалара «И умереть некогда», а когда внуки, Таня и Женя, названный в память о матери Павла Пантелеймоновича, отбирали у него эту вещь, то ему ничего не оставалось делать, как усесться с ними на диван и продолжать чтение книжки Натальи Забилы «Катруся уже большая». Это всякий раз продолжалось и тогда, когда он простужался и совсем не мог читать. Но тогда Таня настаивала, чтобы он разглядывал с ними хотя бы картинки.

Все идет своим чередом. Давно ли он стал дедушкой? Любо ему в свободную от занятий минуту повозиться с внуками. Женя еще слишком мал, а когда Таня не в меру расшалится и ее пытаются увести, чтоб не мешала его занятиям, он просит оставить их вдвоем, так как ребенок нисколько ему не в тягость, наоборот, скорее чувствуешь себя лучше.

Кажется, совсем недавно нравилось Павлу Пантелеймоновичу отправляться с Танечкой на прогулки в окрестностях дома. Особенно если уляжется недолгий снежок, то взять саночки, усадить на них внучку, да и выбраться на Затон — рукав недалекой от их дома Кубани. Миновав дамбу, очутиться в разросшемся за последние годы лесочке. По умятому, осунувшемуся, изъезженному в разных направлениях многочисленными полозьями мягкому снегу выехать к берегу, туда, где виден чистый вымытый песок. Не торопясь добрести до стрелки, туда, где с главным руслом сливается рукав Затона, почти во всю ширину забитый ржавыми днищами и боками барж, обшарпанными буксирчиками, кажущимися никчемными в такую пору и неживыми. Вот они с Таней взбираются на борт одной из барж и видят город с непривычной стороны. За пристанью вдоль невысокого берега среди фруктовых садов в дымке голубоватого воздуха — отжившие свой век домики с возвышающейся над ними пустой колокольной Троицкой церкви с задранными там и сям листами истлевшего железа на кровле. Вот черными хлопьями из стрельчатого проема звонницы время от времени сыплются галки, потом, описывая круги над белым городом, увертываясь вдруг одна от другой, снижаются к черно-белым узорам садов и к реке, резвясь, взмывают кверху и на всем лету проскальзывают в облюбованную каменную обитель.

С левого берега над водой раздается глухой ружейный хлопок — кто-то решил распугать нахальных ворон. Испуганная птица снялась с невысокого куста неподалеку. Вода вдоль снежной кромки под самыми ногами движется такая же светлая, и видно, как струйки свиваются жгутиками над чешуйчатой рябью песка. «Рай для поэта или художника», — подумалось Павлу Пантелеймоновичу, и вместе с внучкой он неторопливо шагает к дамбе, обходя прибрежные кусты краснотала, алеющие на снежной белизне. «Хорошо бы почаще сюда выбираться, — мечтает он. — Минутное дело, а как бодрит!»

Вокруг лежит осевший снежок, и серебристые тополя-осокори белеют с солнечной стороны зеленоватой корой. Желтопузые синички с черными галстучками снуют с ветки на ветку, осыпая на землю искорки снега и древесные соринки. Вцепившись тонюсенькими лапками в веточку, сидит нахохлившийся зяблик, подставив пристуженному солнцу заревую

грудку...

В конце апреля с сердцем опять стало плохо. С большим трудом собрались они с Полиной Александровной и пошли в поликлинику. После снятия кардиограммы, уже сидя в коридоре на стуле, он обратил внимание на то, что поздоровавшийся с ними малознакомый ему молодой человек с каким-то странным вниманием задержал на нем свой взгляд. Когда он отошел, Павел Пантелеймонович спросил: «Поля, неужели я столь плохо выгляжу, что на меня так смотрят?» — «Ну, ты же не на свадьбу собрался, правда? Да и сколько тебе лет? Постарел, конечно. Может, человек давно не видел тебя, вот и удивляется...» — успокоила его жена.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Глава первая

КАПИТАН

Наступали те дни, когда краснодарские домики со ставнями-жалюзи и старинные особняки, отстроенные во вкусе прежних своих хозяев — с фасадами, облицованными перед первой мировой то синим, то белым, то зеленым глазурованным кирпичом из Чехии, с гирляндами-горельефами лепных серых роз и всевозможных фруктов, сценами из античной жизни на фронтонах, — дома, некогда принадлежавшие Акуловым, Фотиади, Лихацким, Богарсуковым, бывшие гостиницами, а в годы гражданской служившие последним пристанищем на пути к Новороссийскому порту бесчисленным штабам и квартирам для белых генералов, дипломатическим миссиям западных держав, имевших свои виды на Кубань в случае ее отделения от России по идее самостийников, — все это скрыто листвой, как и самые что ни на есть ветхие хатки, давно отжившие свой век, сделанные на скорую руку за неимением средств и по самые окошки вросшие в землю, с окнами, давно-давно заколоченными крест-накрест почерневшими от времени досками, — всего этого глаз не замечает вовсе. Таким будет до самой осени убранство города. Постройки, каменные стены при этом как бы затаятся от праздного взгляда, как бы и не помышляя о соперничестве с природой. Прохаживаясь в такое время года по улицам и улочкам, только и видел Павел Пантелеймонович, как бледно-сиреневая пена глициний окатывает балконы и лоджии белых или кирпично-красных домов, синие кресты климатуса сплетаются с рыжим огнем соцветий бегоний. В парках и скверах к ногам набежит прибой разноцветных петуний, вербены, а к самым морозам нестерпимым огнем разгорится пожар полыхающих сальвий и канн. Пирамидальный тополь в пору молодого еще листа, когда он желтоватоглянцев после осыпавшихся шоколадных, а позже — пурпурных сережек, наполняет воздух горьковато-сладким запахом, который смешивается с благоуханием цветущих абрикосовых, алычовых и персиковых деревьев. А с чем сравнить дух только что скошенной травы на газонах? Или начавшей тлеть опавшей листвы в теплые солнечные дни запоздалой осени? Или сиреневую погоду, когда и теплый воздух, ближние и дальние окрестности — все-все видится в каком-то позднеимпрессионистском, мягком, голубоватом свете? А

радость майской черешни и первого августовского винограда, черного с синим налетом, и поздней айвы, светящей желтыми прощальными фонариками плодов среди облетающего сада?

Случалось Павлу Пантелеймоновичу во второй половине дня заглянуть в кабинет. Сюда навещался он в случае крайней надобности: кабинетного работника из него так и не получилось. Как только он затворял за собой двери, чувствовал, как июньское солнце успело прокалить жаром стекло и бетон. Ни единого деревца еще не успело подрасти вблизи здания, и когда это еще дотянется до второго этажа дубок, посаженный его руками на субботнике... Через минуту-другую в залитом ярким светом помещении становилось несносно от духоты, и приходилось тогда выбираться подышать на длинную, вдоль всего этажа, лоджию. Она представляла собой в такую пору подобие палубы, и он стоял у самого борта нездешнего, каким-то чудом оказавшегося в этих краях океанского корабля, плывущего посреди зеленых хлебных полей. Стоя на этой палубе, не раз наблюдал он легкий стремительный лет пепельно-белых азовских чаек, всматривающихся со своей высоты в уже совсем близкое для них Кубанское море. Вдалеке прямо перед ним виднелись корпуса сельскохозяйственного института, начинающие нежиться в темно-зеленых купках поднявшегося за последние годы дендрария. Справа, за бензозаправочной станцией с краснеющей строчкой висящих в воздухе букв «Бензин», постом ГАИ с милицейской белой наблюдательной площадкой, за похожими на курганы городскими очистными сооружениями с торчащими в выцветшее летнее небо громоотводами, — за ними вдоль раскидистой плеяды огромных тополей вдалеке с одной стороны и белых клеток шиферных крыш аула Старый Бжегокай — с другой, мимо островка старожилов-вязов неподалеку от бывшей когда-то в этих местах фермы экономического общества, — там неожиданно широко и светло, будто горячее небо, проплавив линию горизонта, протекло и улеглось в речное русло, открывалась Кубань. Такая картина исцеляла, ласкала его сердце, и он в который раз задерживал свой взгляд на просторе необычного и величавого поворота реки с кажущимися отсюда игрушечными работягами-буксирами, редкими белыми пассажирскими пароходами.

В эти минуты ненадолго исчезали и грохочущая, вечно спешащая линия автомобильной дороги из города на Елизаветинскую и дальше до Марьянской, на Ивановскую, Славянскую и Темрюк, не слышалось тогда грохота с рубероидного завода, оставались на несколько мгновений эта даль неба, гладь реки его отражением на земле, да вдруг едва уловимое движение теплого воздуха вдоль палубы-лоджии, — это в лаборатории по

качеству, расположенной напротив его кабинета, вынимают из печей образцы. «Скоро позовут снимать пробу», — думает он, вдыхая привычный запах.

Но было и главное, что так и не давало ему покоя в этом новом помещении. Ему казалось досадным взять да и оставить ради бумаг в такую вот пору, пусть ненадолго, свои деланки, которые, словно живые, по-своему ревновали его и к этому все еще никак не привычному и не обжитому до конца кабинету, ревновали к поездкам в дальние командировки, к больничным дням и даже к святой святых его — к дому, семье — ко всему тому, что хотя бы как-то разъединяло его с ними, отвлекало или же могло увести, пусть и ненадолго, в сторону. Павел Пантелеймонович по-особому чувствовал свою связь с полем, а с годами это сказывалось все острее. И ничего с этим не поделать было, потому что все давно стало его судьбой, жизнью.

По этой же причине не могли его потрясти в дальних краях ни Пизанская башня, ни собор апостола Павла в Англии, ни вся вместе взятая готика, никакие чудеса света в Монреале, ни минареты Айя-Софии и бухта Золотой Рог — не им суждено было смущать его воображение, потому что в этом мире он был занят другим. Тем, что стало делом всей его жизни — от первых шагов в селекции и до последнего вздоха. Вот каким емким понятием может стать для человека хлеб, по древней народной мудрости предназначенный быть всему головой.

Журналистов он по возможности старался избегать. Равно как и старался уклониться от встреч со слишком зачастившими в последнее время в институт экскурсантами. Весна, работы по горло, а тут рассказывай! Как только завидит, что к деланкам приближается очередная такая группа, сперва прищурится — для пущей достоверности предпочитал присмотреться получше, — а там заложит руки за спину и зашагает куда-нибудь в сторонку. Тому же, кто находился рядом с ним, успевал бросить: «Ну вот, опять... Делать им нечего?! Вы их тут встретьте, а мне некогда, я пойду». И удаляется, согнувшись как бы под грузом своих лет.

В последнее время он заметил, что на сердце у него было тяжело. Он чувствовал этот давящий камень еще после похорон сестры Татьяны. Последней своей сестры. А то еще недавно по дороге из Ленинградской в Краснодар они с Полиной Александровной видели последствия тяжелейшей аварии, и у него на весь оставшийся путь испортилось настроение. Волнение понемногу улеглось по мере того, как он уносился в воспоминаниях к тем дням, когда в самом начале пятидесятых годов ему частенько приходилось забираться в станицу Ленинградскую на

сортоиспытательные участки, где в самой северной зоне края проверялись создаваемые в Краснодаре сорта. Вместе с молоденьким сотрудником Сашей Глуховским усаживался он в свою коричневую «Победу», предварительно загрузив багажник двумя канистрами бензина. Тогда по всей этой дороге и в помине не было никаких бензозаправок.

...Да, время было трудное. Война все еще давала о себе знать, и он хорошо помнит ту пору. Были невзгоды, барьеры, но он не спасовал, а, наоборот, упорно шел к своей цели. Говорили и продолжают говорить, что ему везло на людей, везло на сотрудников. А как же иначе? Его часто спрашивают, каким образом ему удается на протяжении стольких лет сохранить в своем отделе в общем-то постоянный состав. Секретов нет. Как знать, быть может, потому не уходили, что он всегда дорожил людьми, ценил их. Какая была оплата труда в те годы? На сельскохозяйственных работах длинного рубля не получал никто. И из многих отделов института сотрудники уходили при первой же возможности, припекав более оплачиваемое местечко. Кто стал бы их винить в этом? Но у него задерживались. Наверное, оттого, что ко всякому сотруднику, что с ним работал, он подходил с теплом и вниманием, интересовался его личными делами, пристрастиями, наконец. А как же иначе?! И отчего было при первом же удобном случае не подумать о своих помощниках в работе, если, например, приходила премия за новый сорт или усовершенствование. Премия нередко на его имя, да дело-то они делали общее и сообща...

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Обычно из института он уходил последним: кто-то отпрашивался пораньше, чтобы успеть на пригородный автобус, кто-то взял билеты на новый широкоформатный фильм; один из научных сотрудников торопился к телевизору: «Сегодня, Павел Пантелеймонович, играют наши с профессионалами!» Заядлый болельщик хоккея! Что с ним поделаешь? Ассистент спешит в паспортный стол... Словом, у каждого своя забота. И он оставался в кабинете один, склонясь над письменным столом, над своими бумагами, над таблицами, которые постоянно дополнял, уточнял. В этих занятиях проходил час-другой. А когда поднимал голову, за окнами уже давно синел душный летний вечер. И непоседливые ласточки уgomонились в своем укромном уголке у верхней фрамуги, поглядывая из гнездышка на него...

Павел Пантелеймонович вставал из-за рабочего стола, расправлял

затекшие плечи, для чего наскоро делал несколько сильных движений руками — от груди в стороны наотмашь, надевал пиджак, поправлял узел галстука и бодро сбегал по лестнице вниз. Пока машина добиралась по вечерним улицам до дому, в голове его зримо, до мельчайших подробностей, мелькали картина за картиной из прошлого, теперь уже такого далекого, но оттого родного и трогательного...

И теперь, как и в далекую пору юности, в этот час отходящего дня пришли в голову строки из бессмертной песни:

*Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он.
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!..*

И Павел Пантелеймонович вспомнил все, что произошло во время их первого с Василием отъезда из Ивановской, когда они летом 17-го года тащились на лошадях в Екатеринодар, и в который раз прочувствовал умиротворенно-красивый, любимый напев «Вечернего звона»...

Припозднился и на этот раз Павел Пантелеймонович. А ведь сегодня утром домой обещался прийти вовремя. Просил Полину Александровну к ужину приготовить кубанский борщ. Он предвкушал те минуты, когда усядется за стол с дымящейся тарелкой нехитрого кушанья, от которого исходит аппетитный аромат сала, толченного с чесноком. И тут же острый вкус стручкового перца сменил запах вареников с земляникой. При этих мыслях он заторопился, прибрал со стола ненужные на завтра бумаги и поспешил к выходу.

С годами все чаще они с женой, сидя по вечерам в его кабинете, стали вспоминать прожитое время. И на этот раз засиделись до полуночи. Про разное говорили.

В первый же свой отпуск после переезда в Краснодар двинулись на море. В Анапу, конечно. Прибыли на автостанцию. Никого не знают, стоят. Подходит человек какой-то, поздоровался. Понял, видно, что приезжие. Пригласил к себе, где уже приготовлено было все, что нужно для отдыха: и постели и посуда. Расположились. Мужчина на примусе яичницу приготовил, чай. «Живите, — сказал он, — сколько хотите». И ушел со двора. Вечером Полина Александровна спросила у соседей, подозревая

что-нибудь неладное, кто такие люди, у которых они остановились. Те в один голос заверили, что всем, кто останавливался здесь, очень нравилось. А хозяин — шофер, по неделям не бывает дома, жена его и вовсе редко является сюда — работает в дальнем санатории.

С неделю так они прожили в Анапе. И только тогда является какая-то женщина, приятная с виду, симпатичная, и говорит: «Ну, как здесь, понравилось вам?» Поняли они с Полей, что это и есть хозяйка дома. «А мы сейчас вкусненького чего-нибудь попробуем», — начала она с порога. И достала свежего варенья сливового, из метелки.

Так жили они в Анапе, отдыхали, ни о чем не заботились. А базары?.. Привозы были в ту пору — никто их не закрывал. Торговали, пока деньги считать можно было. И чего только не продавалось там — и рыба свежая, и масло, и сыры, и куры. Рядом Джемете, оттуда вино прекрасное завозили. И в маленьком ресторанчике повар так готовил кефаль, что туда наведывались издалека, даже из Геленджика, — отпробовать заманчивого блюда.

Как все это далеко теперь! Отдыхали, были здоровы и счастливы, наслаждались морем и воздухом, солнцем. И кажется, привозили в Краснодар кое-какие деньги. Смешно вспоминать, но так было — чуть ли не копили их, отдыхая.

Поездили они с Полей, пока молодые были, по краю изрядно. Вспомнить есть что. Побережье почти все изучили во время отпусков — и Геленджик, и Сочи, и Крым... Дача Короленко в Джанхоте, а рядом — дача Щербины. Того самого, которого видывал Лукьяненко в оные времена на екатеринодарских улицах, кубанского историка и статистика. Кто же не знает его «Историю Кубанского казачьего войска»?

И Красноводск вспомнили, эвакуацию, как Павел Пантелеймонович тогда на станции задержался с документами, а Поля с дочкой в вагоне остались. Да. Селекционный материал он не смог бы доверить никому, это правда. Его нет, они с Олей ждут. И вдруг перед самым отправлением в вагон врывается целая армия каких-то людей. Им надо было до Ташкента, но этот вагон их вполне устроил. «Попутчики» стали располагаться, не обращая на протесты никакого внимания.

Состав стал отходить. Выглядывая в окно, Поля наконец увидела, что Павел бежит. Как они боялись за него! Но он все же успел, ухватился за поручни последнего вагона, вскочил на подножку. А поезд ход набирает. Тут они с Олей давай кричать из окна. Стала давать знаки машинисту.

— А что вы кричали тогда? — спросил Павел Пантелеймонович.

— Что будешь кричать? Ветер, шум поезда... Просто, сколько духу

было, изо всех сил надрывались... Тут и начальник поезда прибегает наконец в вагон. Начались расспросы. Потребовали документы.

— Документы, — говорю ему, — вы сможете увидеть, выглянув из окна. Они у того самого человека, который висит сейчас на подножках. Это мой муж.

Остановили состав, открыли двери. Павел Пантелеймонович поднялся в вагон. Теперь-то говорить легко, а тогда... Что почувствовал тогда он, когда явился и увидел на имевшихся в их распоряжении местах неизвестных людей?! Да... Как он бросился к своим полкам!.. А на верхней-то улегся один из них. Мигом он схватил его и, держа в руках, заорал. Да, да! Заорал не своим голосом: «Вон отсюда!» Помнится, этот мужчина очутился тут же на полу в одном грязном белье. А какой конфуз с ним случился? Ну да, он сейчас же побежал в конец вагона, смешно передвигая ноги. На ближайшей же станции вагон освободили.

— А сколько в моей жизни было чудесных случаев! — продолжает Полина Александровна. — Вот это разве не чудо? Павел, я тебе уже говорила о курочке, что приносила нам с Олей каждый день по яичку?! В Алма-Ату мы приехали. Нам отвели место под опыты, и дело пошло. Но тебя отозвали в Москву, и все легло на мои плечи.

Заработали... А кто был рядом со мной? Калеки, вернувшиеся с фронта, иные без ноги или руки, да женщины, у которых мужья на фронте?! Мальчишки?! Ох и трудно мне было! Пайка не давали целый месяц, сказали, что муж уже получил... Но ты в Москве, а где паек? Я получала 500 рублей в месяц, а булка хлеба стоила 250 рублей, курица — тоже 250, малая банка кукурузы — 200 рублей.

Несмотря на это, девочка была все это время вполне здоровой и упитанной даже. Мир не без добрых людей — местные жители — кто пару яичек принесет, кто морковку... Но сколько можно жить на подаянии?

Я еще раз напомнила о пайке. И тогда кто-то из начальства пришел к нам, попросил открыть кладовочку (вместе с нами жило несколько семей сотрудников, в общем коридоре квартиры были). И что же мы увидели? Там стояли мешки с мукой. Оказывается, ты, когда уезжал, выписал паек и поручил своему сотруднику, помнишь его имя? Ну, хорошо, не надо имени. Ты попросил передать твой паек мне. Но тот человек оказался, мягко говоря, непорядочным и сам, ничего не сказав мне, пользовался мукой. Это продолжалось более месяца. Когда его разоблачили, он чуть со злости не разломал двери, бросив в них железный лом. Потом выбежал на улицу и там еще орал не своим голосом. «Я тоже жить хочу!» — кричал он.

Да, курочка... Пошла я как-то на базар. Ходила, ходила, а все вокруг

прилавка с курами хожу. Но чувствую, что никак не решусь взять. За 250 рублей за штуку — ведь это подумать только — добрая половина месячной зарплаты! А надо — Оля ослабла, просит супчика легкого. Придется брать, думаю.

Тут вижу — подходит ко мне какой-то военный, офицер. «Вы, — говорит, — хотите взять курочку, пойдемте — я помогу вам выбрать. Берите вот эту, но не режьте ее, она вам оплатит — каждый день будет приносить по яичку. А себя она сама прокормит — вы живете среди пшеничных полей, она всегда найдет что склевать».

И вот принесла я ее. Курочка походила, походила по комнате, затем вышла. Долго ее не было. Потом слышим: взобралась на подоконник с улицы и стучит клювом в окошко, просится. Открываю дверь. Она вбежала, походила по углам, походила, села в одном из них, яичко снесла, крылышками помахала — и снова на улицу.

Так вот, сколько мы жили там, под Алма-Атой, пока ты в Москве был, курочка эта ни одного зернышка в комнате нашей со стола не склевала, а там всегда лежала селекционная пшеница. Кормилась на улице, и каждый день — яичко.

О, как мы тебя ждали! Делянки наши были на бугорке, на горочке маленькой. Как будто для того, чтобы я садилась там и видела далеко вокруг и линию железной дороги, конечно. И каждый раз ожидали, сидя с Олей на этом бугорке, — вот поезд идет, привезет Гену и тебя. Но ничего этого не случилось, — глубоко вздохнув, смолкла Полина Александровна.

И как впервые встретились в Ессентуках, об этом тоже вспомнили. Когда заведующий сказал, что сегодня ночью, мол, приезжает практикантка и нужно ее встретить. Он тут же спросил, кто пойдет на станцию. Павел почему-то согласился сразу. Поздно вечером явился на станцию, подремал на лавочке, походил по перрону, а там и поезд подошел. Было два часа ночи.

— Ну да, — перебила Полина Александровна. — Выхожу из вагона — никого на перроне нет. Ни души. Испугалась. Что делать? Ночь... Куда я пойду одна... но нет, навстречу мне какой-то молодой человек. Высокий, стройный... Ты мне сразу понравился. Вот бывает такое в жизни!.. Как сейчас помню — ты зыркнул на меня раз-другой и спрашиваешь:

«Что, практиканточка, приехала? А я тебя встречать пришел. Тут недалеко, два километра всего. Так пешком двинемся или до утра ждать будем лошадей?»

Вспомнили, какая была тогда весна. Шел апрель. Ночь чудная. Все цвело. И луна... И соловьи. Как они неспешно брели и сразу перешли на

«ты», с первых слов.

Добрались. Комната оказалась уже приготовленной — все как положено. Даже чай они поставили сразу. Сахар был на столе. Вот так и познакомились. И эту его особенность «зыркнуть» глазами на женщину и тут же расположить, что многие отмечали потом, припомнила Полина Александровна, лукаво погрозив мужу.

— Не знаю, не знаю, — ответил Павел Пантелеймонович. — Но вот тогда мы вскоре и поженились. Сразу как-то все само собой получилось. И столько лет вместе...

— Не раз я подмечала, как люди на пляже, особенно женщины, любовались тобой, когда ты вел за руки детей. Это была картина!.. Дети вообще были у нас загляденье. И как это некоторые по своей воле остаются без детей? Не понимаю я этого...

Долго не кончался тот вечер, пока перебирали они в памяти прожитое...

Глава вторая

ДЛЯ ПОТОМКОВ

Сидел Павел Пантелеймонович в своем кабинете и никого не принимал. Было это 12 июня 1973 года. Не в его, казалось бы, правилах, но так сложились обстоятельства. В этот день должны были начаться съемки документального фильма с его участием. С утра у входа в здание института суетилась съемочная группа, подготавливались к съемкам. Вчера показывали сценарий, и он ему не пришелся по душе. Зачем тратить время по пустякам? Да и что он должен делать при этом? Вот когда ему сказали, что к обеду должен подъехать Усенко, который тоже решил принять участие в написании сценария, он немного успокоился.

Хотя сотрудников настоятельно просили не беспокоить в этот день академика по его же просьбе, к нему время от времени просовывалась в дверь то белая панамка, то черная борода, то непомерно длинный козырек. Многочисленные и малопонятные ему «жрецы» хлопотливой музы — кино.

Как и обещал, Усенко подъехал к обеду. Владимир Васильевич повел его во двор, и они вдвоем вышли на дорожку. Посреди разговора Павел Пантелеймонович, услышав стрекот кинокамеры, удивленно спросил:

— Как, уже снимают?

— Да нет. Это пробные съемки. Пока идет подготовка. Сам фильм завтра будут делать, — поспешил успокоить его Владимир Васильевич.

Когда приблизились к делянкам, оператор подошел к Владимиру Васильевичу и, отозвав того чуть в сторонку, попросил:

— Так при всем нашем желании ничего у нас не получится. Ну что это он — уткнулся в землю, хмурится, и ни слова, ни полслова. Нам надо показать зрителю академика Лукьяненко живого, в действии, а он идет, и никаких эмоций. Растормошите его. Кто-кто, а вы знаете его лучше нашего...

На краю делянок Усенко, подняв с земли пшеничный листик, показывал на нем какую-то букашку Павлу Пантелеймоновичу. И заснял так их оператор — говорят они о чем-то своем, одним им известном у кромки хлебного поля...

Были потом съемки и в его кабинете, где рассказал ученый о сортах,

выведенных под его руководством в последнее время. Говорил об особенностях их, об отличии от исходных родительских форм, о путях улучшения новых сортов. На завтра, на 13 июня, назначали съемки, но они не смогли состояться. Их просто не было...

И остались те немногие теперь кадры, что с благодарностью просматривают сегодня все, кто приходит и приезжает в институт, носящий уже его имя, за опытом, приезжают и приходят, чтобы поклониться памяти человека, посветившего всю свою жизнь без остатка самому благородному делу на свете — борьбе за то, чтоб был на столе у нас каждый день и во всякую погоду кусок хлеба. Сделал это Павел Пантелеймонович с большой гарантией. И на многие годы вперед...

Так и звезды на небе — говорят же, что иные давным-давно погасли и исчезли, но все еще доходит до нас прежний их свет. С Лукьяненко случилось то же — не однодневные идеи или бесчисленные прожекты — материализация идей науки в кратчайшие сроки — вот что прежде всего ставим ему в заслугу мы, его современники и потомки...

И среди прочих бумаг остался на рабочем столе лежать листок — кому-то потребовалась его автобиография. Павел Пантелеймонович ее написал. Вся жизнь, долгая, сложная, расположилась на одном листке. Но не страницы — целых томов не хватит, чтобы вместить ее итог.

ДЕЛОМ — НЕ СЛОВАМИ

Размышляя о сегодняшнем и завтрашнем состоянии селекции, Павел Пантелеймонович не забывал и о прошлом. Конечно, несведущему может показаться странным, зачем это буквально с первых шагов своего поприща ухватился он за сорта зарубежной селекции. Отнюдь не экзотики ради это делалось. Не оказалось просто к тому времени среди местных сортов ни одного способного противостоять ржавчине. А опа с каждым годом отнимала все большую часть урожая.

Быть может, и есть его заслуга как раз в том, что удалось вовремя прийти к единственно верному заключению, а не распыляться по пустякам. Он справедливо посчитал тогда, что основной бич хлебов на Кубани — ржавчина, которая в отдельные годы снижает урожаи пшеницы на одну треть. Накопленный к тому времени опыт убедил: единственный путь борьбы с этим явлением — создать сорт, который обладал бы иммунными свойствами по отношению к вирусу, так как иные меры борьбы успеха не

приносят.

Тогда результаты испытаний показали, что среди местных озимых мягких пшениц сорта, способного устоять против ржавчины во время эпифитотии, нет. Оказались таковые в числе завезенных в нашу страну «иностранцев». Отлично зарекомендовали себя аргентинские сорта Клейп-33 и Венцедор. Они в течение длительного периода испытаний отличались высокой степенью устойчивости, почти не поражались ржавчиной. В последнее время это замечательное и редкостное качество он обнаружил у некоторых из немецких и канадских сортов. Вот эти свойства, весьма ценные для передачи потомству именно таких желательных для него как селекционера наследственных факторов, и были причиной того, что из них в последнее время и подбирались родительские пары. Кроме того, сорта из ГДР имели высокопродуктивные колосья и потому использовались для выведения гибридов с многоцветковыми колосьями. Вдобавок ко всему такие сорта из ГДР, как Нью-Цюхт К 40109 и ржано-пшеничный гибрид 63–49, показывали завидную устойчивость против стеблевого и корневого полегания. Как известно, это явление может значительно снизить урожай: одновременно ухудшается качество зерна и происходит удорожание уборочных работ — ведь это связано с дополнительными затратами труда и времени.

Многолетние наблюдения приводят Лукьяненко к выводу, что сорт не полегает не только за счет короткой соломины. Это может произойти и при прочном, устойчивом стебле, который, как правило, образуется у растения в разреженном посеве, когда солнечный свет получает свободный доступ к стеблю и листьям и тем самым способствует упрочению механических тканей. Чтобы за счет изреженности посевов не снижалась урожайность, он считает, что следует выводить сорт только с высокопродуктивными колосьями. Прочный невысокий стебель и крупный тучный колос, обеспечивающий высокий выход зерна, — вот желательный итог работы, к которому он стремился как селекционер. Или, как это принято называть в селекции, обеспечение узкого отношения зерна к соломе.

По его мнению, растение всю энергию роста и развития должно в конце концов затратить на формирование как можно большего колоса, по возможности дать максимальный выход зерна, уменьшая при этом массу соломы. Потому Павел Пантелеймонович не раз и задавался вопросом: «Зачем гнать растение в солому?»

В своей практике исходному материалу он всегда придавал большое значение. Непревзойденная коллекция пшениц, собранная во Всесоюзном институте растениеводства и ежегодно пополняемая советскими

экспедициями в различные уголки земного шара, являлась надежным и весьма ценным источником для работы Лукьяненко и его сотрудников, она аккуратно предоставляла ему богатейший материал для проведения скрещиваний. Постоянное сотрудничество с ВИРом, изучение его коллекции с целью выбора наиболее подходящих образцов для дальнейшей работы по выведению новых сортов продолжались в течение нескольких десятилетий. Спасибо Николаю Ивановичу Вавилову — сделал он громадное дело еще и тем, что положил начало такому исследовательскому центру, каким нынче является ВИР, был инициатором экспедиций наших ученых за растениями всех континентов, положил начало собранию, не имеющему аналога в мировой науке и практике. Пример подвижничества Вавилова, его подвига, приобретшего поистине планетарные масштабы, восхищает и по достоинству оценивается нашим временем. С течением времени все четче вырисовывается его фигура гражданина и патриота, ученого с мировым именем, чей авторитет смущает воображение своей поистине ренессансной мощью и многоплановостью интересов.

Лукьяненко был тесно связан с коллективом этого института и поэтому, когда его приглашали на 75-летний юбилей ВИРа, в письме его с полным правом называли «большим другом ВИРа». На этом юбилее Лукьяненко должен был сделать доклад на тему «Мировое значение коллекции ВИРа».

Да, многолетнее сотрудничество со Всесоюзным институтом растениеводства было весьма плодотворным и всегда занимало видное в деятельности Лукьяненко место.

Подавляющее большинство пар подбиралось им для скрещиваний по такому принципу: как правило, материнская форма растения отыскивалась из местных или отечественных популяций. Отцовская же форма выбиралась из сортов, географически отдаленных. Причем вовлекался в опыты он с таким прицелом, чтобы при скрещивании смог передать все те ценные признаки и свойства, которых недоставало местному сорту (ржавчиноустойчивость, раннее созревание, высокая продуктивность и т. д.).

В своей практике выведения новых сортов Лукьяненко использовал скрещивание не только озимых с озимыми, но и озимых с яровыми сортами.

Начиналась длинная ниточка, которая растягивалась порой не на один десяток лет.

Нет-нет да и приходится услышать ему от иных скептиков упрёки в адрес практической селекции. Мол, хоть сорта-то вы иногда и выводите, да

не умеете толком объяснить, как и почему, а все оттого, что они у вас едва ли не по счастливой случайности «получаются». Что ж, он согласен, но если бы селекционеры, а коль говорить конкретно, то генетики, от которых многого ждут, знали уже сегодня, как внедрить в наследственную структуру те или иные гены, передающие потомству нужные свойства, допустим, ту же морозостойкость или устойчивость к ржавчине, то с повестки дня тут же были бы сняты вообще многие проблемы селекции и справедливо можно было бы говорить о коренном перевороте в области биологии. То же самое произойдет, когда физики, скажем, найдут путь к управлению термоядерной реакцией — тогда практически проблема получения энергии будет решена на Земле.

Конечно, пока что селекционеры во всем мире выводят сорта, всецело полагаясь на невидимые глазу и не поддающиеся полному и исчерпывающему объяснению биохимические процессы, происходящие в клетках. Генетики в изучении наследственности сделали громадные открытия в этом направлении. Но все же это касается пока что лишь познания тайн, открытия края завесы, но не управления самим таинством, как это делают сегодня те же химики, получая пластмассы с заранее заданными свойствами...

Да, если угодно, то до сих пор все без исключения сорта пшеницы созданы селекционерами, можно сказать, эмпирически. Ну кто возьмет на себя смелость похвастаться, будто, создавая сорт, он заранее был уверен, что гибрид или линия будут обладать такими-то и такими хозяйственно ценными качествами, запрограммированными им. Гипотетически он, конечно, вправе рассчитывать, что новый сорт должен все же обладать, допустим, ржавчиноустойчивостью, так как отцовская форма непременно обязана передать по наследству это качество. Иногда это происходит, а большей частью все усилия селекционеров так и остаются усилиями. Не больше. Взять, к примеру, пшеницу из Эфиопии, которая обладает засухоустойчивостью, но малопродуктивна, и скрестить ее с местным высокоурожайным, но плохо переносящим засушливые условия пшеничным растением, надеясь, что засухоустойчивость передается по наследству. Тут можно ожидаемого результата и не получить. Причин много. Но главная, видимо, все же в том, что в условиях нашей лесостепи африканский сорт может не раскрыть своих потенциальных возможностей, а в данном случае необходимая нам засухоустойчивость не проявится в потомстве в силу того, что в необычайных для растения условиях она может быть подавлена, проявят же себя совсем нежелательные нам качества. Ему из собственного опыта известны случаи, когда от двух

скрещиваемых сортов, отличающихся устойчивостью к ржавчине, в потомстве преобладали формы, подверженные в большой степени поражению этим заболеванием.

Добиться желаемого результата можно только тогда, когда проводятся многократные скрещивания с тем, чтобы закрепить какое-то нужное свойство. Так рождаются комбинации, когда при одной материнской форме берут несколько отцовских и наоборот. Делается это потому, что наследственные признаки у большинства сортов слабо передаются.

В последние годы эксперименты по гибридизации в Краснодарском научно-исследовательском институте достигли особенно больших масштабов. Вот что об этом пишет сам Лукьяненко:

«...в конечном счете ежегодно имеем 30–50 комбинаций скрещиваний. По каждой из них опыляем 100–200 колосьев или 2000–4000 цветков, что дает возможность проводить индивидуальные отборы нужных нам форм, начиная уже со второго поколения».

Такую громадную работу по опылению в институте успешно проводили благодаря методам, предложенным Лукьяненко еще в самом начале его деятельности на Краснодарской селекционной станции в 1931 году, когда им был предложен наиболее дешевый и эффективный метод сближения заранее подготовленных родительских пар, высевающихся на делянках смежными рядками. И другой способ опыления, так называемый групповой (или бутылочный), также был изобретен Павлом Пантелеймоновичем и применяется с 1934 года.

В результате скрещивания создается всего лишь, как справедливо считают специалисты, исходный материал для селекции. Это только основа для дальнейших занятий специалистов. Известно, что гибридные популяции дают, как пишет Лукьяненко, «непрерывный ряд отличающихся между собой по тем или иным свойствам биотипов, среди которых обычно имеются и такие, которые по комплексу хозяйственно ценных признаков превосходят обе свои родительские формы».

Начинается направленный индивидуальный отбор форм, обладающих нужными ценными в хозяйственном отношении свойствами. Этот метод считается основным в селекции. Им-то он и пользовался в своей практике.

Например, в пору районирования Безостой-1 в Краснодарском научно-исследовательском институте ежегодно высевалось до 10 тысяч гибридных линий. Масштабы, бесспорно, огромны. Но именно при таком объеме и удавалось ему отобрать самые ценные в хозяйственном отношении растения. Положительные качества, замеченные в них, закреплялись в ранних поколениях. Высевалось, как уже упоминалось, 10 тысяч линий, а к

конкурсным испытаниям допускали лишь 30–40 сортов. Остальные исключались в самом начале отбора как наиболее близкие друг другу.

Важной особенностью своей работы Павел Пантелеймонович считал то, что отборы лучших гибридных линий всегда проводились им непременно в поле, а не после уборки, когда колосья уже вяжутся в снопы. Отбор ведется по нескольким признакам: внимательно, весьма скрупулезно прослеживается устойчивость растений к ржавчине, прочность соломины, учитывается, насколько скороспелы и продуктивны колосья. Например, отдельные растения выколосились 5 мая в отличие от более позднего срока выброса колоса у других. Это растение, как обладающее ярко выраженными признаками скороспелости, отмечается на делянке ленточкой одного цвета. А вот не пораженные бурой или желтой ржавчиной растения отмечаются в период молочно-восковой спелости ленточкой другого цвета.

Во время сбора урожая колосья обмолачивают отдельно один тип от другого, зная, какими признаками обладали растения, с которых они собраны. Наконец, отбирают такие из колосьев, которые имеют большее число зерен и лучшего качества.

Как отмечает П. П. Лукьяненко, «применением индивидуальных отборов в ранних поколениях гибридов были выведены районированные сорта озимых пшениц нашего института: Новоукраинка-83, Безостая-4, Кубанская-131 и др.».

Селекция сегодня знает немало других путей. И многие из них интересовали Лукьяненко. Но пользовался он лишь немногими, наиболее верными.

Правда, говорили ведь ему, что, создав Безостую, он на годы вперед закрыл дорогу новым сортам, как своим, так и тем, что буду? создаваться другими учеными. Недаром один из ведущих югославских селекционеров, кажется, Славко Бороевич, сказал ему однажды не то в шутку, не то всерьез: «Да понимаете ли вы, Павел Пантелеймонович, что своей Безостой наделали?! До вас мы занимались селекцией спокойненько — дал сорт с прибавкой в два-три центнера — и дальше двигайся. А теперь, что бы ни создали, а как до Безостой дотянуться?! Лишили вы нас работы, Павел Пантелеймонович! На полвека вперед закрыли дорогу!»

Возможно, и была в тех словах какая-то доля правды, но не так думал Павел Пантелеймонович. Конечно, лично ему трудно будет создать что-либо после своего шедевра, чтоб что-то могло потягаться с ней. Всем известно, что сорт свой он создавал для районов с относительно мягким климатом. А наша страна громадна, контрасты почвенно-климатических

условий разительны. И далеко на север Безостая не пойдет. Он-то отлично знает слабости и возможности своего сорта.

Но вот под Киевом в Мироновском селекцентре работает Василий Николаевич Ремесло. Его мироновские пшеницы, созданные путем переделки природы сорта из ярового в озимый, далеко пойдут, продвинулись в северные широты. Павлу Пантелеймоновичу самому после войны довелось выводить Ворошиловку, правда, он переделывал озимые в яровые, но как же не знать и не ценить того, чем занимаются в Мироновке? Тем более что это близко и дорого его сердцу, так как все это — ветви одного могучего дерева мичуринского учения. Уже заявляет о себе ростовский селекционер Иван Григорьевич Калинин, и следует ожидать, что не за горами время, когда и он продвинет на донские поля свои сорта. Придет час, он в этом уверен, когда и в других районах создадут пшеницы, подходящие именно для тех мест, где их возделывают. А пока... Слов нет, пока Безостая не всем подходит, но если она хоть какой-то выход — пусть сеют Безостую.

Думая и о нашем завтра, П. П. Лукьяненко писал: «Как бы ни развивались наука и техника, благополучие человека, его здоровье и питание зависят от земли. А земля у нас не безгранична, гектар пахоты так и останется гектаром на вечные времена. Значит, надо поднимать его плодородие, повышать урожайность».

Он мог быть довольным и имел к тому основания. Ведь последнее десятилетие его жизни отмечено стремительным подъемом уровня урожайности пшеницы во многих странах. И не только на исследовательских делянках, но и в производственных посевах. Все это, безусловно, радовало его как ученого, который создавал новые высокопродуктивные сорта. Довольны были и производители зерна.

Но медовый месяц продолжался недолго. Вал валом, а качество качеством. Лаборатории по анализу качества хлеба, получаемого из новых сортов, с тревогой стали отмечать закономерность — с повышением урожайности падает белковое содержание в зерне пшеницы.

Он хорошо знает, что ценность зерна пшеницы зависит от нескольких причин — тут не надо сбрасывать со счетов и температуру во время налива, и влажность воздуха. Многочисленные исследования на протяжении более ста лет показали: самое большое количество белка, и притом высокого качества, образуется, если зерно созревает при высоких температурах и при недостатке влаги. Уже после этого следует принимать во внимание условия хранения и способы переработки зерна. Все это так.

Но не следует забывать и о сортовых особенностях пшениц, способе

их возделывания. Проследивая всю историю селекции пшеницы, Павел Пантелеймонович обнаруживал постоянное внимание селекционеров к повышению продуктивности в первую очередь. Однако в последнее время задача несколько усложняется, изменяется прежний подход. Само собой разумеется, вопроса о продуктивности никто снимать с повестки дня не собирается. Но настойчивее заявляет о себе и проблема качества белка, содержание его незаменимых аминокислот в пшеничном зерне.

Недаром озимые мягкие пшеницы разделяются на три группы: сильную пшеницу, пшеницу среднего качества и слабую. Первая характеризуется большим содержанием белка, притом хорошего качества. Из муки этой пшеницы можно получать тесто, которое выдерживает интенсивный замес и длительное брожение. Она дает высокий объем хлеба и обладает отличной смесительной способностью. Специалисты под этим термином понимают одно — мука из сильной пшеницы улучшает хлебопекарные качества слабой (добавки к таким пшеницам могут составлять от 20 до 50 процентов).

Когда говорят о средних «по силе» пшеницах (или филлерах, как их еще называют), то подразумевается, что они сами по себе дают хороший по качеству хлеб, но не могут быть улучшителями.

Во всем мире заговорили о падении уровня содержания белка в зерне пшеницы. Исследования некоторых ученых несколько обнадеживают — они считают, что путем увеличения доз азотных удобрений, улучшения агротехники можно добиться повышения количества белка от одного до пяти процентов. Но этим никто не обольщается, так как теперь селекционеры знают, что содержание белка в пшеничном зерне зависит главным образом от наследственных признаков. Пришло время сказать свое слово генетикам. Он же советует своим сотрудникам обращать особое внимание при выведении нового сорта на содержание белка в зерне.

Из сообщений, появившихся в последние годы в научных журналах, Павел Пантелеймонович знал, что в разных странах мира ученые проявляют интерес к белку. Особенно его заинтересовала работа Джонсона, того самого профессора из университета в штате Небраска, который вот уже несколько лет усиленно занимается изучением генетического механизма белковости зерна. У американского ученого, по полученным сведениям, как будто есть обнадеживающие результаты в этом направлении. Им были получены высокобелковые линии пшениц от скрещивания перспективного сорта Атлас-66, который имеет высокое содержание белка, с широко распространенным в США сортом Команч. Результаты их анализов на содержание лизина, метионина и трионина

(составные белка) показали, что наследственное содержание белка уклоняется в сторону высокобелкового родителя. Было зафиксировано повышение содержания белка на 2–3 процента.

В 1970 году Джонсон продолжал поиски сорта, гены которого при скрещивании с генами Атлас-66 способствовали бы накоплению белка в зерне. Как будто Джонсону и его сотрудникам удалось отыскать такой сорт. Им оказался сорт из Аргентины Апиверсарио.

Исследования в этом направлении продолжались. Но в том же году американцы Чэпмен и Мак Нейл пришли к не очень-то утешительному заключению. Дело в том, что оба они ни в одном из многочисленных скрещиваний мягких пшениц не смогли зарегистрировать у потомства более высокого содержания белка, чем у исходных форм. Напрашивался вывод: гибриды в этом отношении не могут превзойти родителей.

Скрещивали Атлас-66 и с нашим Кавказом. Трехлетние наблюдения показали, что Атлас-66 содержит 17,3 процента белка в зерне, а Кавказ — 14 процентов. Во втором поколении от скрещивания этих двух сортов встречались линии, содержащие 15,6 процента белка. Анализируя новую научную информацию, Павел Пантелеймонович видит и здесь подтверждение правила Чэпмена и Мак Нейла — гибриды не могут превзойти родительские формы по содержанию белка.

Примерно к тому же времени (1970 г.) относятся и опыты, сделанные Лукьяненко совместно с В. Б. Тимофеевым. Они приводят к выводу, что при внутривидовой гибридизации озимой мягкой пшеницы у 21,8 процента гибридов в первом поколении содержание белка было выше, чем у высокобелковой формы, у 55,2 процента гибридов было промежуточное положение, и только 23 процента не дали повышения содержания белка. Это в условиях Кубани.

На северо-западе же нашей страны Н. Г. Пугач и Л. В. Соколова при скрещивании Мироновской-808, Безостой-1 и других сортов также не наблюдали повышения содержания белка у гибридов первого поколения по отношению к исходным формам. Они или находились по этому показателю на уровне родительских форм, или количество его заметно падало. Ученые многих стран в этом направлении ведут подобные исследования и совершенно по-иному — путем воздействия на семена пшеницы мутагенами. Мутагенный способ — это испытание семян пшеницы химическими веществами или посредством 'облучения разного рода лучами. Делается это с целью изменения наследственной основы (в лучшую, естественно, сторону).

Ставя перед собой задачу повысить содержание белка, таким методом

пользовались индийские ученые при выведении нового сорта Шабати Сонора-64. Он был получен путем последовательного воздействия гамма-и ультрафиолетовыми лучами на семена мексиканской пшеницы, переданной доктором Норманом Борлаугом в дар индийскому народу. Мутант выгодно отличался от своего знаменитого мексиканского собрата.

Болгарские ученые воздействовали лучами Рентгена и гамма-лучами на семена наших Безостой-1, Мироновской-808 и Ранней-12 и смогли получить мутанты с более высоким по сравнению с исходными формами содержанием протеина и клейковины. «Сила» муки не уступала или превосходила исходные сорта.

Возможно, метод, о котором идет речь, и имеет право на будущее. Но сегодня он называется экспериментальным мутагенезом далеко не случайно. Все это пока что находится в стадии поиска, опыта. Общеизвестно, что путь от лаборатории до делянки и производственного посева бывает долгим и нелегким. Так как прежде всего нужно получить обнадеживающие данные от результатов этих опытов в полевых условиях.

13 ИЮНЯ

В конце мая и начале июня 1973 года Кубань заливали дожди. Их сменила жара. Создались условия, особенно благоприятные для развития ржавчины. Весьма тревожило Павла Пантелеймоновича состояние новых сортов Аврора и Кавказ — ведь их районировали только в прошлом году, а в последние две недели вели себя они неузнаваемо. И это сорта, которые превзошли знаменитую Безостую по многим показателям! Он стал получать сигналы из колхозов и совхозов края о поражении их в сильной степени ржавчиной на значительных площадях. Связался с институтом фитопатологии, что находится по соседству с КНИИСХом на окраине города. Стал наведываться туда почти ежедневно. Ему не терпелось дожидаться от специалистов ответа на мучивший его вопрос — откуда появился неизвестный тип ржавчины? Тогда можно будет попытаться предложить и меры борьбы с ним... Но фитопатологи на этот раз оказались бессильны — никто не встречал в своей практике подобной расы. «Был бы жив Русаков, — размышлял Павел Пантелеймонович, — тот бы ответил сразу на все вопросы». Так думал он, вспомнив авторитетнейшего специалиста-фитопатолога.

А вечером 12 июня после долгих подсчетов и обобщений положил на стол докладную записку, которую требовали от него на завтра. В ней

приводились данные об эпифитотии ржавчины, своего рода эпидемии, вспыхнувшей на полях края. Сам заголовок для справки черкал несколько раз, заменяя более подходящим, исправлял, дополнял текст. Перед уходом домой решил захватить ее, чтобы окончательно подработать.

Передохнув после ужина, Павел Пантелеймонович приступил к правке. Окончив это занятие, он вспомнил о планах на завтрашний день. Обещал подъехать Усенко. Они еще раз должны будут уточнить маршруты совместной поездки по старому, заученному кольцу. Хотя Владимир Васильевич и отказался накануне от выезда, сославшись на нездоровье, надо попытаться с утра переговорить с ним об этом.

Да, каждый год в первых числах июня в последние годы отправлялись они по намеченному кругу — Краснодар — Усть-Лаба — Майкоп — Гиагинская — Кропоткин — Краснодар. Сколько поездить пришлось по этим местам за это время! Все было: и холодно, и голодно порой; особенно когда приедут поздно вечером на сортоучасток, куда пойти ужинать? Так часто и ложились с дороги голодными. Это сейчас заранее позвонят, там уже ждут, встретят со вниманием и заботой. Но стало так только несколько последних лет. Невзгоды и напасти испытал на себе не только он. Обо всем этом мог бы поведать и Пустовойт, и каждый, кто хоть как-нибудь связан с селекцией.

Вспомнилось ему, как им с Владимиром Васильевичем Усенко в одну из таких поездок чуть было не пришлось ночевать на улице. В майкопской гостинице не оказалось свободных мест. Администратор, борясь со сном, вязала шерстяной носок, и только когда сквозь дрему расслышала, что нужна комната депутату (так решился наконец сказать ей Владимир Васильевич), сию же секунду вспомнила и подыскала для них свободный номер. Тем более что и нужен-то он был для них всего до утра!..

В то июньское утро встал он, как всегда, рано. Пошел тринадцатый день первого летнего месяца. После душа, уже выходя из ванной, задержал свой взгляд на фиксатуаре, стоявшем на полочке среди прочих флаконов. Не решаясь, видимо, сам принять решение, спросил жену:

— А что, Поля, может, еще повоюем? Возьму и подмоложусь сейчас, глядишь, год-другой сбросится сам по себе?!

На что Полина Александровна ответила:

— Ну что ты? Да нельзя тебе совсем. Подумай, только-только на ноги встал, а уже хочешь на своей голове испытать действие неизвестных тебе химических веществ. Повременил бы лучше, а там видно будет.

— Не буду, не буду, отложим до лучших времен, — видя такой оборот дела, проговорил Павел Пантелеймонович, улыбнувшись.

Пока жена готовила на стол, он отлучился на лоджию. От цветочных ящичков шел слабый запах ночной фиалки, оранжево кричали граммофончики настурции. Вдоль крайкомовской ограды уже двигались редкие пока прохожие. Начинался еще один день. Черные стрижи проносились, спускаясь, как это они делают над водной поверхностью, к самой его голове. В утреннем, еще свежем после ночи, но уже тяжелом своей влагой воздухе отдавался то скрежет трамвайного вагона на повороте у городского парка, то доносилось мягкое шуршание шин троллейбуса со стороны улицы Шаумяна.

Войдя с лоджии на кухню, он тут же уселся за стол. Мягко и мирно, как избалованный котенок, урчал холодильник.

— А что это у тебя такие синие, неудачные сегодня вареники? — спросил он жену. — Не годится — у двоих селекционеров в доме хорошей муки нет! Где это ты отхватила такую?

— На рынке. На Сенном. А где же еще?

— Что ж ты мне не скажешь? Сходи сегодня на рынок, возьми клубники. А я к вечеру муки подвезу.

Из лифта он вышел, не успев пригладить волосы, и направился к выходу.

— Ну вот, Василий, поедem из одного дома в другой, — сказал он, поздоровавшись, шоферу.

Совсем немного надо машине, чтобы пересечь Краснодар из одного конца в другой. Улицы со старыми невысокими домами — в зелени клена, ясеня, каштана. Цветы вдоль тротуаров. Выехали из зеленого грота улицы Шаумяна, миновали Сенной рынок, за ним серую затворенную раковину круглого цирка и ажурную башню Шухова. А вот и простор улицы Северной с шарами аккуратно подстриженных кленов. Чуть дальше от дороги — ряды каштанов и черного ореха до самого кинотеатра, за которым с двух сторон побежали ряды молоденьких акаций. Поворот от сельхозинститута к четырехэтажному одинокому зданию средней-школы на пригорке. Промелькнула ограда беленых клеточек каменного забора, обогнули дендропарк, да вот и поле, опытное поле. Его работа.

Едва дойдя до машины, он стал опускаться на землю, зажав рукой то место, под которым так долго билось его сердце. Ожидавшим его здесь показалось в ту минуту, что у него просто подкосились непослушные ноги. В его годы это и немудрено.

И вот душа его отлетела, поднялась высоко над хлебным полем, оглядывая все новые и новые открывающиеся ей просторы, — и все его, его нива...

Далеко по земле протянулась она — от Балтики до Адриатики, и здесь — от юга Украины улеглась вдоль Кавказских гор. Вечная золотая нива. Та самая, что приняла его у ног матери, и та, что кивала ему приветливо, как своему творцу, головками колосков с родных полей и с полей Югославии, Венгрии, Болгарии, Польши, Чехословакии, Турции и с немецкой земли.

Хоронил Павла Пантелеймоновича Лукьяненко, казалось, весь Краснодар. Всхлипывали женщины. Мертвели и никли живые цветы. Венки из пшеничных колосьев проделали с ним последний путь от крайисполкома.

Первая улица города не смогла бы припомнить подобной траурной процессии. На тротуарах, по обочинам дороги теснились жители — женщины, мужчины, дети... Печальная процессия в сопровождении воинского эскорта медленно двигалась под палящими лучами степного южного солнца. Провожали в последний путь человека, вся жизнь которого была посвящена тому, чтобы не было на земле голодных.

Глава третья

СЛАВА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЕЛЕКЦИИ

В правительственной телеграмме П. П. Лукьяненко по случаю его семидесятилетия говорилось:

«Наша партия и все советские люди высоко ценят замечательный вклад, который внес в развитие социалистического сельского хозяйства нашей страны академик П. П. Лукьяненко. Достижения в разработке нового направления в области селекции сельскохозяйственных культур, созданные ученым высокоурожайные сорта озимой пшеницы, среди которых такие шедевры отечественной и мировой селекции, как Безостая-1, Аврора, Кавказ, получили широкую известность и признание в Советском Союзе и далеко за его пределами».

И эта исключительно высокая оценка справедлива. Павел Пантелеймонович не только создал свои сорта. На протяжении многих лет он проявлял заботу и оказывал действенную помощь специалистам колхозов и совхозов, нашим друзьям за рубежом.

Назначение селекционера, конечный итог усилий Лукьяненко всегда видел в том практическом результате, который должен непременно венчать труд ученого. Это было принципом всей его многогранной работы, и к нему он призывал своих учеников и сотрудников. Поэтому с полным основанием имел право, как никто другой, сказать: «Селекционеры не только люди науки, люди научного труда. Они органически связаны с производством, с практикой, являются непосредственными участниками колхозно-совхозного производства. В этом и заключается глубочайший смысл единства науки и практики в сельском хозяйстве».

Тщетно было бы искать другого селекционера, который бы имел на своем счету такое количество выведенных сортов. Коллективом, которым он руководил, было передано в государственное испытание 46 сортов, 18 из них пришли на колхозные поля. Сорта селекции Лукьяненко, по выражению академика ВАСХНИЛ П. М. Жуковского, «следовали один за другим, как новые этажи высотного здания». Как правило, каждые 7—10 лет появлялся новый сорт селекции Лукьяненко, который ускоренными методами, разработанными ученым, внедрялся в производство. Сорт

Безостая-1 районирован в 48 областях СССР, а также в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии и Турции. Он начал возделываться в Иране и в Афганистане. Общая площадь, занимаемая Безостой-1, — 13 миллионов гектаров ежегодно в СССР и за рубежом. Такого ареала распространения не знал ни один сорт в истории мировой селекции. Теперь не редкость, что на полях наших хозяйств собирают урожай до 40–45 центнеров с гектара. Несколько лет спустя, в 1979 году, когда во многих районах нашей страны была сильнейшая засуха, Безостая вновь проявила свои великолепные качества, доказав, что, несмотря на двадцатилетний период возделывания, она нисколько не сдала своих позиций. В том году на Кубани средний урожай Безостой достиг 30 центнеров с гектара!

Павлу Пантелеймоновичу Лукьяненко принадлежит не только авторство всемирно известных сортов. Им написано около 150 научных работ — монографии, статьи, сообщения. Замечательны его выступления на важнейших международных форумах по вопросам селекции, выступления на страницах советской печати, касающиеся вопросов повышения уровня сельскохозяйственного производства, усиления связи науки с жизнью. Одной из привлекательных черт характера Павла Пантелеймоновича являлось благородство, рыцарское отношение к своим коллегам. Как отмечает академик ВАСХНИЛ П. М. Жуковский, «он был очень принципиальным, но дружелюбным. Все же, когда он выступал в дискуссиях, слушатели побаивались: бил он метко, но не «снарядами», а «стрелами».

Родина и мир высоко оценили его достижения и вклад в развитие сельскохозяйственного производства. Трудно перечислить его награды и титулы. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. В 1979 году посмертно он удостоен еще одной Государственной премии. Иностранные академии наук избрали Лукьяненко почетным членом: в Болгарии, ЧССР, Польше, Венгрии, Югославии, Румынии и Швеции. За свою работу Лукьяненко награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, многочисленными орденами и медалями зарубежных стран.

После Безостой-1 Лукьяненко создал не один замечательный сорт, и среди них такие, как Ранняя-12, Аврора, Кавказ, Краснодарская-39. Но всегда, как и в начале своего пути, он видел дальнюю цель — мечтал создать сорт будущего, который стал бы воплощением чаяний земледельцев всех времен. Поэтому он писал: «Вот уже 34 года я работаю с озимыми пшеницами, иду навстречу своей мечте: создать сорт, дающий человеку по 70–80 центнеров с гектара. В каждом из 30 сортов, которые я создал, есть

какие-то качества того будущего сорта, о котором я мечтаю...»

Его недаром называют одним из отцов «зеленой революции». Шаг за шагом подходил он к вершине своих достижений, год от года создавал сорта, отвечающие требованиям времени.

До последнего дня своей жизни Лукьяненко постоянно работал над выведением новых и новых сортов пшеницы. Теория и практика для него были неразрывны. Потому и видели его то в кабинете, то в лаборатории, то на трибунах конгрессов, и он же бывал частым гостем, но далеко не праздным, колхозных полей, где изучал своих питомцев уже в производственных условиях или давал советы по уходу и технологии возделывания, стоящие иных томов. И это поставим ему в заслугу — умел Павел Пантелеймонович не только среди моря колосков вдруг обратить внимание именно на один-единственный, который часто служил исходной формой для дальнейшей работы, но так же безошибочно выбор его падал на того или иного агронома, которому привозил он мешок семян нового сорта на пробу, а на другой год хозяйство уже вовсю разворачивало работы по внедрению его на больших площадях. На это тоже надо было иметь талант. И немалый!

Шедевр Лукьяненко — Безостая-1 — и сегодня продолжает служить Родине и миру: он высевается ныне на площади в 13 миллионов гектаров (по данным В. Н. Ремесло) и за все годы своего возделывания по стране дал прибавку зерна свыше 30 миллионов тонн!

Ему аплодировали на конгрессах селекционеров в Кембридже и в Анкаре, в Будапеште и в Софии. Он был избран почетным членом известнейших академий Европы, внес большой вклад в развитие сотрудничества селекционеров СССР и США, Канады и Мексики, Швеции, Франции, Италии и Индии и, конечно, братских стран социализма.

В августе 1973 года в США проходил в течение недели IV Международный симпозиум по генетике пшеницы. Когда его почетный президент Кит Финали (Австралия), открывая заседание, сообщил находившимся в зале более чем четверемстам известным селекционерам со всех континентов о кончине выдающегося селекционера нашего времени Павла Пантелеймоновича Лукьяненко, зал замер, минутой молчания почтив память ученого.

Имя П. П. Лукьяненко носит сейчас научно-исследовательский институт, где он трудился. У входа в сельскохозяйственный институт, в котором он учился, висит мемориальная доска. В этом же вузе ежегодно учреждается стипендия его имени. Один раз в три года присуждается золотая медаль имени Лукьяненко за особо выдающиеся успехи в области

селекции. Первую такую медаль получил ученик Павла Пантелеймоновича Юрий Михайлович Пучков.

Его Безостая увековечена на почтовых марках — редкая честь для сельскохозяйственной культуры! На родине селекционера установлен бронзовый бюст.

Так благодарный народ хранит память о своем замечательном сыне.

В разные времена народ наш выдвинул таких подвижников, как Болотов, Тимирязев, Вавилов, Мичурин. К этой плеяде относится и Лукьяненко. Очень верится в то, что славу отечественной науки приумножат те, кто сегодня продолжает их дело.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. П. ЛУКЬЯНЕНКО

1901, 27 мая — Родился в станице Ивановской, ныне Краснодарского края.

1909, сентябрь — Поступил в Ивановскую церковноприходскую школу.

1910 — Умерла мать Евгения Авдеевна.

1912 — Отец Пантелеймон Тимофеевич вторично женится на вдове Параскеве Емельяновне Кольвае.

1912, май — Окончил Ивановскую церковноприходскую школу.

1919, май — Окончил Ивановское реальное училище.

1919, сентябрь — Поступил в Кубанский политехнический институт на экономический факультет, но не учился, только числился.

1920, июль — Призван на службу в РККА, запасный полк Кубанской армии.

1920, сентябрь — Откомандирован для продолжения образования. Поступает в Северо-Кавказский университет на естественный факультет.

1921, март — 1922, сентябрь — Служба в РККА.

1922, сентябрь — 1926, май — Студент Кубанского сельскохозяйственного института.

1926, апрель — октябрь — Техник опорного пункта Кубано-Черноморского НИИ в городе Ессентуки.

1926 — Женится на Полине Александровне Поповой.

1927 — Заведующий полем изучения промышленных растений Кубано-Черноморского НИИ в станице Кореновской.

1928 — Родился сын Гена.

1928 — Заведующий полем промышленных растений в станице Крымской.

1929, март — Заведующий Чеченским сортоучастком института прикладной ботаники и новых культур.

1930, октябрь — Старший научный сотрудник по селекции озимой пшеницы Краснодарской селекционной опытной станции.

1936 — Родилась дочь Оля.

1936, ноябрь — Награжден Наркомземом СССР за выведение новых

сортов озимой пшеницы денежной премией.

1940 — Награжден Большой серебряной медалью ВСХВ.

1942 — В станице Ивановской умер отец Пантелеймон Тимофеевич.

1943, *февраль* — Трагически погиб сын Гена.

1945 — Награжден медалью «За оборону Кавказа».

1946 — Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

1946 — Удостоен Государственной премии II степени.

1950 — Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1955 — Награжден Большой золотой медалью ВСХВ.

1956 — Награжден Большой золотой медалью ВСХВ.

1956 — Старший научный сотрудник по селекции озимой пшеницы и заведующий отделом селекции Краснодарского НИИСХ.

1957 — Награжден орденом Ленина и Золотой медалью «Серп и Молот» с присвоением звания Героя Социалистического Труда.

1958 — Удостоен Ленинской премии.

1961 — Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С 1962 г. избирался депутатом Верховного Совета СССР.

1964, *январь* — Постановлением ЦК КПСС принят в ряды членов КПСС без прохождения кандидатского стажа.

1966 — Награжден орденом Ленина.

1969 — Присуждена золотая медаль имени И. В. Мичурина.

1971, *8 апреля* — Награжден второй Золотой медалью «Серп и Молот», дважды Герой Социалистического Труда.

1973, *13 июня* — Скончался в Краснодаре.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Заведующий селекцией зерновых культур отделения растениеводства и селекции ВАСХНИЛ.

2. Руководитель координационного плана работ по теме «Селекция озимой пшеницы стран СЭВ».

3. Руководитель работ по проблеме 04.08 «Создать высокоурожайные сорта и гибриды зерновых культур, отзывчивых на орошение и удобрение».

4. Член Госкомиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур.

5. Член Высшей аттестационной комиссии.

6. Член Государственного комитета по Ленинским премиям.

7. Член Научно-технического совета МСХ СССР.

8. Член Научно-технического совета МСХ РСФСР.

9. Член Объединенного междуведомственного совета по важнейшим проблемам сельского, водного, лесного хозяйства Государственного комитета по науке и технике.

10. Член правления ВОГИСа (Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова).

11. Член редколлегии журналов «Генетика», «Селекция и семеноводство», «Сельские зори», «Сельскохозяйственная биология».

Действительный член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина с 1948 года, Академии наук СССР с 1964 года. Также избран почетным членом Венгерской академии наук с 1965 года, иностранным членом Сельскохозяйственной академии Болгарии с 1967 года, иностранным членом Королевской академии сельского хозяйства и лесоводства Швеции с 1968 года. Почетный член Академии наук ГДР.

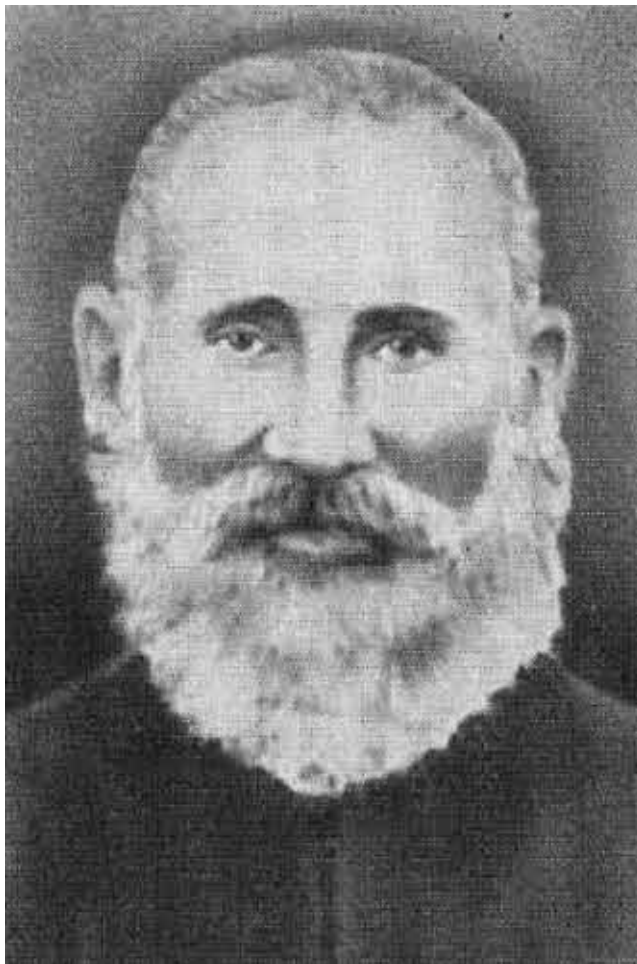
Доктор сельскохозяйственных наук с 1960 года и заслуженный деятель наук РСФСР с 1967 года.

Награжден орденами социалистических стран: орденом имени Георгия Димитрова, орденом Югославского Знамени с золотой звездой, Чехословацким орденом Труда, орденом Социалистической Республики Румынии «Научная заслуга» первой степени, Кавалерийским крестом ордена Возрождения Польши.

РАЙОНИРОВАННЫЕ СОРТА ОЗИМОЙ ПШЕНИЦЫ СЕЛЕКЦИИ П. П. ЛУКЬЯНЕНКО

1. Гибрид-622 — 1937
2. Краснодарка-622/2 — 1938
3. Первенец-Н 51 — 1938
4. Новоукраинка-83 — 1945
5. Кубанская-131 — 1951
6. Новоукраинка-84 — 1953
7. Кубанская-122 — 1955
8. Скороспелка-Л 1 — 1952
9. Скороспелка-3 — 1955
10. Безостая-4 — 1955
11. Безостая-1 — 1959
12. Ранняя-12 — 1967
13. Краснодарская-6 — 1967
14. Кавказ — 1972
15. Аврора — 1972
16. Безостая-3 — 1973
17. Краснодарская-39 — 1973
18. Краснодарская-46 — 1976

ИЛЮСТРАЦИИ

Тимофей Иванович Лукьяненко, дед П. П. Лукьяненко.

Пантелеймон Лукьяненко, отец П. П. Лукьяненко.

Павлуша Лукьяненко в детстве. Рисунок с фотографии.

Сестры П. П. Лукьяненко. 1916 год. Фотография.

*Станица Ивановская. Хата, в которой родился П. П. Лукьяненко
(современное фото).*

Уголок дома, где прошло детство П. П. Лукьяненко (современное фото).

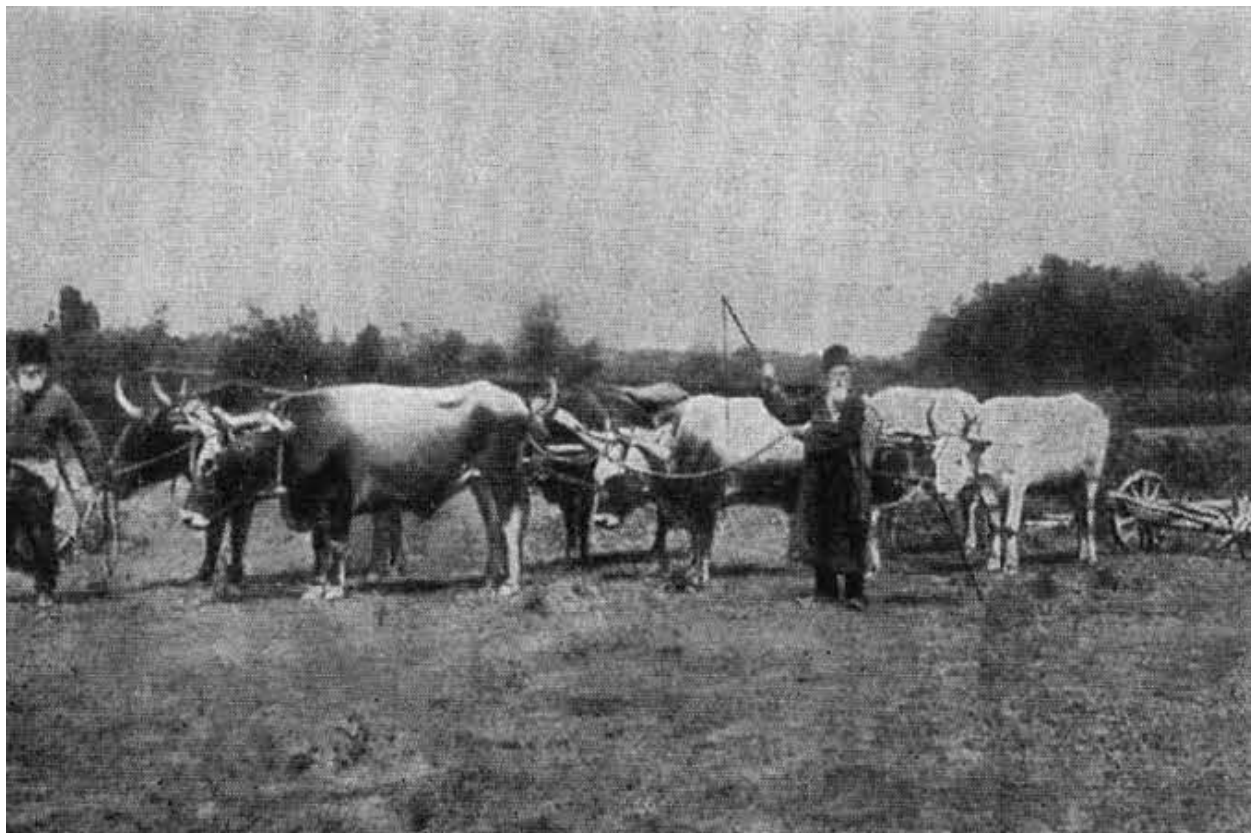
Старший брат, Петр Лукьяненко. Петроград, 1916 год. Фотография.

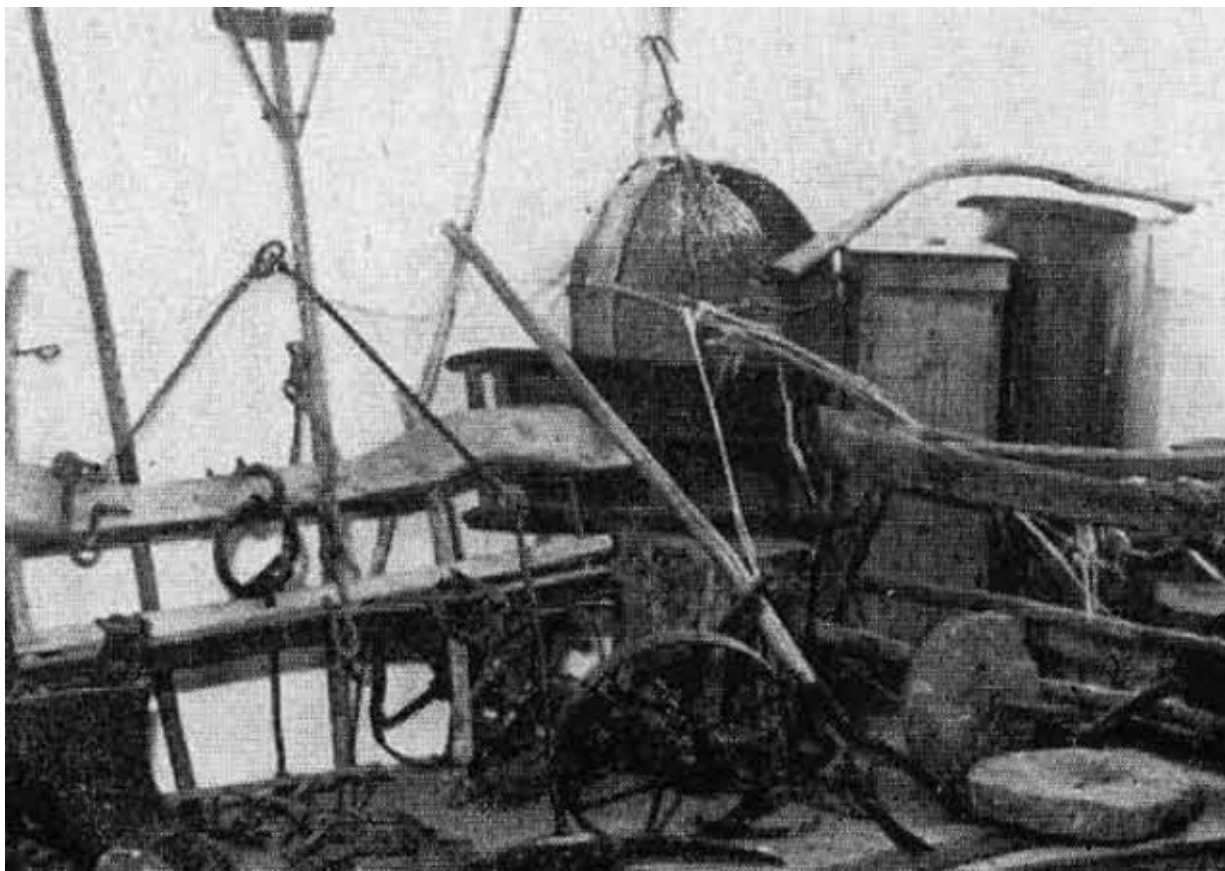
Вся семья в сборе. Крайний слева — П. П. Лукьяненко.

Выпускники Ивановского реального училища. П. П. Лукьяненко — третий слева в третьем ряду. В центре П. Н. Зедгенидзе. 1919 год.

Жители станицы готовятся к весенней пахоте. Фото 1910-х годов.

Сельскохозяйственный инвентарь и приспособления, применявшиеся на кубанских землях.

Общий вид Екатеринодара. Фотография начала XX века.

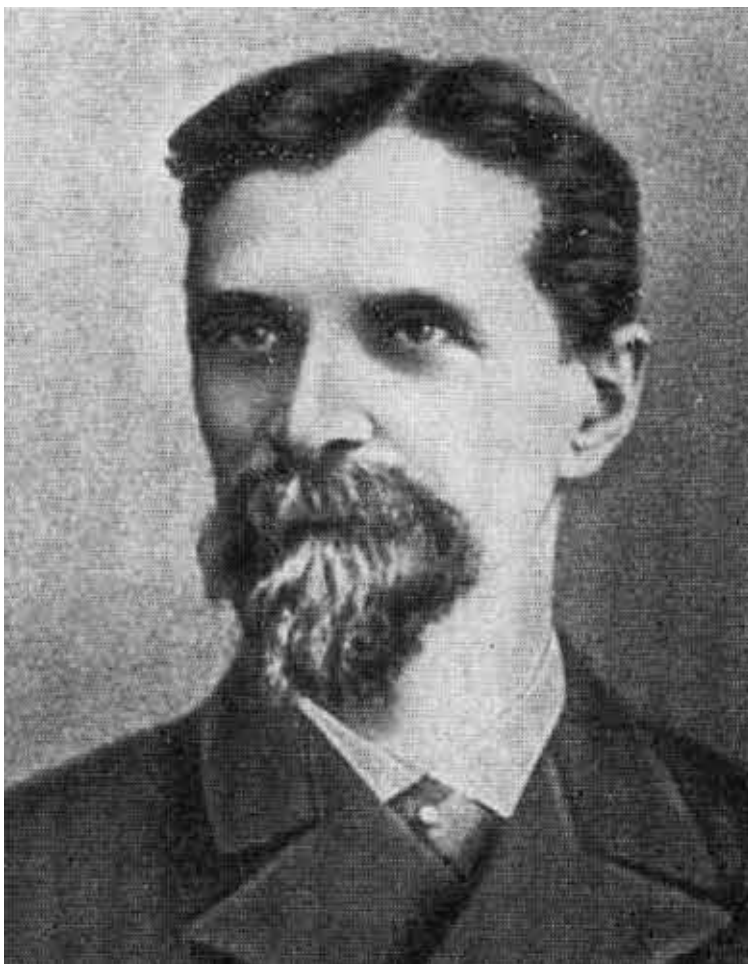
Екатеринодар. Екатерининская улица. Фотография начала XX века

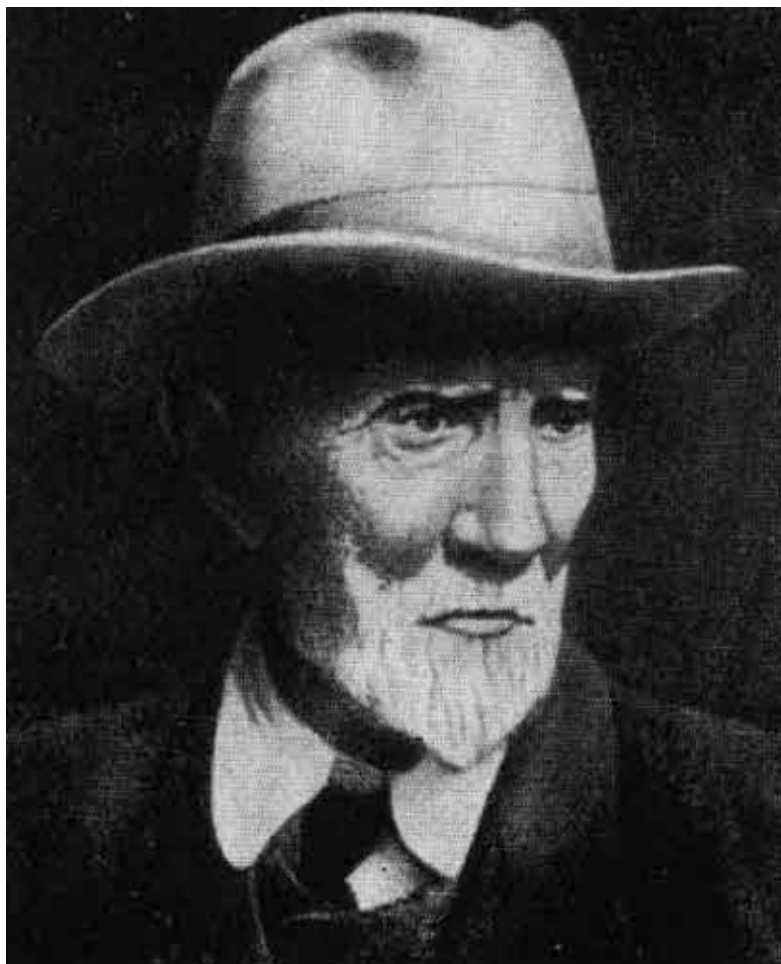
Агроном В. С. Пустовойт. Фото 1908 года.

В. В. Докучаев. Фотография конца XIX в.

К. А. Тимирязев. Фотография 1870-х годов.

И. В. Мичурин в последние годы жизни. Фотография.

Академик Николай Иванович Вавилов.

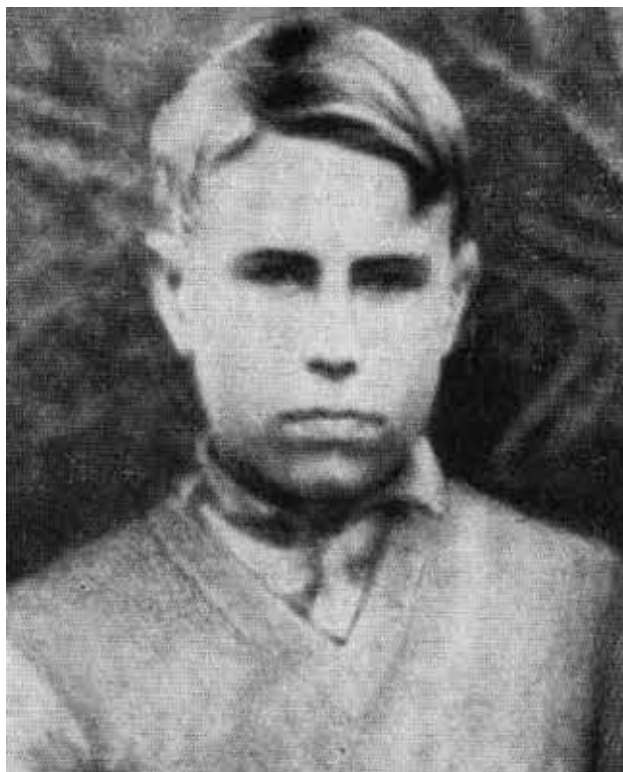
Профессор А. И. Носатовский. Фото 1925 года.

П. П. Лукьяненко — студент первого курса. Фотография 1922 года.

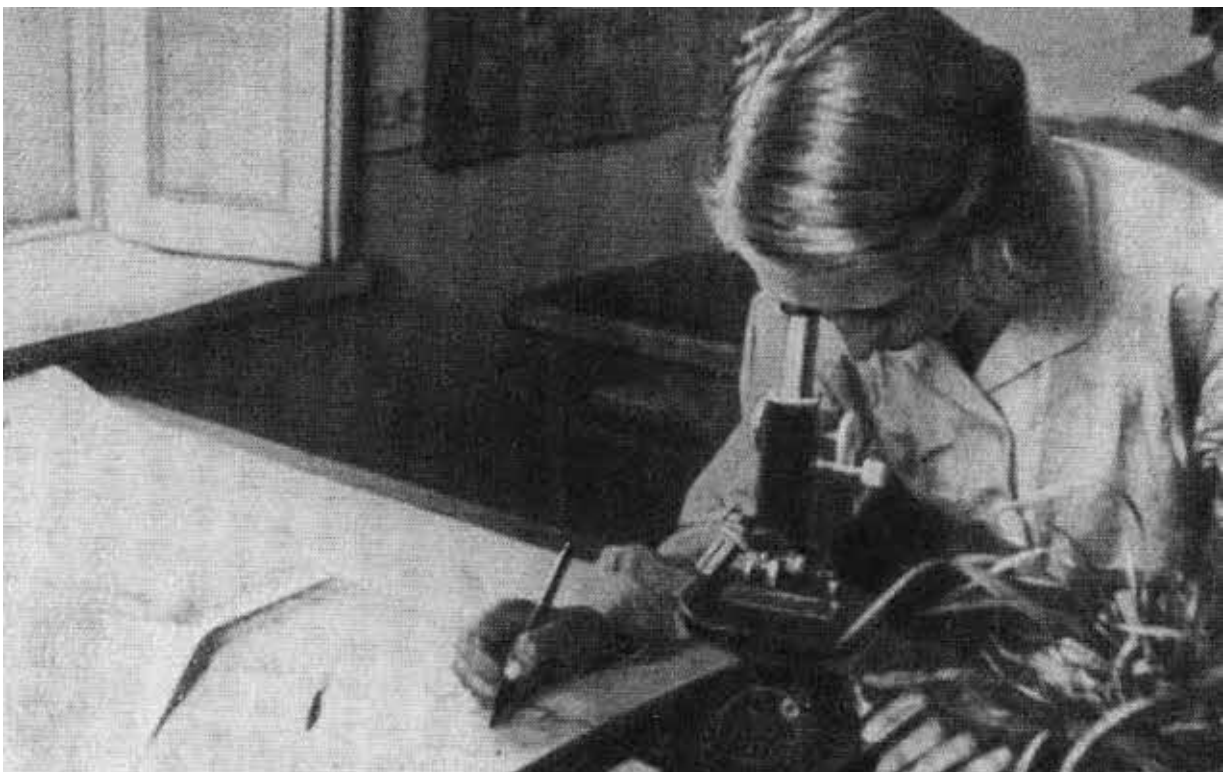
Полина Александровна Лукьяненко в юности.

Гена Лукьяненко в двенадцатилетнем возрасте.

Оля Лукьяненко — школьница.

П. А. Лукьяненко определяет зимостойкость пшеницы.

На улицах освобожденного Краснодара. Фотография 1943 года.

П. П. Лукьяненко. Фотография 1943 года.

П. П. Лукьяненко с сотрудниками в поле во время гибридизации.

«Родословное древо» шедевра П. П. Лукьяненко — сорта Безостая-1.

*Созрел урожай на опытном поле. П. П. Лукьяненко со своими
сотрудниками.*

П. П. Лукьяненко с гостем из Венгрии — директором научно-исследовательского института Шандором Бойки.

Административный корпус Краснодарского научно-исследовательского института сельского хозяйства.

Краснодар сегодня. Центральная часть города.

П. А. Лукьяненко. Фотография 1972 года.

Вид дома, где жил в последние годы П. П. Лукьяненко.

Вот он, венец труда. Удачной вызрела пшеница на опытном поле.

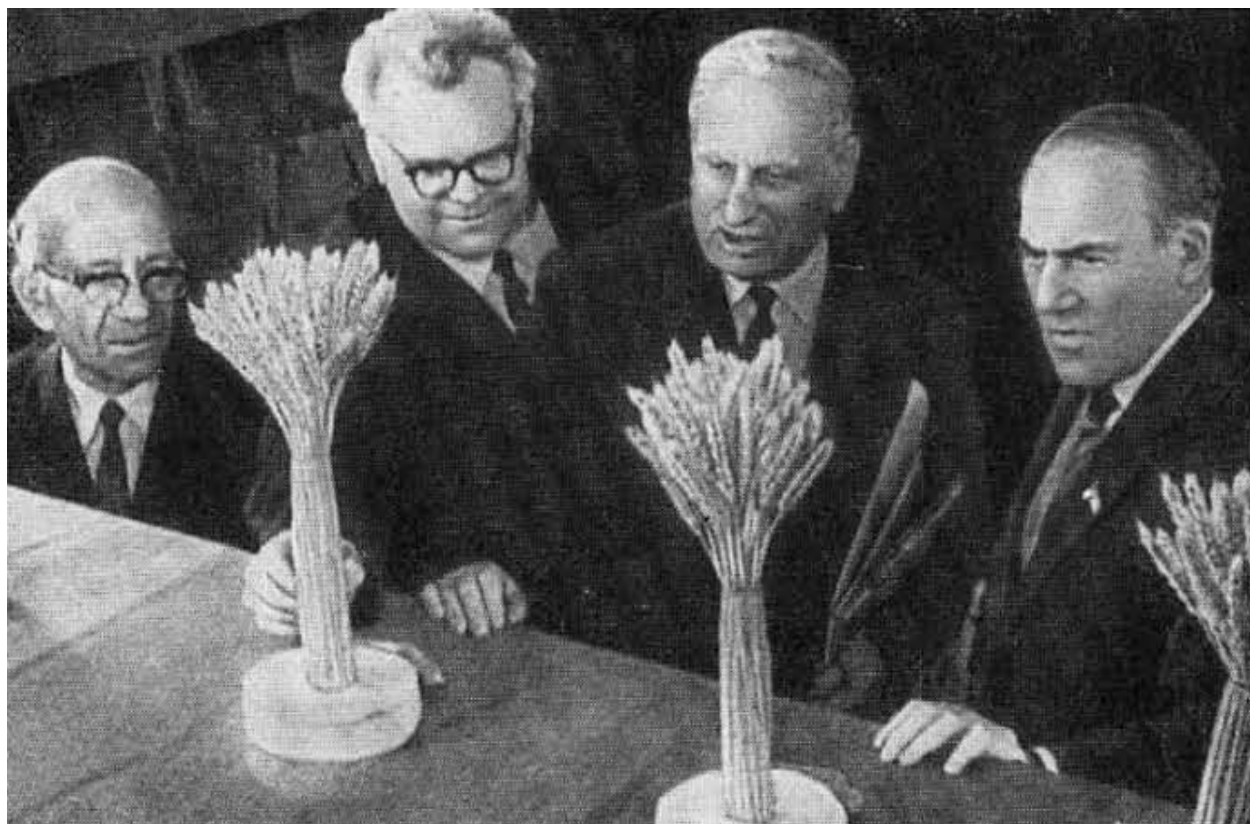
*Краснодар. Здание краевого комитета Коммунистической партии
Советского Союза.*

Одна из бесчисленных встреч с хлеборобами.

Соратники в науке. Слева направо — академики В. С. Пустовойт, М. И. Хаджинов, П. П. Лукьяненко.

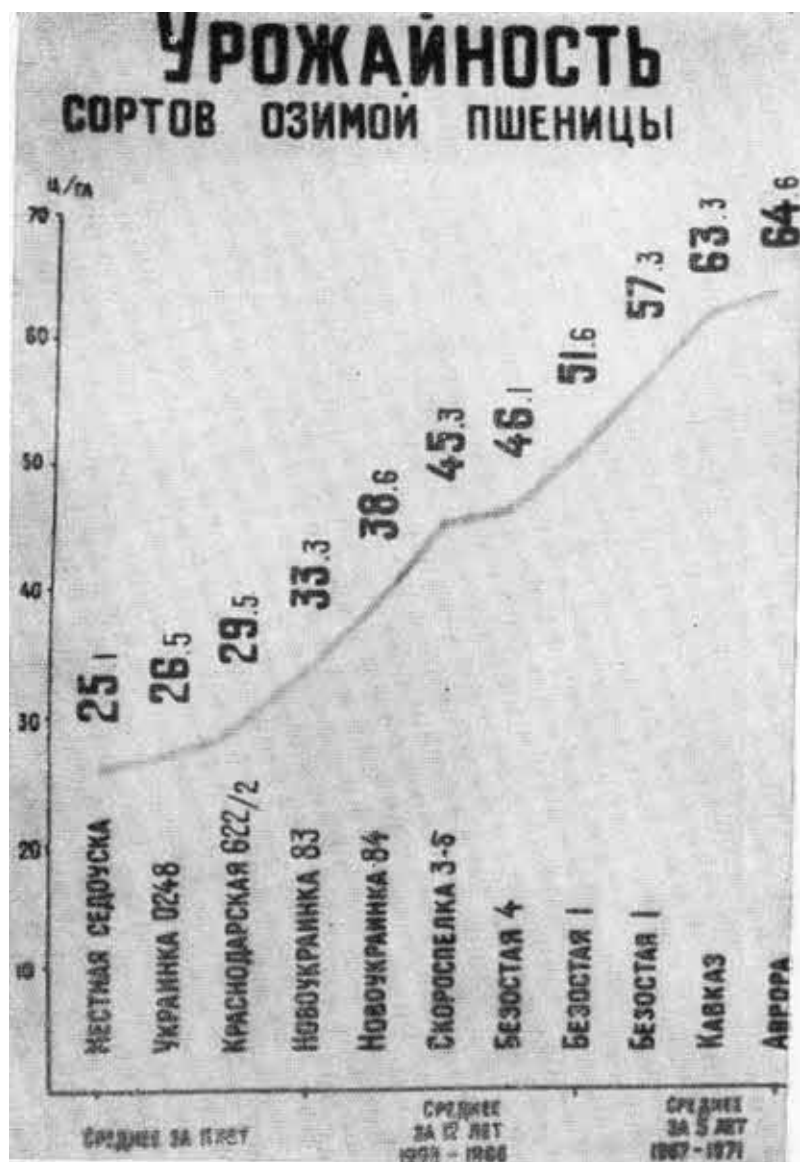
Союз науки и слова. Слева направо — академик М. И. Хаджинов, писатель Леонид Иванов, П. П. Лукьяненко, писатель Вадим Кожевников.

*Заокеанский гость на полях КНИИСХа — доктор В. А. Джонсон
(третий справа). 1972 год, июль.*

*Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда
академик П. П. Лукьяненко.*

Красноречивая сводка творческих побед селекционера.

Академик П. П. Лукьяненко в рабочем кабинете.

За разбором бесконечной почты ученого.

В поле.

П. П. Лукьяненко. Одна из последних фотографий.

Обелиск, установленный в месте кончины П. П. Лукьяненко.

Бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда П. П. Лукьяненко на территории института, где он работал.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Вавилов Н. И.* Избранные труды в пяти томах. Т. 5. М, — Л., 1965.
- Фляксбергер К. А.* Пшеница. М.—Л., 1938.
- Носатовский А. И.* Пшеница (биология). М., 1965.
- Максимов С. В.* Куль хлеба и его похождения. Пбг., 1873.
- Плосков Ф. П.* Хозяин моря пшеничного. Краснодар, 1970.
- Пальман В. И.* Земной поклон. М., 1975.
- Клепиков М. И.* Земля в долгу не останется. М., 1976.
- Пруцкова М. Г., Уханова О. И.* Новые сорта озимой пшеницы. М., 1972.
- Лукьяненко П. П.* Возделывание озимой пшеницы на Кубани. Краснодар, 1957.
- Лукьяненко П. П.* О методах селекции пшеницы. «Агробиология», 1965, № 2.
- Лукьяненко П. П.* Избранные труды. М., 1973.
- Лукьяненко В. П.* В начале пути. Альманах «Кубань», 1980, № 8.
- Крупенников И. А. С. А. Захаров.* Изд-во Ростовского ун-та, 1979.
- Известия общества любителей изучения Кубанской области.* Вып. 9. Краснодар, 1925.
- О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ.* М., 1948.
- Платонов Г.* Догмы старые и догмы новые. Октябрь, 1965, № 8.
- Брежнев Д. Д.* Пшеницы мира. Л., 1976.
- Пшеница и ее улучшение.* Пер. с англ. М., 1970.

INFO

Федорченко А. Г.

Ф 33 Лукьяненко. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 271 с., ил. —
(Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 15(653).

В пер. 1 р. 30 к. 150 000 экз.

Ф 4702010200—348/ 078(02)—84 138—84

ББК 42.112—3

633.1 63(09)

ИВ № 3965

Александр Георгиевич Федорченко
ЛУКЬЯНЕНКО

Рецензенты: *Я. В. Губанов. В. Н. Потанин*

Редактор *А. Иванов*

Серийная обложка *Ю. Арндта*

Художественный редактор *А. Степанова*

Технический редактор *Г. Варыханова*

Корректоры *Г. Василёва, Е Дмитриева*

Сдано в набор 12.06.84. Подписано в печать 12.12.84.
А08259.

Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28+1,78
вкл. Усл. кр. — отт. 18, 05. Учетно-изд. л. 16,8. Тираж 150 000 экз.
(50 001–150 000 экз). Цена 1 р. 30 к. Заказ 862.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства
и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

notes

Примечания

1

Хворост (кубанск.).

Отдел — округ в Кубанском казачьем войске.

Тыжнёвые — молодые казаки, несшие до призыва на строевую службу обязанности караульных в своих станицах.

Городовики — горожане.

«Уток запросто стреляли» (укр.).

Дилижан — повозка типа линейки (кубан.).

Глинобитная мазанка с деревянной основой (*кубан*).

Вершок — около 4,5 сантиметра.

Принятое в Казахстане обращение к замужней женщине.

Эта злодейская акция была спровоцирована отступавшими из Краснодара гитлеровцами и осуществлена ими при пособничестве предателей Родины, поступивших на немецкую службу в полицаи или карательные отряды. Но злодеи не ушли от возмездия: разоблаченные, они предстали перед советским судом и понесли заслуженную кару.

Популярный певец тридцатых-сороковых годов.

Эта книга переиздана в 1982 году издательством «Молодая гвардия».

Чего нет в документах, того нет на свете (*латин.*).

Ломовой извозчик (*местн.*).